

ВОКРУГ СВЕТА

10
1963
ОКТЯБРЬ

ЧАСОВЫЕ ЖИЗНИ

Почетна и ответственна служба пограничника. Я, отслуживший на границе много лет, с гордостью думаю о тех, кто охраняет наш покой. Служить в пограничных войсках — большая честь. Я понимаю радость юноши, надевшего зеленую фуражку. Лучшим своим сынам, зорким и смелым, сильным и сметливым, доверяет народ охрану границ Советской Родины.

Граница... В этом слове я невольно ощущаю шорохи в тревожной ночи, ожидание боя, звуки погони. Думаю, что такое чувство и у тех, кто сегодня идет по дозорной тропе, по рубежам Отчизны.

Нынешним летом у стражей наших рубежей был большой праздник — 45-я годовщина пограничных войск. В честь ее проводилась Всесоюзная комсомольско-молодежная эстафета вдоль границ СССР. Это был гигантский марафон, начатый одновременно с Востока и Запада, с Юга и Севера.

В марше, который имел свой девиз: «Границу СССР охраняет весь народ», участвовали вместе с пограничниками и их добровольные помощники — школьники, лесорубы, колхозники, рыбаки, нефтяники, учителя, садоводы. И многие среди них — комсомольцы. Комсомол вот уже 45 лет направляет на охрану границы своих лучших товарищей, комсомол всегда оказывает активную поддержку солдатам в зеленых фуражках, зорко охраняющим нашу страну.

960 часов эстафета была в пути. За это время она прошла около 30 тысяч километров.

Днем и ночью, в жару и в холод несут службу часовые наших границ. Священны рубежи Отчизны. Преданные делу строительства коммунизма, мужественные люди охраняют их. Они всегда готовы встретить нарушителя. И в какие бы одежды ни рядился он, как бы ни был коварен и хитер, путь ему будет закрыт. Охрана границы в надежных руках.

О тех, кто стоит в дозоре, распознает уловки врага и обезвреживает его, вы прочтете в этих новеллах.

Н. КАРАЦУПА, полковник запаса

ГРАНИЦА НЕ СПИТ

Север

КВАДРАТ В-16

Луна просвечивает сквозь легкие облачка, и ночь кажется серебряной. Белый свет сонно блуждает по глянцевым камням, по кустикам лишайника, по шероховатому безбрежью моря. Мигает огонек радиостанции, темнеет фигура часового у боевых машин, кружатся радары, нацеленные в дымчатую белизну ночного северного неба.

...Радист принял срочную радиограмму. Последовала команда, дан сигнал боевой готовности. Зашуршал задубленный на морозе брезент, качнулись широкие лопасти вертолетов, и по аэродрому покатилась стрельба от выхлопов запускаемых моторов.

Надевая шлемофон, капитан Чупуров еще ощущал тепло подушки, сладкую дрему на лице, но первые слова командира части сразу же вернули его в то привычное состояние готовности, которое выработалось за годы службы...

— Третий, вам взлет!

Привычно действует управлением. Краешком глаза увидел фигуру механика, прижавшего шапку, чтобы ее не сдуло ветром. Машина качнулась, как бы переступая с ноги на ногу, и плавно полезла в воздух.

— Третий! Квадрат В-16. Обнаружить подводную лодку! — зарокотали наушники.

Чупуров принял команду и, нажав кнопку переговорного устройства, сказал штурману Николовичу:

— Опять этот чертов квадрат!..

На карте квадрат В-16 разделен надвое — море и глухой, обрывистый берег, далекий от населенных пунктов. Берег сильно изрезан, скалист. Большая глубина моря Подводные лодки могут подойти вплотную к суше. Что и говорить, удобная гавань для непрошеных гостей.

Летать здесь очень опасно Над морем надо идти низко, прощупывая специальными приборами цель. Несколько дней назад Чупуров летал в этот же квадрат. Это было вечером, при хорошей видимости, и то пришлось поволноваться.

Внизу вместе с вертолетом бежит по морю лунная дорожка. Николович включает прибор. Мигают зеленые глазки ламп. Пусто.

Вот и квадрат В-16. Чупуров посмотрел влево. Там, где должен быть берег, — сплошная чернота.

— Нахожусь квадрат В-16, — доложил он. — Выхожу на поиск, ноль-ноль пятьдесят три.

— Понял вас... — отвечают с командного пункта.

Вертолет летит низко, будто стрижет волны своими винтами.

Но пока ничего не обнаружено, хотя время идет. Может быть, лодка ушла или изменила курс? Хочется, чтобы она никуда не ушла, чтобы нашлась здесь, в этом трудном квадрате.

— Я третий. Два пятнадцать. Поиск продолжаю, — устало докладывает Чупуров.

Теперь вертолет идет рядом с берегом. Берега не видно. Непроницаемо-черная стена закрывает кусок белых, освещенных луной облаков. Чупуров

В НЕБЕСАХ...

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ — 45 ЛЕТ

ОЧЕРКИ, РЕПОРТАЖИ, ИЗООЧЕРКИ, СТРАНИЦЫ ФОТОЛЕТОПИСИ О МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЯХ, ГЕОЛОГАХ, ХИМИКАХ, УЧЕНЫХ, ПОГРАНИЧНИКАХ.

В ГЛУБИНАХ КОСМОСА, НЕДРАХ ЗЕМЛИ И НА ДНЕ ОКЕАНА —

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ.

РЕПОРТАЖИ ИЗ АВСТРАЛИИ, АНТАРКТИДЫ, АРГЕНТИНЫ, БОЛГАРИИ, ГДР, УГАНДЫ, ФИЛИППИН, ФИНЛЯНДИИ, ФРАНЦИИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ И С ИНДОНЕЗИЙСКОГО ОСТРОВА КОМОДО.

1963 ВОКРУГ СВЕТА № 10 ОКТЯБРЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

отрывает от рычага шаг-газа влажную ладонь, проводит пальцами по глазам, сгоняя возникающую от напряжения рябь.

И вдруг слышит звонкий голос штурмана:

— Цель под нами! Курс — триста тридцать...

На двух сигнальных глазках вспыхивает красный свет. Николович быстро производит расчет. Чупуров, нажав на левую педаль, подворачивает к цели. Лодка в глубине.

...Это были обыкновенные учения.

Ночью и днем, в непогоду и штормы идут учения. И советские летчики-пограничники в любую минуту готовы дать отпор тем, кто нарушит покой советских людей.

Запад

БАРАГАШ

Рядовой Цуканов возвращался из штаба части. Он был среднего роста, но, как говорят, вылеплен из крутого теста.

Слева от тропы тянулась высокая скала, справа зияла чернотой пропасть Барагаш. Цуканов приблизился к Барагашу и глянул вниз. Стена ущелья просматривалась всего на несколько метров, глубже разверзлась непроницаемая темнота.

В том месте, где тропа круто заворачивала влево, он едва не столкнулся с женщиной, шедшей ему навстречу.

На ней была потрепанная кацавейка, на ногах — кожаные ботинки, залепленные грязью. Толстый, застиранный платок закрывал лицо. На руках она держала грудного ребенка, закутанного в серое ватное одеяльце.

Они разминулись на узенькой тропке.

Цуканов задумался. «Почему она здесь в такой неурочный час? Одна, на опасной дороге, с ребенком на руках? Странно». Пограничник оглянулся. Женщина была уже далеко. По-видимому, она торопилась.

— Эй, подождите! — крикнул Цуканов, догоняя ее.

Незнакомка остановилась. Укачивая ребенка и что-то мурлыча себе под нос, повернулась к пограничнику и посмотрела на него воспаленными слезливыми глазами.

— Ваши документы?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Куда идете?

— В Калашу, — простуженным голосом ответила она. — Мальчик вот заболел, да и сама я... к доктору спешу... Насморк совсем одолел, и голова тоже...

— Почему без документов? Разве вы не знаете порядка?

Женщина всхлипнула.

— Начальник-то мне разрешил... Ваш начальник, с четырьмя звездочками на погонах. Паспорт у меня на прописку взяли, а он говорит: «Иди так, я скажу, кому надо». А у меня мальчик... горит весь, к доктору я...

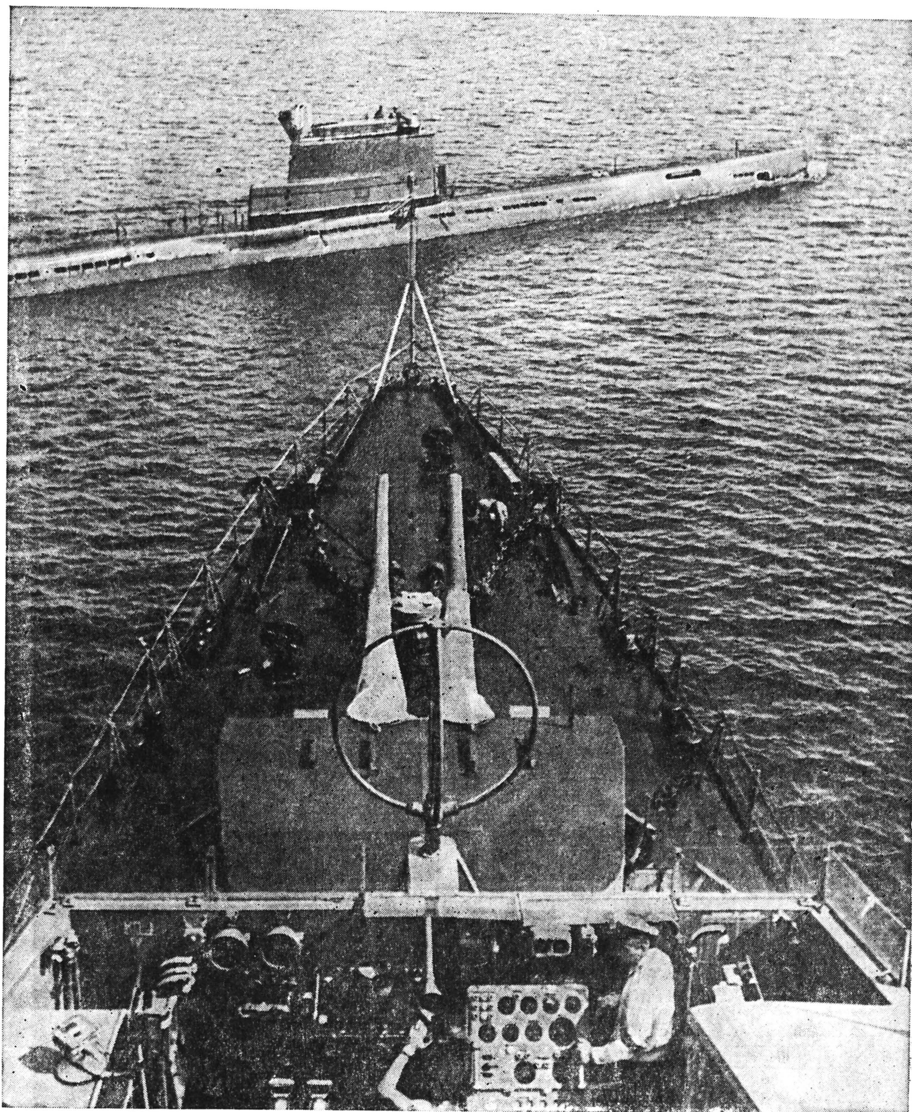
В ее словах была правда. Начальник заставы — капитан, и, значит, четыре звездочки на погонах. Но почему же он не предупредил его, Цуканова? Правда, с начальником заставы он виделся только вчера. Женщина могла получить разрешение и сегодня.

Цуканов усмехнулся и подумал: «А может, я не в меру подозрителен? Документы проверять нужно, ну, а если и впрямь разрешил начальник заставы?» Пограничник махнул рукой и приветливо сказал:

— Шагайте, раз так. Может, вам помощь нужна?

— Да нет, я сама доберусь, — поблагодарила женщина и, прихрамывая, пошла дальше. Он проводил ее взглядом, и вдруг догадка обожгла его.

Как могла хромая так далеко уйти от поворота, где они разминулись?.. Даже он прошел меньше. Правда, ему пришлось карабкаться вверх. Ей лег-

НА МОРЕ...

че: она спускалась вниз. Зато у него сила и здоровье. Стоп! Здесь что-то не то.

Цуканов быстро догнал женщину.

— Пройдемте на заставу.

— К доктору я...

— Оттуда мы вас на машине и отвезем к врачу.

— Один он у меня! — взмолилась женщина и прижала ребенка к груди. Тонко, в ниточку, заплакал малыш.

— Зачем же пешком? Пожалейте ребенка, — настойчиво повторил Цуканов. — С заставы мы вас мигом доставим.

Женщина обреченно вздохнула и пошла вверх по тропе, охая и стоная.

Вдруг она оступилась и упала на оба колена. Сверток с ребенком выпал у нее из рук и покатился к пропасти.

Цуканов услышал сдавленный крик женщины и метнулся к провалу. Еще секунда и... Но Цуканов опередил этот страшный миг. На самом краю пропасти он подхватил ребенка и отскочил к стене.

В ту же секунду жесткие пальцы сдавили ему горло. Вершины гор запрыгали в глазах. Цуканов инстинктивно вцепился зубами в руку. Теперь он видел другое лицо. Вместо слезящихся глаз на него был устремлен ненавидящий взгляд сильного человека. Это был мужской взгляд.

Ремень автомата сковывал движения пограничника, давил плечо. Цуканов потянулся к затвору, но противник схватил его за руку.

Близость смертельной опасности прибавляет силы. Цуканов высвободил одну руку и ударил врага в подбородок.

Они стояли, сцепившись, в каком-нибудь метре от края пропасти: две фигуры на черном выступе скалы.

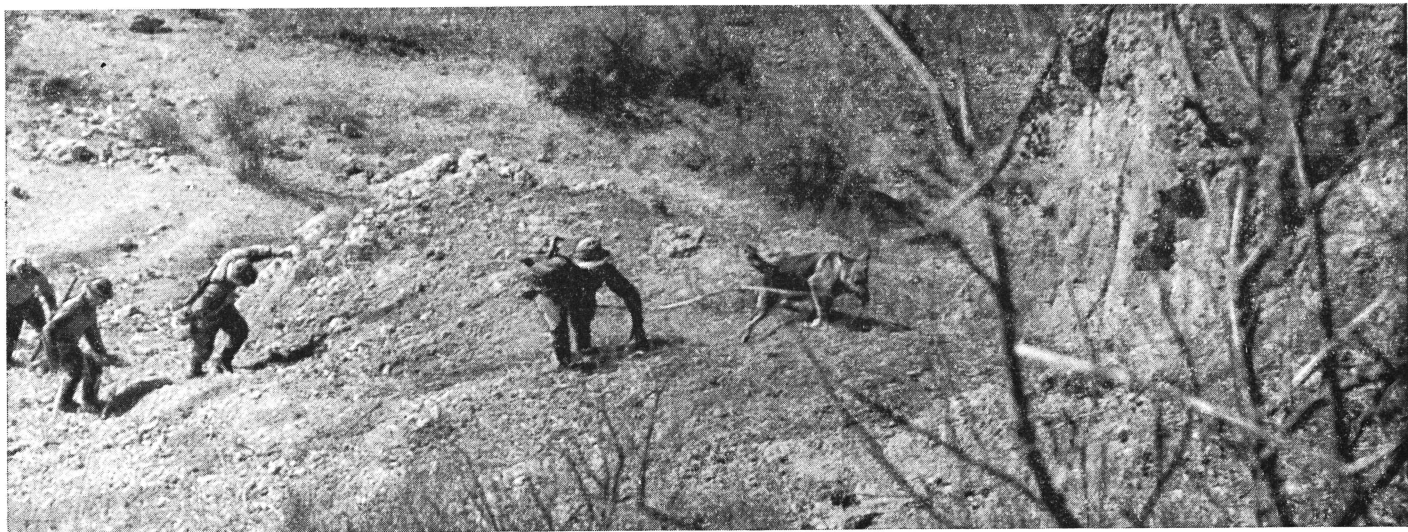
Силы оставляли Цуканова. Пограничник стал медленно отходить к пропасти. Оставалось сделать один шаг, всего один шаг, и враг не пройдет. Цуканов твердо отдавал себе отчет, на что решился.

Противник был не только силен, но и опытен. Он не дал Цуканову сделать этот последний шаг. Гибель, пусть даже вместе с советским пограничником, не входила в его план. Он потянул солдата назад, к скале. Борьба шла за каждый сантиметр площадки.

На какое-то мгновение враг оказался между ним и пропастью. Цуканов рванулся вперед и всем телом нанес удар.

Долгий замирающий крик потонул в пропасти.

В тот же день специальный наряд обследовал дно пропасти. В расселинах ущелья нашли тело нарушителя. Под тряпьем был обнаружен дорогой костюм и большая сумма советских денег. На месте схватки пограничники нашли куклу. Кукла была говорящая.

НА СУШЕ...

Юг

ВТОРОЙ ЗАСЛОН

Каждому речнику хорошо знакомы катера с зелеными вымпелами. Это речная погранохрана. Дозорные в морской форме днем и ночью несут вахту на водном рубеже. Хотя они служат на реке, все их любовно называют моряками. У них много помощников: капитаны и бакенщики, матросы и портовые рабочие. Этих людей и называют пограничники вторым заслоном.

...Усталый путник с большим мешком за спиной стоял на пороге дома старого бакенщика.

Никитыч — так звали в округе Михаила Никитовича Савенкова — всегда радовался гостю. Дом его на отшибе, люди заходят редко, и Никитыч доволен каждому путнику.

Незнакомец, прежде чем войти в комнату, долго вытирал ноги. Потом степенно заговорил:

— Это счастье — набрести на дом доброго человека. Приютите?

— Проходите. Добрый гость всегда кстати.

Никитыч стал хлопотать около печки, разжег огонь, поставил чай, собрал ужин.

Гость сразу повеселел, разговорился.

— Пробираюсь вот к родственникам, — набив полный рот, говорил он. — В пути изрядно пообтрепался. Да и продукты кончились.

Никитыч ни о чем не спрашивал. Слушал незнакомца да подкладывал в его тарелку то картофелину, то кусок мяса.

Накормив его, бакенщик предложил пришельцу попариться в баньке.

— Пар костей не ломит, — согласился тот, затем накинул на плечи пиджак, поднял с пола свой мешок и с улыбкой проговорил: — Бельишко у меня в мешке. Заодно и постираю в баньке.

Через полчаса гость вернулся. Никитыч предложил ему свою койку:

— Подушка мягкая и белье чистое.

Но гость отказался от подушки.

— Привык, знаете, спать по-походному: мешок под голову — и спи на здоровье... Подушку-то себе возьмите.

Пришелец, положив под голову мешок, быстро уснул.

А у бакенщика стало тревожно на сердце. Добрый ли человек вошел в его дом? Почему не хочет расстаться с мешком? В баню взял с собой. И теперь улегся на нем. «Приютил, видно, ты, старый, чужака, — думал Никитыч. — Да и какие могут быть тут, у границы, родственники? Окрест на пастбищах только чабаны кочуют, а в горах одни зимовщики».

Как проверить? Заглянуть в мешок? Проснется. Самому пойти к пограничникам? Далеко. К утру только дойдешь до заставы. Да и «этого» спугнешь. Решил Никитыч дождаться рассвета: авось подвернется какая оказия.

Рассвело. Старик с ведром вышел на двор, постоял у двери, прислушался. Из дома раздавался храп. Бакенщик пошел к колодцу и стал ждать: должен же кто-то из чабанов проехать мимо.

Вот послышался топот коня на дороге. Подъехал всадник — молодой чабан. Никитыч схватил лошадь под уздцы и, задыхаясь от волнения, быстро заговорил:

— Чужак у меня в доме. Скачи на заставу.

— Далеко до заставы, Никитыч. Лучше я до зимовки доберусь. А оттуда свяжемся с пограничниками.

Чабан огрел плетью коня и ускакал к горам.

Бакенщик зачерпнул воды из колодца и вернулся домой. Гость уже не храпел. «Не спит, пожалуй», — подумал Никитыч, ставя ведро на место.

Долго скакал чабан на зимовку. А когда добрался, радиста дома не оказалось. Уехал по своим делам, рация — на замке. Что же делать? Рассказал обо всем его жене, Нине. Она отыскала переносный телефонный аппарат, надела на ноги «кошки» и полезла на ближний столб линии связи. Быстро подключилась к сети.

Пока на другом конце провода искали нужного абонента, Нина начала мерзнуть на ветру. А чабан все поторапливал ее:

— Скоро, что ли? Уйдет чужак-то. Что они там копаются?

Наконец услышала Нина голос связиста-пограничника.

Наряд с заставы подоспел к дому бакенщика вовремя. Взяли неизвестного прямо за столом.

А когда развязали мешок, на стол высыпались поддельные документы, пачки денег, оружие.

Восток

«Я ЖИЗНИ СЛУЖУ»

Они возвращались с наряда. Нарта наскочила на камни. Испуганные собаки вытряхнули седоков и умчались в снежную пелену. Меньшов разбил ногу, Силищев потерял в снегу рукавицы. Шли час, другой...

И вот Меньшов не выдержал — рухнул в снег. Иван поднял его.

— Больше не могу... Оставь меня, один ты дойдешь... — сказал Петр.

— Застава рядом. Идем!

— Оставь меня. — И Меньшов уткнулся в снег.

У Силищева пересохло в горле. Руки стыли без рукавиц.

— Давай понесу. — Силищев приподнял его.

Меньшов вяло положил руки на его плечи. Иван сделал первый шаг вперед.

Петр замерзал. Этого Иван боялся больше всего. Если уснет, то уж никогда не проснется.

— Знаешь, Петя, что означает по-гречески «Зоя»? — вдруг спросил он Меньшова. — «Зоя» — это «жизнь».

Петр крепче обхватил шею товарища...

— Ты не спи... Мы еще погуляем на твоей свадьбе, — обрадовался Иван.

Меньшов молчал. Иван снова заговорил:

— А как ты думаешь, Петя: что означает цвет наших погон? — И сам себе ответил: — Говорят, зеленый цвет — цвет надежды. Значит, не пропадем мы с тобой. А заплутаем — найдут. Собаки уже добежали до дома... В беде нас не оставят. Слышишь, слева океан шумит?

Петр не отвечал. Иван резко встряхнул его. Но товарищ не отзывался. Тогда Силищев нащупал рукой колено, которое повредил Меньшов, и слегка надавил его. И тут же услышал крик.

— Брось, Иван, — невнятно выдохнул Меньшов. — Хочется спать...

Силищев опять надавил на колено Меньшова. И опять, обрадованный, услышал крик.

— Слушай, Петя... Ты слушай меня... Выдюжим. Или нашу заповедь забыл: в беде товарища не бросать?..

Ноша за плечами Силищева становилась все тяжелей. Дыхание за спиной едва чувствовалось. Иван не давал спать Меньшову, хотя самого одолевала дремота. Руки давно закоченели. Ныла под тяжестью ноши спина. Ноги отказывались шагать. За воротник набился снег. Он таял, стекая по спине.

«Где ж ты, застава? И правильно ли мы идем?»

Иван шагал медленно, пошатываясь. Иногда останавливался, чтобы собраться с силами и одолеть напор ветра. Руки совсем занемели. Сначала пальцы покалывало, и он изредка шевелил ими. Потом они стали непослушными. Пробовал дышать на них — не помогает. А окоченевшими руками не поднять Меньшова, если сползет. Держать, держать его на спине!..

Временами он словно проваливался куда-то. Ему было тепло. С невероятным отчаянием Силищев выбирался из сладкого забытья, разжимал веки, встряхивал Петра и брел дальше.

Когда бессилие и апатия готовы были охватить его снова, Силищев вдруг распрямился, зажмурился, чтобы отогреть заиндевевшие ресницы: ему показалось, что впереди мелькнул огонек. Встряхнул головой: не галлюцинация ли? Нет! Гроздья робких, едва заметных светлячков взлетали вверх. «Нам ведь сигналят», — как-то уже безучастно подумал Иван.

...Силищева и Меньшова нашли недалеко от заставы.

Двое суток они лежали в лазарете без сознания. На третьи Силищев открыл глаза и увидел над собой отрядного доктора, державшего его забинтованные руки. Иван попробовал шевельнуть пальцами. Страшная боль пронзила тело. И пограничник слабо улыбнулся: целы, значит.

— А Меньшов? — спросил он.

— Тоже придется полежать. Я сделаю все, чтобы он встал на ноги, — ответил доктор. — А ты молодец. По-настоящему молодец.

— Как и вы, я жизни служу, — ответил пограничник.

Подборку материалов «Часовые жизни» готовили: Б. БАЗУНОВ, Н. ЗАЙЦЕВ, В. ЛЮКОВ, Е. ФЕДОРОВСКИЙ.

ОТВАЖНЫЕ ПОГРАНИЧНИКИ ОХРАНЯЮТ МИР И ТРУД СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

НАМ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ

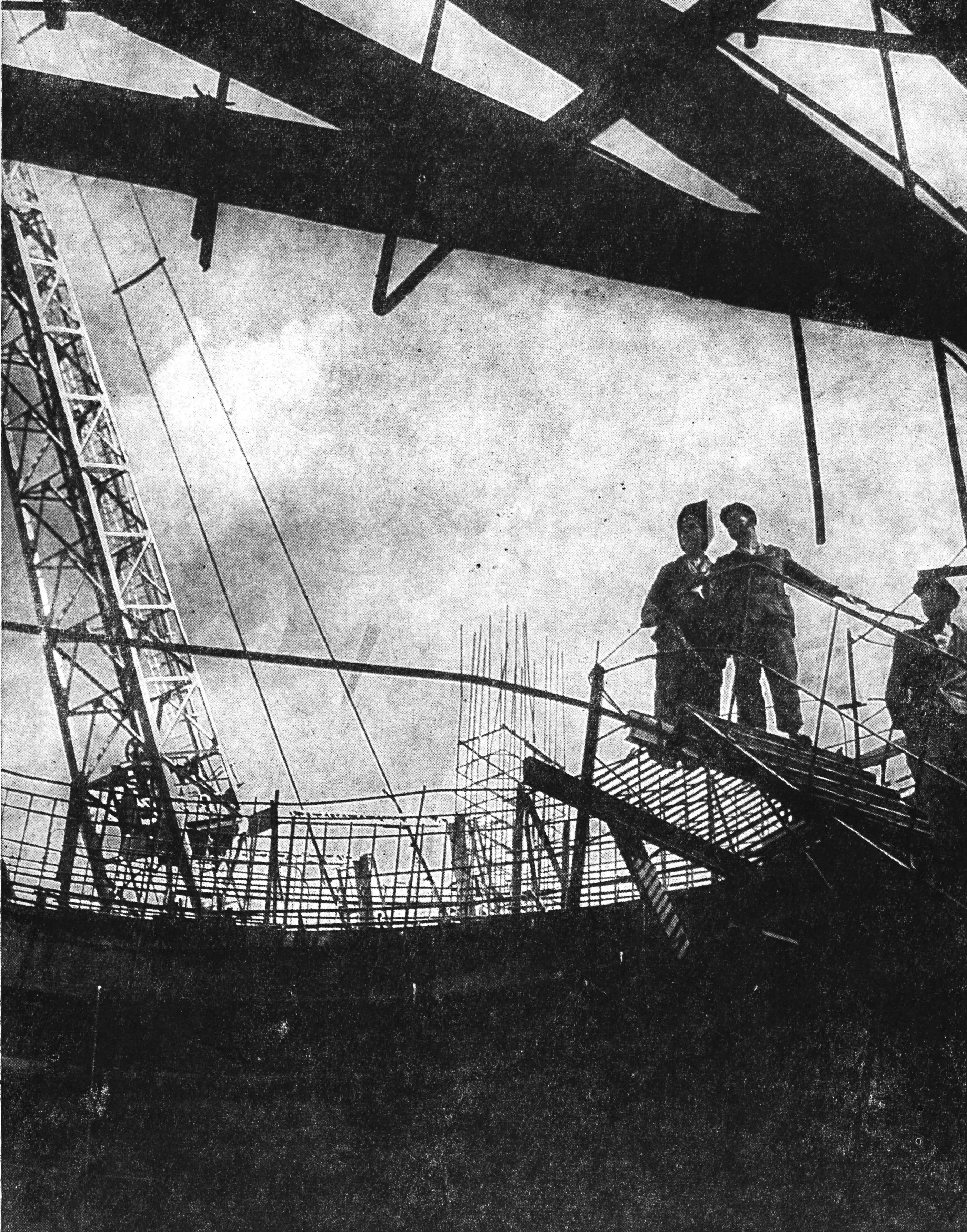

Фото Г. ДУБИНСКОГО

От Новой Земли до знойных песков Каракумов, от Калининграда до Курильских островов — на всем неоглядном просторе нашей Отчизны советские люди строят новые города, заводы, электростанции, преображают лицо земли. В первых рядах созидателей коммунизма трудятся наша замечательная молодежь, члены славного ленинского комсомола, которому в октябре этого года исполняется сорок пять лет. От отцов и старших братьев унаследовали комсомольцы любовь к романтике трудовых будней, старшее поколение научило их идти туда, где труднее всего, и делать то, что сегодня важнее всего. Высший смысл жизни видят они в творческом поиске, в том, чтобы отдавать все силы для достижения великой цели — построения коммунизма.

Объективный свидетель — объектив фотоаппарата ведет историческую летопись наших дней. О том, как работают, учатся и отдыхают молодые строители коммунизма, рассказывают многие фотографии ежегодной выставки «Семилетка в действии». Две из них мы публикуем на этих страницах.

Романтики наших дней

СТРОИТЕЛИ ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКОЙ ГЭС.

Фото Н. СЕЛЮЧЕНКО

ЗОЛОТОЙ КРУГ

АНДРЕЙ АЛДАН-СЕМЕНОВ *Маленькая повесть* **Рисунки П. КИРПИЧЕВА**

1

Павел Петрович долго смотрел на почерневшую деревянную эстакаду промывочного прибора, на развалившийся бункер. Рубчатые бульдозерные гусеницы отпечатались на сухой глине, словно следы неведомого первобытного зверя, в забоях догнивали колоды-проходнушки.

Терриконы, похожие на огромные серые пирамиды, отвалы переработанных золотоносных песков угрюмо мерцали под июньским северным солнцем; многие из них поросли рододендронами, крапивой, багульником.

Целые километры земли, перерытой, нагроможденной, вздыбленной человеческими руками, тянулись по берегам Сударя. Старый геолог с уважением и горечью созерцал эти искусственные сопки.

Почти четверть века назад он, Павел Петрович Бердников, нашел в этих местах россыпное золото. Прииск Таежный возник, рос, развивался и созревал благодаря его открытию. Таежный был богат благородным металлом и славен своим трудом. Таежный казался каким-то бездонным, неисчерпаемым тайником золота.

Сегодня некогда знаменитый на Севере прииск затухал. Отработались лучшие его забои, позакрывались штольни и шахты. Только на четвертом участке работала еще приисковая драга.

Павел Петрович положил руку на загривок овчарки, которая неотступно следовала за ним.

— Какое здесь золото шло! — вздохнул он и погладил собаку. — Да, Неронушка, да, жирное было золотишко. За смену, бывало, снимали с бутары по тридцать килограммов!

Он зашагал вниз по реке, испытывая странное, двойственное чувство, будто рядом шагал его двойник, но лишь помоложе, посильнее, и все нашептывал: «Неужели это ты когда-то открыл Таежный?»

С крутояра перед ним открывалась просторная, хорошо знакомая картина окрестностей прииска. На севере громоздились высокие, то зеленые, то голые, то покрытые снегом, вершины хребта Черского. Между ними особенно выделялась мрачная седловина Лагтахского перевала; за этим перевалом находилось большое таежное озеро Терентях.

На левом берегу Сударя, в юго-западной стороне тайги виднелись дражный участок и рабочий поселок прииска Таежного.

Павел Петрович присел на валун. Опустив голову, он смотрел на серое упругое тело улегшегося Нерона и вспоминал свой вчерашний разговор с начальником геологоразведки Елизаром Ивановичем Лубенцовым.

— В будущем году нам придется складывать чемоданы! — выкрикивал своим визгливым голосом Лубенцов. — Драга перемоет последние пески под поселком — и все! Для Таежного это начало конца. Да, начало конца, если геологи не совершат чуда.

— Я уже постарел для чудес, — сердито возразил Павел Петрович. — Ты хочешь найти новую золотую россыпь за полгода, за здорово живешь. Я не Цезарь — пришел, увидел, победил...

Но Лубенцов, поблескивая роговыми очками, произнес неожиданно весело, веско и убежденно:

— Послушай меня, Петрович. Я же не предлагаю искать вслепую. Зачем играть в жмурки, когда у нас имеется путеводная нить, пусть слабая, тонкая, но все-таки путеводная? — Лубенцов открыл несгораемый шкаф, достал из него пакет, покачал на ладони. — Ты не забыл, что это такое?

Павел Петрович смотрел и не узнавал заляпанного сургучными печатями пакета. Лубенцов сломал печати, из пакета выпали потрепанная записная книжка и полевая походная карта.

— Узнаешь?

— Пикетажная книжка и карта геолога Бронникова. Покойный Бронников был великолепным геологом, но ведь он ничего не нашел на озере Терентях.

— Он погиб в начале своих поисков, — поправил Лубенцов. — И ты об этом знаешь лучше меня. Ты возглавлял спасательную экспедицию, и ты нашел то, что осталось от Григория Ивановича. — Лубенцов похлопал ладонью по пикетажной книжечке. — Теперь пришло время тебе же продолжить его поиски на Терентяхе...

Широкоскулое, в пятнах старого обморожения лицо Павла Петровича оживилось. Он потеребил рыжую округлую бородку.

— И что же ты предлагаешь, Елизар Иванович?

— Я советую, — мягко ответил Лубенцов, — отправиться по следам Бронникова. Возьми его карту — на ней много пометок, загадочных, непонятных, особенно в районе Терентяха. — Лубенцов протянул карту и пикетажную книжку и добавил строгим, приказным тоном: — Когда думаешь выйти на Терентях? Кого хочешь взять в полевую партию?

Есть люди, которые воспламеняются от первой, легкой искры надежды, и тогда мир для них одевается в радужные краски, жизнь становится полнокровнее и светлее, цель — конкретной и осязаемой. Павел Петрович принадлежал к таким людям. В то же время, как все старые люди, он часто жил воспоминаниями — озеро Терентях было самым чистым воспоминанием его молодости. Он жил на Терентяхе лет тридцать назад, и теперь его охватило мучительное желание еще раз побывать в тех дорогих его сердцу местах. Он ответил быстро и решительно:

— Я соберусь за три дня. А возьму с собою сына и этого молодого геолога, что недавно на Таежном, — Степана Сундучкова.

Павел Петрович поднялся с валуна и пошел в поселок. Вчерашний разговор с Лубенцовым погасал в памяти, теперь он думал об одном: послезавтра надо уходить на Терентях.

Терентях прозвучал в его сердце как звон станционного колокола. Начиналось его путешествие в невозвратимую юность.

...Высокая лиственница торчала над домиком, словно готовая к полету зеленая, пронизанная солнечными бликами ракета. Овчарка сновала под окном, изредка взвизгивая, стараясь привлечь к себе внимание хозяина.

Павел Петрович сидел у окна, заканчивая разработку маршрута похода на озеро Терентях.

На подоконниках, на полу, по углам комнаты лежали образцы горных пород: кварцитовые обломки с прожилками пирита, гранит с черными гнездами олова, куски бурого каменного угля, затейливые осколки горного хрусталя. Вечерние сумерки скрадывали размеры большой и неуютной комнаты, обставленной с предельной простотой.

Павел Петрович положил перед собой затрепанную пикетажную книжку; на ее обложке крупным почерком было выведено: «Григорий Бронников. 1955 г.».

Павел Петрович осторожно извлек из книжки маленькую пожелтевшую карту, расправил и прижал ее пальцами к столешнице. Прищурив коричневые, цвета спелого ореха, глаза, он долго рассматривал крестики, вопросы, восклицательные знаки, разбросанные на карте.

Места, помеченные Бронниковым, хорошо известны Павлу Петровичу. Это огромная таежная область между речкой Сударь и озером Терентях, в самом центре горного хребта Черского. Пять лет назад эту местность исследовал таинственно исчезнувший геолог Бронников.

Уже совсем стемнело. За окном шелестел дождь.

Павел Петрович убрал со стола архивные материалы, взглянул на часы. «Без пятнадцати восемь. Минут через двадцать придут Алеша и Сундучков. Надо приготовить ужин». И он вышел на кухню.

Дверь распахнулась, в комнату вошли Алексей Бердников и Степан Сундучков, сняли промокшие куртки и плащи.

Алексей сел на диван, сдвинул острые колени, уперся в них острыми локтями, затрещал пальцами. Сундучков, маленький, плотный, на цыпочках прошел к столу, присел на кончик стула.

— Какие новости? — спросил Павел Петрович.

— Никаких, — сказал Алексей, — если не считать, что бульдозерист совершенно случайно в старом отвале нашел самородок в пять килограммов. Возвращался с работы, споткнулся о камень, соскоблил с него грязь, оказалось — золото. Семь лет люди мимо этого камня ходили и не спотыкались. А бульдозерист споткнулся и положил в карман хорошую премию. — Алексей захохотал отрывисто, звонко, склоняя набок красивую, в каштановых кудрях голову. У него была какая-то странная, будто собранная из разных частей, фигура. Жилистая худая шея поддерживала массивную гордо посаженную голову, короткое туловище опиралось на длинные крепкие ноги. При ходьбе Алексей четко выбрасывал то правую, то левую руку — словом, ходил как плохо свинченный робот.

Степан Сундучков был ровесником Алексея, но совершенно лысая голова старила его. Круглое, с плотными румяными щеками лицо дышало здоровьем и силой, плавные выверенные движения придавали ему солидность.

— Случайные самородки не спасут прииска, — сказал он. — Не правда ли, Павел Петрович?

— Вот именно. — Павел Петрович, сдвинув рыжие кустистые брови, смотрел на Сундучкова так же строго, как и на сына. — Сколько дала драга?

— Два килограмма и все мелкими самородками, — ответил Сундучков. — Дневное задание снова не выполнили. Кончается золотишко.

— Алексей, подай-ка ужин. Я свежую селедку нажарил.

Павел Петрович открыл тумбочку, достал бутылку. Алексей принес сковороду и булку черного хлеба.

— За ваше здоровье, Павел Петрович! — сказал Сундучков.

— Нет, постой! — Павел Петрович потянулся рукой в ящик стола и вынул карту Бронникова. — Выпьем мы, ребятье, за моего покойного друга Григория Бронникова. Этот геолог был отличнейшим человеком. Если бы он был жив... На этой его карте, — Павел Петрович бережно погладил карту, — помечено немало мест. Бронников был слишком опытным геологом, чтобы работать зря.

Павел Петрович рассказал о смысле экспедиции.

2

Много на Севере неприкаянных мест, но таких диких, как окрестности Сударя, еще поискать нужно. Морозы и бури согнали с сопок и скал не только лиственницы, но и ягель, столетник. Подернутые лишайниками, забитые ноздреватыми зеленоватыми осыпями, сопки подстерегают неосторожного зверя и человека. В любую минуту могут двинуться оползни и всесокрушающим потоком обрушиться на ущелья.

Сударь то крутился в узких ущельях, то тек спокойно, образуя ленивые затоны. Павел Петрович шагал по речным отмелям, ведя в поводу лошадь, за ним шел Сундучков с небольшой походной рацией на спине. Алексей, с парой тяжело навьюченных лошадей, замыкал шествие. В кустах появлялся и исчезал серой бесшумной тенью Нерон.

За очередным поворотом берега показался черный глубокий затон в раме шиповника и тальников. Павел Петрович остановился.

— Славное место для ночевки. Развьючивайте лошадей, я разведу костер.

— Рыбное местечко, должно быть, — заметил Сундучков. — В этом затончике я надергаю хариусов на уху.

Сундучков поймал дюжину бледных бабочек-однодневок и исчез в зарослях. Вода в затоне, пронизанная заходящим солнцем, была необыкновенно прозрачной. На каменистом дне сновали крупные синие хариусы. Целые стаи их широкими веерами стояли у затопленных коряг и пней.

Сундучков забросил удочку, присел на валун. Он знал, хариусы славно берут на закате, но сейчас поплавок даже не шевелился. Над головой Степана, над кустарниками, над затоном темнела гудящая туча мошкары.

Сундучков не боялся таежного гнуса: новая антикомариная мазь была надежной и благословенной защитой.

Таежная тишина, словно светлая пена, окружила Степана. Вокруг зеленой высокой подковой стояли заросли, над водной поверхностью висели пламенеющие бутоны расцветшего шиповника. Вдруг с хрустом разорвалась вода, хариусы заметались и скрылись. Огром-

ная щука перевернулась полосатым колесом и ушла в глубину.

«Распугала всю рыбу», — сокрушенно подумал Сундучков.

Тотчас же из кустарников появился Алексей.

— Ну как, рыбак? С тобой без ухи останешься. — Бердников достал из кармана аммонитовую шашку, поджег фитиль.

— Что ты делаешь, Алексей?

— Ухи захотелось. Не будь буквоедом, Степа.

Вместе с фонтаном пламени, дыма, воды в воздух взлетели клочья растерзанных хариусов.

— Это же безобразно и возмутительно! — багровея, забормотал Сундучков. — Это... это... я не нахожу этому названия.

— А вот это что такое! — раздался голос Павла Петровича. Услышав взрыв, он поспешил к затону. — Если ты будешь безобразничать, я накидаю тебе оплеух. И ты хорош, Степан, побоялся ему съездить по морде. Ишь, сколько рыбы погубил, поганец! — Павел Петрович повернулся и, приподняв сутулые плечи, исчез в кустарнике.

Алексей и Степан молча, не глядя друг на друга, собрали полсотни хариусов и вернулись на место ночлега.

После ужина улеглись спать на срезанных лапах стланика. Павел Петрович рассматривал светлое, слабо освещенное звездами небо и тяжело вздыхал. «Алешка совсем распустился. Что с парнем?»

...В тридцать первом году он приехал на Колыму, поступил на работу в систему Дальстроя. Учился на курсах геологов, работал в поисковых экспедициях, самостоятельно открыл два золотых месторождения. А в тридцать седьмом его оклеветали и осудили как врага народа. Отбыл незаслуженное наказание и навсегда остался на Севере. Жена умерла во время родов. Сына Алешку пришлось отвезти в Хабаровск к тетке. Вызвал его к себе в прошлом году: Алексей закончил горнометаллургический техникум.

Павел Петрович закрыл глаза и погрузился в сон.

Рядом, прижимаясь к отцу плечом, лежал Алексей. Лицо и грудь его озаряли угасающие вспышки костра; мигающее пламя вызывало грустные мысли. «Есть люди, у которых в голове солнце, — они излучают собственный свет. И есть люди с луною в башке. Такие живут отраженным светом и никого не греют. Я не хочу принадлежать к таким людям. Я хочу совершать свои открытия, а не шляться по чужим дорожкам. Кто-то открыл же якутские алмазы. А почему не я? Кто-то нашел удивительное золотое месторождение у нас же на Колыме. А почему не я? Кто-то обнаруживает железную руду в Казахстане, свинец на Алтае, нефть на Северном Урале. Кто угодно, только не я. Вот и сейчас отец ведет нас со Степкой по следам геолога Бронникова, мы будем заново открывать уже открытое».

По другую сторону костра лежал, согнувшись дугою, Степан Сундучков и размышлял о том, как долго они пробудут в тайге. «В октябре у меня отпуск. Напишу Танюше, чтобы ждала меня и никуда не уезжала из Свердловска. Приеду, и поженимся. Сколько я заработаю? — Сундучков быстро подсчитал: — Июнь, июль, август, ну еще половину сентября... Сумма набегает достаточная! Жаль, писем от Тани не будет...»

Они проснулись от утренней свежести. На мокрой траве, словно крупная соль, поблескивал иней.

— В конце июня! — удивился Сундучков, поеживаясь от холода.

— Сразу видать новичка, — усмехнулся Алексей. — Хорошо, если не ударит снежная буря. — Алексей считал себя старым колымским волком, потому что провел уже одну зиму в тайге. Сундучков же приехал на Колыму два месяца назад.

После завтрака двинулись вниз по Сударю. Чем дальше уходили трое, тем неприступнее становились сопки. Пепельные, фиолетовые, зеленые вершины их холодно и голо упирались в туманное небо, по ущельям плавала сизая слоистая дымка, речные долины превратились в болота с моховыми кочками и жидкой карликовой березкой.

Лиственничная тайга пряталась по узким распадкам, иногда же вплотную обступала берега Сударя. Сударь постепенно сужался. Геологи то и дело переправлялись через бурно кипящую речку. Впереди грозной снеговой цепью возник горный перевал.

— Это Лагтах, — пояснил Павел Петрович. — За Лагтахом — озеро Терентях. Перевал очень трудный.

Речное ущелье все сужалось и сужалось, пока не превратилось в каменный коридор с отвесными гладкими гранитными стенами. Геологи сели на лошадей. Тяжело преодолевая быстрое течение, лошади брели по каменистому дну. Павел Петрович натянул поводья, остановился.

— Смотрите на левую сторону! — крикнул он.

Алексей и Сундучков повернули головы. На мокром граните отчетливо выделялись огромные изображения косматых людей, диких животных, неизвестных растений.

Женщина с длинными космами, упавшими на голые плечи, разбивает каменным топором почерневшую кость;

длинноногая собака бежит по траве с опущенной мордой;

волк с мордой, задранной к небу, задыхается от напряженного воя;

два медведя, готовые оторваться от земли, чтобы столкнуться в смертельном поединке...

Сундучков потер пальцами лоб. Сказал, обращаясь к Павлу Петровичу:

— Сколько тысячелетий отделяют нас от художников, выразивших в своих рисунках идею борьбы за жизнь! Они оставили для потомков историю своего народа. А что оставим мы, трое, на земле, Павел Петрович?

— Север, приспособленный и хорошо благоустроенный для потомков, — ответил Павел Петрович. — Разве этого мало?

Павел Петрович тронул поводья.

Между двумя длинными отвалами показалась ложбина. Там торчали бараки без крыш, с оторванными дверями, вывороченными оконными рамами.

Колья с колючей проволокой упали на землю; их прочно затянула голубица, сторожевая вышка с обломанной лесенкой и погнившими перилами повалилась набок. Павел Петрович заметил под ступеньками лесенки продолговатый лист жести, слез с лошади, вытащил лист, перевернул. На оборотной стороне, изъеденные временем и землей, белели крупные буквы: «Запретная зона». Павел Петрович швырнул жестяной лист в крапиву и пошел вдоль исчезнувшей лагерной зоны.

Он вспомнил, как после Двадцатого партийного съезда уничтожили лагерь. На прииск Таежный прибыли новые работники. Для них строили дома в поселке. По чьей-то инициативе территорию лагеря распахали тракторами.

Павел Петрович, едва сдерживая волнение, ходил по запаханной территории. В глаза ему бросались маленькие с нежными и теплыми иглами лиственницы, свежо и сочно блестевшие под солнцем.

«Молодая поросль. Хорошо!» — с удовольствием подумал Павел Петрович.

Вечером они стояли на вершине Лагтахского перевала, вглядываясь в панораму. Снега сливались с бледным ночным небом. На севере виднелась уходящая в ночь горная цепь Лагтаха. На юге, в зеленой раме тайги, лежало озеро Терентях. Была видна узкая стальная лента Сударя, впадающего в южную часть озера.

С горной высоты сам Терентях казался выпуклым. Белесый свет июньской северной ночи струился над озером, и, торжественное, оно манило к себе.

— Ты был раньше на Терентяхе, отец?

— Я жил на нем в тридцатых годах. Я даже могу сказать — это мой Терентях.

...Солнце уже высоко стояло над головой, когда они спустились с перевала и вышли на берег озера. Черные и вязкие, словно жидкое стекло, волны лениво наползали на скалы и разламывались на них. От всплесков слабо шевелился воздух. Простором и свежестью дышало огромное таежное озеро, гранитные скалы уходили в его глубины, вода, черная издали, была коричневой от пластов мха и затонувших деревьев.

В кустах раздавалось веселое кряканье уток, гусиное гоготание, звучные, лебединые вскрики. Красные, с синеватым пушком прутья ивняка переплетались на берегу живыми сетями, по скалам карабкались мохнатые лиственницы, с корявых ветел сыпались желтые пахучие сережки. Скупая северная природа цвела буйно и радостно, и радостное буйство ее передалось геологам.

Они присели у лиственниц, унизанных каплями затвердевшей смолы, ощущая сквозь рубашки теплую кору деревьев. Взбудораженный кряканьем и гоготанием, исчез в кустарниках Нерон. Лошади жадно хватали сочную густую траву. Павел Петрович вытер ладонями лицо, сказал убежденно:

— Придется «весновку» делать на другой стороне Терентяха. Там удобные во всех отношениях места. Там и рыбы больше, и поохотиться можно, и лошадям раздолье — трава по пояс. Кстати, там было становище якутов-оленеводов, в котором я когда-то прожил больше года. — Лицо его потеплело от старого и, должно быть, очень приятного воспоминания. — Отдохнем и обойдем озеро. Путь не легкий, Терентях велик.

Из зарослей ивняка появился Нерон с живым линяющим селезнем. Он положил полузадушенную птицу к ногам Павла Петровича и отскочил в сторону. Селезень уронил на траву черную бархатную головку, слабо пошевелил зелено-синими крыльями. Павел Петрович осторожно подтолкнул птицу, и она тяжело заковыляла к зарослям. Нерон равнодушно следил за уходящей добычей.

Алексей и Сундучков развели на берегу большущий костер, черный столб дыма штопором ввинтился между вершинами лиственниц в ясный воздух. Дымная корона, похожая на парашют, повисла над прибрежной водой. Испуганная дымом, из кустов выплыла стайка шилохвостей. Алексей схватил двустволку и, не целясь, выстрелил из обоих стволов. Нерон бросился за убитой уткой, и в ту же минуту раздался ответный выстрел. Кто-то стрелял на противоположном берегу Терентяха.

— Кто это стреляет? — взволновался Павел Петрович. — Кто еще, кроме нас, может быть здесь?

— Вижу лодку, — показал на озеро Сундучков.

Действительно, от противоположного берега оторвалась черная точка и стала расти.

— Человек в лодке. Кто же это? — спрашивал самого себя Павел Петрович.

Лодка причалила, из нее выскочил коренастый приземистый старичок с деревяшкой вместо левой ноги. Пристукивая деревяшкой, он бросился к Павлу Петровичу, пришлепнул себя по щеке растопыренной пятерней.

— Господи ты боже! Кого я вижу! Павел Петрович? Товарищ Бердников?

— Никак, Денис Сыпунец? Да, он! А тебя какими ветрами сюда занесло? — Павел Петрович протянул старику руку, тот подобострастно пожал ему кончики пальцев.

— Познакомьтесь, ребята, с Денисом Сыпунцом. Мы с ним в одном лагере сидели.

— Было дело, страждали, — эхом отозвался Денис, с легкой тревогой в глазах оглядывая Алексея и Сундучкова. — А я думал, что ты, Павел Петрович, давно на материк уехал.

— Ты же не уехал?

— У меня песня иная. Мне с Колымы податься некуда. Я, после того как срок отбыл, в колхоз — «Северной звездой» называется — вступил, живу на Терентяхе, рыбку для колхозничков ловлю, уточек постреливаю, грибки-ягодки собираю. У меня домик на той стороне, в гости пожалуйте. Услышал, кто-то стреляет, кинулся в лодку — и вот какая неожиданная встреча!

— У тебя здесь дом? Очень хорошо, мы у тебя и остановимся. Прибыли мы сюда не на день, золото будем искать. Я с тобой на лодке перееду, а ребята на лошадях кружным путем доберутся. Алексей, перенеси в лодку рацию, — скомандовал Павел Петрович.

— Милости прошу к моему шалашу. И очень даже чудесно расположитесь у меня, — торопливо заговорил Денис. — Я, прямо скажу, соскучился, в одиночестве жимши. Живу как таежный волк. — Он засуетился, запрыгал около лодки, принимая от Алексея походную рацию, от Сундучкова сумки и рюкзаки.

Павел Петрович сел на корму, Денис — за весла. Лодка скользнула по гладкой поверхности, и через минуту Бердников мог охватить взглядом почти позабытую панораму Терентяха. Да и не мудрено было бы позабыть — тридцать лет прошло с той поры, как он жил в этих местах.

Удивительная, неистребимая сила заключена в человеческих воспоминаниях. Вернуться в свое прошлое, в юность, хотя бы на миг озариться ее радостями и волнениями, — кто не думает об этом? «Неужели это я был тридцать лет назад вот на этом самом месте? Ходил по этому самому берегу, смотрел на волны, видел такие же белые и голубые цветы? Разводил костры, ловил рыбу, охотился на белку? Неужели все это делал я? Даже не верится, что я жил среди якутов оленеводов, любил девушку со странным лесным именем — Юкайдеэн! Да, ее звали Юкайдеэн — черной ящерицей, и мне безумно нравилось это имя. Я плавал с ней по озеру, рвал для нее цветы, белые и холодные, словно мрамор. Где теперь Юкайдеэн? Где те холодные белые цветы? Кажется, что Терентях обмелел и зарос тростниками, цветы на его берегах мельче».

Лодка вошла в узкую длинную заводь, уткнулась носом в тугой золотистый песок. Добротный дом, построенный колхозом для Дениса, стоял на крутом красивом яру; за домом сразу же начиналась тайга. Дом был обнесен частоколом, правда совершенно ненужным в этом пустынном месте.

Денис, постукивая деревяшкой, вбежал на крыльцо, со скрипом снял тяжелый железный засов, распахнул дверь.

— Располагайся, Павел Петрович. Я сей секунд вещи из лодки перенесу. И нет, не вздумай сам, ты устал. — Поигрывая крутыми, не по-стариковски сильными плечами, он побежал к лодке.

Павел Петрович вошел в просторную кухню. По стенам были развешаны охотничьи ружья, патронташи, белые маскировочные халаты, капканы, по углам стояли лыжи, весла, багры. На большом деревянном ларе громоздились поплавки для сетей, свинцовые грузила, охотничьи ножи, топоры, кайла. Около ларя помещался ящик взрывчатки. Под потолком и за печью висели копченые медвежьи окорока, вяленые хариусы, налимы, засохшие пучки бессмертника, ветки шиповника со сморщенными, но необыкновенно пунцовыми пулеобразными ягодами.

Павел Петрович прошел в комнату. Огромная, она была почти голой. Стол, три деревянные скамьи и узкая железная кровать составляли ее обстановку. Правда, кровать покрывал роскошный голубой ковер.

Павел Петрович присел к столу, достал сигареты, усмехнулся. «А Денис продолжает жить и крутиться. Силен бывший кулак, неистребим в своей приспособляемости. В лагере был домашним работником начальника прииска, спекулировал табаком, чаем, спиртом, а здесь наверняка живет за счет колхоза. Только почему он избрал местожительством Терентях? И живет действительно волком. Любопытно бы узнать почему?»

В комнату вошел Денис с походной рацией на плече.

— Куда ее, твою говорильню? Приспосабливай где хочешь — места хватит. А я обед сварганю, вот-вот ребята подойдут. И ведь подумать только, Петрович, где нам довелось встретиться! — воскликнул он, снова ударяя себя по щеке растопыренной пятерней. — Значит, ты сюда на охоту за золотом? Золото — дело первущее. Лет пять тому у меня Бронников гостил,

искал-искал золотишко, нашел не нашел, не знаю. Знаю лишь, что погиб он на Терентяхе. Наши колхозники полтора месяца его искали, да куда там, исчез, как иголка. А неплохой был мужичок, вечная ему память.

— У тебя жил Бронников? — встрепенулся Павел Петрович.

— Я же говорю, все лето гостил.

— Странно! Мы ведь тоже искали Бронникова, а я ничего не слышал про тебя. Не знал, что ты уже давно на Терентяхе. Правда, мы искали Бронникова на Сударе, до Терентяха не доходили.

— А чего тут странного? Я — человечишко махонький. Ко мне интересу никто не пытает. Погостят у меня, уйдут и позабудут. Вот и ты погостишь и уйдешь, и никто знать не будет, ежели сам не расскажешь.

Денис заковылял на кухню, зазвенел посудой. Павел Петрович установил на подоконнике рацию, проверил ее исправность. «Вечером надо соединиться с начальником геологоразведочного управления. Сообщить, что прибыли на Терентях, приступаем к поискам. Что-то задерживается Алексей с Сундучковым, — подумал он, но тут же услышал лошадиное ржание. — Ага, вот и они!»

Денис приготовил для гостей обильный обед, выставил на стол литровую бутыль со спиртом. От выпитого спирта Сундучков побагровел, испарина выступила на его молодой широкой лысине.

— Вам здесь не скушно, Денис Егорыч? — спросил он, ловя вилкой соленый масленок.

— Когда как! Иногда тоска беспричинно сосет. А вообще-то ладно живу, будто в собственном доме, — ответил Денис, щуря рыжие глаза и кладя деревяшку на правую ногу. Он расстегнул потрепанный китель, обнажив могучую, заросшую черным волосом грудь. — Курорт прямо, а я здесь один обретаюсь.

Вечером геологи сидели у рации.

— Говорит Кипрей, говорит Кипрей! Вызываю Багульник. Вызываю Багульник! — бормотал Павел Петрович.

Багульник так и не ответил на позывные Кипрея.

Денис, положив свою деревяшку на скамью, кивал сокрушенно головой, словно сожалея о неудавшемся разговоре Павла Петровича с районным центром.

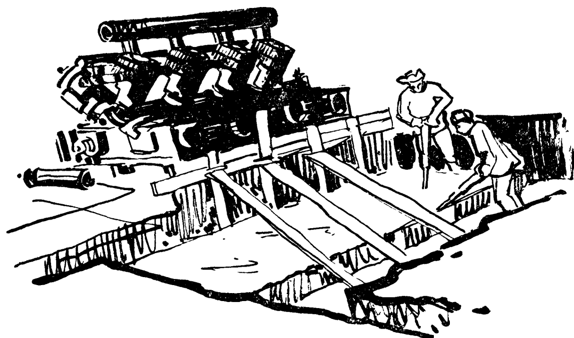
Солнце съело росу, скалы прояснились, озеро дымилось испарениями — утро было легким, прозрачным и добродушно-зеленым.

Павел Петрович, развернув на столе карту Бронникова, скупо и тихо говорил Алексею и Сундучкову:

— Если судить по отметкам, Бронников исследовал южную часть Терентяха. В северной части побережья ему побывать не удалось. В южной части Терентяха он обнаружил слабые признаки золота. Вы оба займетесь перепроверкой мест, обследованных Бронниковым, я же отправлюсь к северу. Работайте вместе, не расходитесь, вечером возвращайтесь сюда. И только вместе. Не забывайте — мы в глухой тайге...

(Продолжение следует)

Одна из установок Омского нефтезавода

В. САДЧИКОВ

Владимир Гамбург — лучший монтажник завода синтетического каучука.

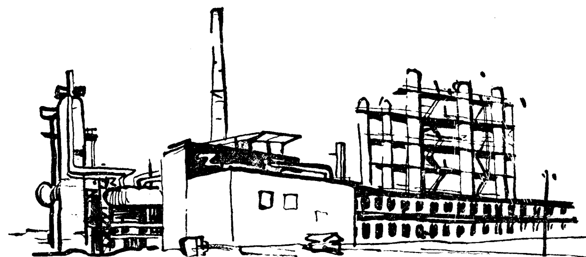
«...КОММУНЫ ДОМА ПРОРАСТАЮТ»

Крошечная деревня Захламино стояла когда-то на самой окраине Омска. Такое непривлекательное название она получила потому, что находилась неподалеку от городской свалки — «за хламами». Тот, кто едет в Омск сегодня, не найдет этой деревеньки: на ее месте раскинулись огромные корпуса нефтезавода и стройные кварталы домов.

У нового городка трудовое, хорошее имя — Городок нефтяников.

Я вижу —
где сор сегодня гниет,
где только земля простая, —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.

Городок нефтяников — живое воплощение мечты Маяковского.

Монтаж компрессора на нефтезаводе.

Омский нефтезавод — новый промышленный гигант Но его продукцию уже знают в стране. Теперь он снабжает сырьем и завод синтетического каучука, корпуса которого выросли рядом с его корпусами. Завод СК — ударная комсомольская стройка. Отдельные его цехи уже дают стране каучук. Но еще не скоро покинут завод строители — планы у них огромные...

С блокнотом и карандашом в руках не раз отправлялся я на бывшую окраину моего родного города. Встречался с замечательными людьми — строителями, химиками. Рисовал их портреты, делал наброски заводских пейзажей. Мне очень хотелось запечатлеть важное событие в истории Омска — превращение его в город большой химии.

НОВОСЕЛЫ, СТАРОЖИЛЫ, ХОЗЯЕВА

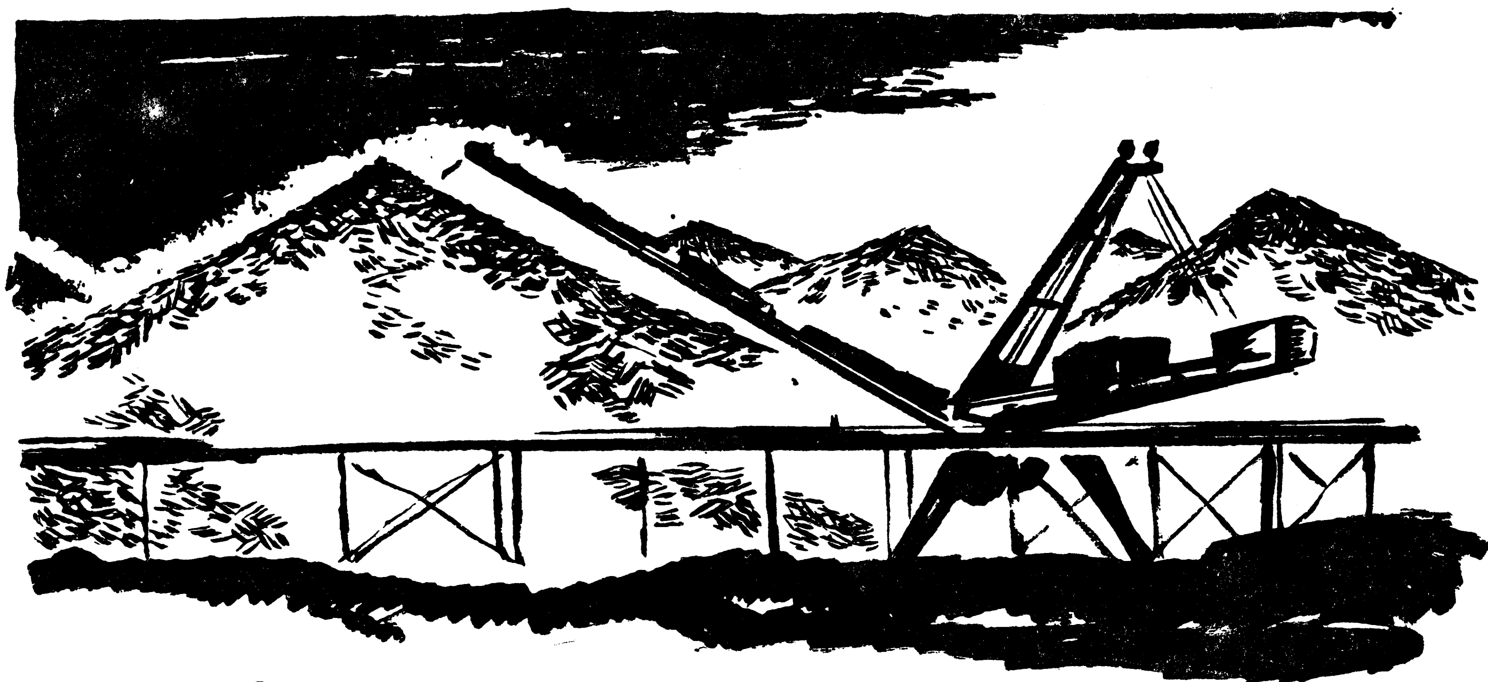
Р. МУСИХИНА,
наш спец. корр.

Блокнот художника-корреспондента по-своему отражает эпизоды нашей быстротекущей жизни.

Совсем недавно я, делая карандашные наброски, ходила, разговаривала, жила среди тех, кто у Дивных гор взнуздал «сибирского богатыря». Видела, как строптивый Енисей затих, сдался людям. Побежденная река плескалась у ног победителей. Среди них были мои сверстники, хорошие парни и девчата, с которыми я успела сдружиться

А сейчас самолет держит курс на север. Я лечу в край белых ночей и гранита, лесов и голубых озер. Со своими героями встречаешься дважды: в мыслях и наяву. Дорога щед-

Саша Рогачев прошел путь от подсобника до бригадира.

...И вот уже настоящее знакомство. С героями реальными, с ребятами обыкновенными. Необычными своей простотой, хорошей обыкновенностью. Биографии многих — на пол-листочка. Это, правда, в личном деле. А трудовые — о некоторых можно писать книги, рисовать большие полотна.

Карелия сказочно богата. Корабельные леса, энергия рек, залежи гранита, диабаза, порфира... Сюда, в край гигантских новостроек, приезжают по зову партии новоселы. Вчерашние школьники, демобилизованные солдаты, выпускники вузов и техникумов монтируют сложнейшие бумагоделательные машины, мастерски трелюют лес, строят гидроэлектростанции, по-хозяйски обживают новые места. Здесь можно встретить и новичков и строителей с большим стажем. Но роднит их одно — хозяйское отношение к делу.

В Кондопогу я приехала в предпусковые дни — ожидали первую бумагу с четвертой бумагоделательной машины. Да какой там машины — целой фабрики! Весь город жил в эти дни ожиданием ее пуска.

...И вот пошла бумага. Какое ликование, сколько радости! Счастливы создатели машины-гиганта. Глядит Саша Рогачев на стремительно не-

ра на время. И я пытаюсь представить тех, о ком собираюсь писать. Какие они, о чем думают? Что подняло их с насиженных мест, ради чего жертвуют они привычным уютом и стремятся туда, где труднее? Как художник, я вижу этих ребят гигантами — косая сажень в плечах, а девушек этакими «царевнами-несмеянами». Я лечу на строительство двух гигантских целлюлозно-бумажных комбинатов — Сегежского и Кондопожского.

По путевке комсомола приехал Юрий Родионов с пограничной службы.

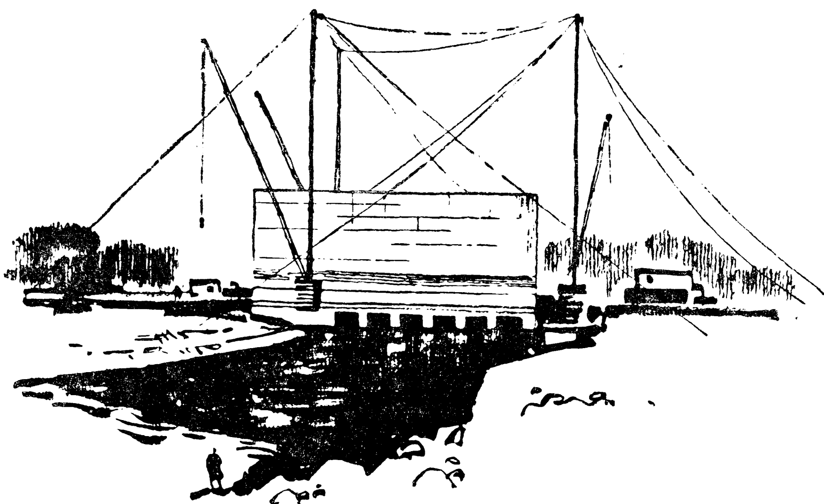
сущееся полотно бумаги, и вспоминаются бессонные ночи, часы волнений, часы напряженного творческого труда.

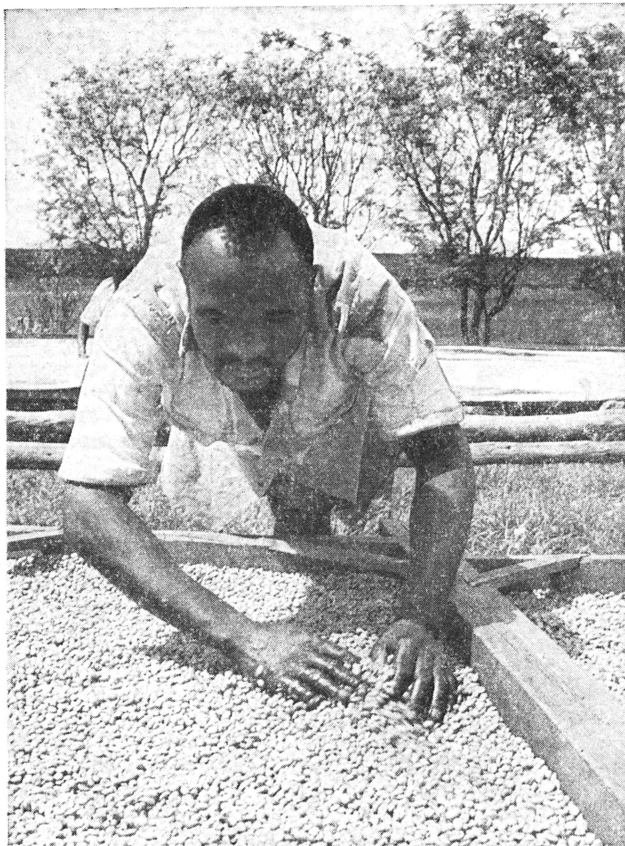
Полнится записями блокнот, проясняются замыслы в первых штриховых набросках.

...На Сегежском ордена Ленина целлюлозно-бумажном комбинате знакомлюсь с новыми героями. Комбинат выпускает крафт-бумагу и тарные мешки. Тару ждет химия, цементная промышленность, сельское хозяйство. И комбинат все время требует пополнения — растет его мощность, растет и сам город. Каждый день сюда прибывают новоселы.

Тепло, приветливо встречает Карелия новоселов. Старожилы хотят, чтобы новички полюбили этот богатый край лесов и озер, край славных трудовых дел и, полюбив его, остались здесь навсегда. Да и как не полюбить эти зеленые города и поселки, суровую северную красоту лесов, буйные реки, голубизну озер! Здесь лес продолжает жить среди домов и асфальта, каждый кирпич уложен руками тех, кто живет в этих удобных домах, о ком с гордостью говорят — хозяева!

УГАНДА

Фото А. ХОВАРТА
(АПН — КАМЕРАПРЕСС)

Кофе растет на небольших, немного напоминающих вишневые деревцах. Только вместо твердой косточки внутри плода — два кофейных зерна. В Уганде производится главным образом низкосортный кофе «робуста», который идет на изготовление кофейного порошка. Выращивается здесь и дорогой, пахучий «арабика», правда в значительно меньших размерах.

Одно из красивейших мест Уганды — Мерчисонский водопад на Белом Ниле, близ озера Альберта.

«О Уганда, ты всегда будешь жемчужиной Африки!» — такие слова есть в гимне одного из самых молодых независимых африканских государств. Прекрасна эта страна: богатые рыбой озера; зеленые, кишащие дичью равнины; неприступные горы: водопады, таящие в себе огромные запасы энергии. Богаты и недра Уганды — медь, кобальт, фосфаты, железная руда, золото, свинец, олово есть в них.

На ее территории, почти равной площади Великобритании, живет около тридцати различных племен, которые составляют 6,5-миллионное население страны. В конце прошлого века здесь стали также селиться выходцы из Азии. Есть в Уганде и европейцы, в основном англичане; число неафриканцев в Уганде не достигает и ста тысяч.

Около семидесяти лет была Уганда протекторатом Англии. Немало воды унес за это время из озера Виктория Белый Нил. Неизмеримые богатства Уганды утекли в сейфы лондонских банков.

Когда в конце прошлого века на берега Виктории пришли английские завоеватели, они нашли здесь развитое государство в котором правили феодалы самого многочисленного в стране племени баганда. Очевидцы отмечали высокий экономический и культурный уровень этой страны. Население занималось скотоводством, выращивало маис, просо, сорго, бататы, бананы. Английские «цивилизаторы» сделали все, чтобы «законсервировать» феодальные отношения, — ведь с помощью феодалов легче держать страну в подчинении. Они превратили Уганду в производителя кофе и хлопка — сырья для английской промышленности. Эти культуры, навязанные англичанами, заняли лучшие земли и вытеснили посевы зерновых. А чтобы купить рубашку, сделанную из выращенного его руками хлопка, угандец должен уплатить около трети своего месячного заработка.

И дело не только в почти полном отсутствии собственной обрабатывающей промышленности, высокой стоимости импортных изделий. Доход на душу населения в Уганде — один из самых низких в мире.

«Цивилизаторская» деятельность колонизаторов, конечно, вторглась и в другие области жизни страны.

Английская буржуазная пропаганда сделала своим главным козырем университетский колледж в Кампале, единственное высшее учебное заведение страны. Из 900 студентов только 300 угандцев. В стране всего две с половиной тысячи школ, большинство которых до сих пор содержится и контролируется католическими и протестантскими миссиями. И только один из десяти детей, посещавших такую четырехлетнюю школу, может учиться дальше.

В Уганде, год назад получившей независимость, пока остаются неразрешенными многие проблемы: освобождение от экономического засилья иностранцев, закладывание основ национального хозяйства.

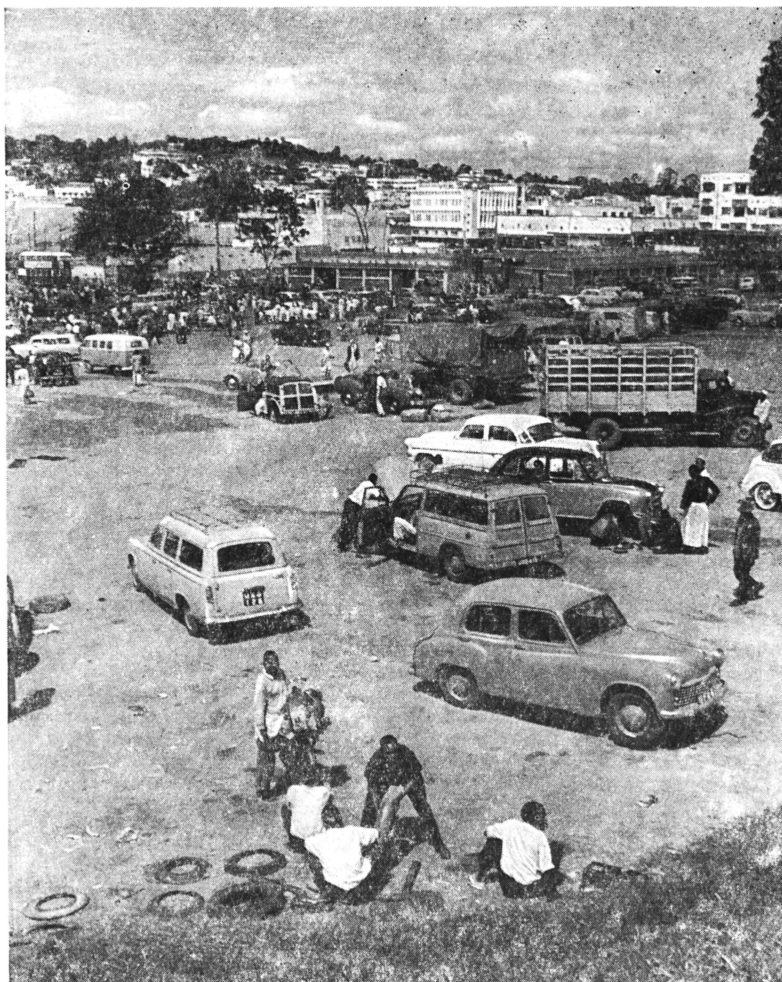

«Самые примитивные условия жизни, существовавшие на заре человечества» — это цитата из проспекта английского агентства, в прошлом зазывавшего туристов в Уганду, страну на экваторе. По вполне понятным причинам агентство не объясняло того, что английские колонизаторы — главные виновники отсталости населения этой богатой страны. ▼

◀Национальный парк в западной Уганде носит и сейчас имя английской королевы Елизаветы. В этом заповеднике можно увидеть антилоп, газелей, слонов, львов, носорогов.

Кампала — торговый центр страны с населением около пятидесяти тысяч человек. Африканцы в Кампале — это рабочие, мелкие ремесленники, шоферы, слуги, официанты... Небольшой процент африканцев занят в торговле, но здесь им трудно выдержать конкуренцию более состоятельных неафриканцев.

Озеро в кратере вулкана.

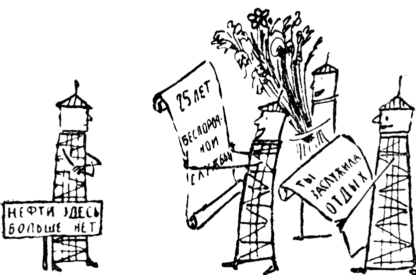
ЗАЛЕЖИ

Я. ГОЛОВАНОВ

В столицу Дагестана привела меня вещь самая прозаическая: обыкновенная вода. Обыкновенная... Однако ею много лет занимается Институт физики Дагестанского филиала Академии наук СССР. И я вскоре убедился, что дело это вовсе не такое простое — убедила меня в этом встреча с Саматом Агаевичем Джамаловым, заведующим лабораторией геотермии.

Разговор шел о щедрости. О щедрости природы. О чудесном неисчерпаемом энергетическом богатстве, неисчерпаемом в самом точном, научном, так сказать, смысле этого слова.

Махачкала стоит на воде. Нет, речь идет не о Каспийском море. В нескольких километрах под его желтой гладью, в недрах Предкавказья есть другое, еще не названное географами море. Не все его контуры помечены на картах, не все глубины измерены «лотом» геологоразведочных скважин — это море горячей воды. Хранят его водоносные пласты, лежащие на разных уровнях: в Прикаспийской низменности — очень глубоко, в горах и предгорьях Дагестана — у поверхности. Здесь подземные моря и пополняются водой за счет атмосферной влаги. Отсюда начинается весь этот непростой процесс, превращающий дождевые капли в крутой кипяток, насыщенный различными солями.

Ученые установили, что в районе Махачкалы выгоднее всего эксплуатировать горячие воды двух отложений: Караганского и Чокрайского. Первое лежит на глубине 4 500—5 000 метров, второе — 5 000—5 500 метров. Караган и Чокрай могут давать в час более двух тысяч кубометров воды с температурой до 160 градусов. А ниже находятся пласты еще более горячей воды. Лишь огромное давление земных недр не позволяет ей превратиться в пар.

Проходя сквозь толщу пород, эти высокотемпературные реки интенсивно растворяют щелочи и соли. Все знают, что Северный и Северо-Восточный Кавказ — овцеводческие районы. Здесь работают предприятия по отмывке и обезжириванию шерсти. Для них нужна вода, подогретая, насыщенная моющими средствами, ценными химическими продуктами. А если использовать термальные воды? Ведь их и подогревать не надо, и щелочей в них достаточно. Анализы показывают, что «подземный рассол» может пригодиться химикам для многих целей. Делаем вывод:

Подземная горячая вода — это химическое сырье

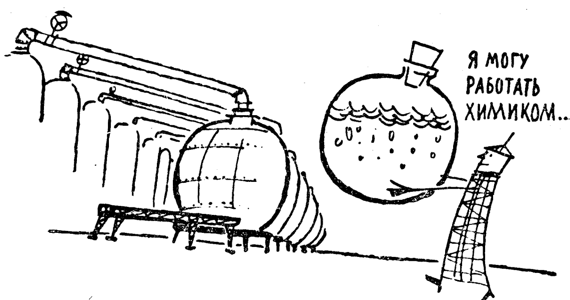
В районе Махачкалы — сотни законсервированных нефтяных скважин. Когда-то здесь добывали нефть, но в последние годы нефтяные пласты истощились. Однако стволы «списанных» скважин проходят через водоносные слои. Поэтому для добычи здесь кипятка не надо тратить средства и загружать бурильную технику. Достаточно, как говорят геологи, «прострелять» такую скважину — и ударит фонтан кипятка. Подсоедини трубу — и веди кипяток в дом. Никакой котельной уже не нужно. Именно так и поступили сотрудники Института геологии Дагестанского филиала АН СССР. Здание института отапливается подземными водами. Горячие воды обогревают и корпуса центральной республиканской больницы, одну из гостиниц, отапливают некоторые жилые дома в Махачкале, в близлежащих поселках. Вряд ли нужны доказательства того, что это выгодно. Подсчитано, что, если город с населением в 100 тысяч человек теплофицировать с помощью геотермальных вод, экономия составит в год более миллиона рублей. Сейчас махачкалинская ТЭЦ отпускает людям тепло по «курсу»: за миллион килокалорий — 4 рубля 92 копейки, а ведь, использовав тепло земных недр по новому проекту теплофикации города, можно снизить стоимость такого же количества тепла до 35 копеек.

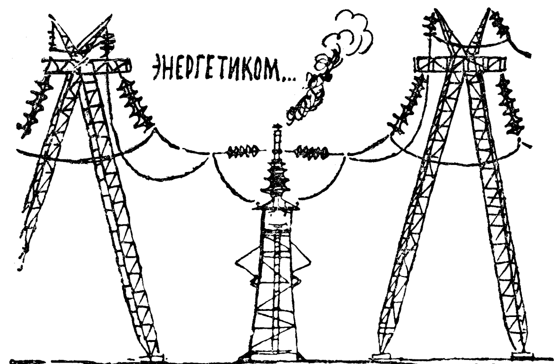
Итак, вторая запись нашей памятки:

Подземная горячая вода — это новое экономичное средство отопления городов и поселков

Несколько лет назад в Италии начали использовать тепло подземных вод на электростанциях. Вулканический район Лардерелло вскоре превратился в крупный энергетиче-

Об использовании геотермальных вод в народном хозяйстве см. также «Вокруг света» № 11 за 1961 год — Ю. Полковников, Власть над теплом земли — и № 6 за 1963 год — Г. Поспелов, Мобилизованные вулканы.

КИПЯТКА

Научные Маршруты Семилетки

ский центр. Сто семьдесят скважин дают жизнь турбинам, вырабатывающим в год четыре миллиарда киловатт-часов электроэнергии. Проанализировав опыт итальянцев, специалисты пришли к выводу, что такие станции дают электроэнергию в 9—12 раз более дешевую, чем электростанции тепловые. В нашей стране строится геотермальная электростанция на 5 тысяч киловатт на юге Камчатки в долине реки Паужетки.

Лардерелло и Паужетка лежат в зоне вулканической деятельности. В Дагестане нет действующих вулканов. И махачкалинская электростанция на тепле подземных вод, уже начавшая свою «предысторию» в чертежах проектного здания, будет первой в мире подобной станцией в невулканическом районе. Экономика двумя руками голосует за эту новостройку. Ведь если у нынешней тепловой электростанции в Махачкале киловатт-час стоит около 2 копеек, то у будущей геотермальной станции он будет не дороже 0,166 копейки. (Кстати, отработанную воду с этой станции можно будет затем использовать для теплофикации.) Таким образом, нет сомнения, что

Подземная горячая вода — это новые ресурсы для электрификации нашей страны

— **Д**авайте-ка съездим в Терен-Аил, — предложил однажды Джамалов. — Там тоже работает наша вода...

Осенью прошлого года севернее Махачкалы на участке Терен-Аил были построены теплицы учебного хозяйства Дагестанского сельскохозяйственного института. Они обогреваются горячей водой, поступающей по одной из многочисленных «списанных» скважин. Теплицам еще нет и года, поэтому итоги опыта подводить рано. По проекту в них будет выращиваться 300 центнеров тепличных и 500 центнеров парниковых овощей и зелени в год. А ведь работает только одна скважина! Вода из нее поступает в теплицы при температуре 68 градусов, а сбрасывается при температуре 58 градусов. Из этой скважины берется лишь около трети того тепла, которое можно взять. Значит, площадь теплиц можно увеличить втрое, а это уже не 300 и 500, а 900 и 1 500 центнеров — 240 тонн овощей в год от одной скважины.

Впрочем, почему овощей? Не только овощей. Температуру геотермальной теплицы можно регулировать по своему желанию. Подземное тепло может создать внутри теплиц климат субтропиков, а потребуется — и тропиков. Мы осматриваем теплицу, и агроном Далгат Абуков угощает нас свежими огурцами. Может быть, года через два-три он сможет угощать своих гостей апельсинами и бананами.

И опять-таки сбросовую, «отработанную» воду можно использовать. Эта вода пойдет на горячий полив, убыстряя рост растений, не защищенных стеклянной тепличной крышей. Вот и еще одна памятная запись:

Подземная горячая вода — это новый резерв в борьбе за изобилие продуктов сельского хозяйства

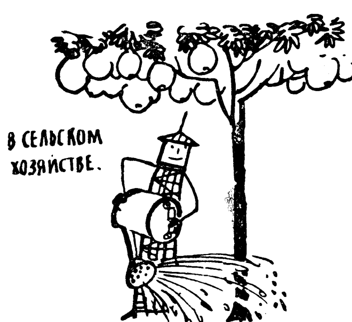
...Я улетал из Махачкалы, самолет набирал высоту, и под его крылом отчетливо была видна подвижная нитка прибоя. Море здесь мелкое, и желтое дно его, хорошо видимое сверху, по цвету не отличишь от берега. Только кружевная полоска пены очерчивает границу двух стихий. Я представил себе — в глубине под ними жаркое море «живой воды», еще почти не тронутое человеком.

Геологи обнаружили на территории нашей страны не менее полусотни крупных подземных горячих бассейнов: некоторые из них по размерам действительно можно считать морями. Западно-Сибирский бассейн занимает, например, площадь до трех миллионов квадратных километров. Очень значительны запасы горячих вод на Украине, в Белоруссии, на Карпатах, на Кавказе, в Северном Забайкалье, на Камчатке, в Кабардино-Балкарии и других районах страны.

С каждым годом глубинное тепло используется все шире в нефтяном хозяйстве. Вскоре будут построены геотермические установки для отопления новых жилых районов Тбилиси, Омска, Тобольска, Нальчика, Краснодара, Георгиевска, вокруг этих городов вырастут сотни теплиц и парников. На цитрусовых и виноградных плантациях Закавказья и Молдавии горячие подземные воды будут способствовать быстрейшему выращиванию теплолюбивых культур. Ряд глубоких скважин для термальных вод решено пробурить в Ташкенте, Душанбе, Чимкенте.

Последнюю мысль в нашей памятке лучше всего выразят слова замечательного советского ученого академика Петра Петровича Лазарева: «На смену пессимистическим прогнозам некоторых ученых об исчерпании топливных ресурсов нашей планеты приходит подкрепленная всем материалом современной науки уверенность в неограниченности наших энергетических запасов».

Рисунки А. ГУСЕВА

Старинная карта

Глава из автобиографической повести «На медленном огне»

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

С географическими картами в моей жизни связано несколько более или менее интересных историй. Одну из них я расскажу.

Это история о карте Атлантического океана, о близнецах, о моей рассеянности и провинциальном французском городке в Провансе.

История эта началась давно, в 1957 году, когда я впервые попал в Париж и испытал на берегах Сены около лавок букинистов жестокое огорчение.

Почти у каждого букиниста были выставлены заманчивые карты, слабо подкрашенные акварелью и выгоревшие от старости. Легкий ветерок дул вдоль Сены, колыхал эти карты, и они напоминали затвердевшие флаги, вышедшие из употребления и развешанные для просушки на теплой гранитной набережной.

Я долго рассматривал карты, но не мог купить ни одной. У меня к тому времени иссякли скудные запасы франков. В кармане жидко постукивали ничтожные и невесомые сантимы. Они были такими легкими, как будто их делали из швейцарского сыра.

О крупных купюрах — нарядных трескучих ассигнациях из тонкой бумаги с романтическим портретом молодого Бонапарта на Аркольском мосту — осталась только приятная память. Так же, как и о бородатом и вызывающем боязливое почтение Викторе Гюго на пятифранковых бумажках.

В общем я не мог купить ни одной карты. Свою досаду по этому поводу я высказал в очерке «Мимолетный Париж», напечатанном вскоре в Москве. Отсюда и начала разматываться нить дальнейшей истории.

В то время в Париже в Сорбонне учился на славянском отделении студент француз, некто Имар, родом из города Монтобана на юге Франции.

Имар изучал русский язык. Он познакомился с русской девушкой-москвичкой, присланной в Сорбонну для усовершенствования во французском языке, и вскоре они поженились.

Окончив Сорбонну, Имар уехал с молодой женой учительствовать в Монтобан. Он случайно прочел там в номере журнала «Октябрь» «Мимолетный Париж», проникся состраданием ко мне, купил в Париже на набережной Сены старую карту и прислал мне в подарок в Тарусу.

Карта была вложена в толстую картонную трубку со множеством наклеенных на нее французских марок. Такое обилие заграничных марок вызвало большое оживление среди неизбалованных тарусских филателистов.

В письме, сопровождавшем посылку, Имар сообщал мне, что недавно переехал из Монтобана в

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

маленький городок где-то между Марселем и Экс-ле-Провансом.

В декабре 1962 года я вторично приехал во Францию и написал из Парижа Имару. В ответ он прислал мне в Париж приглашение обязательно приехать к нему в провансальский городок и по возможности скорее, так как у Имара только что родились близнецы — две девочки — и хорошо было бы вместе отпраздновать это семейное событие.

В письмо была вложена пригласительная карточка, напечатанная, очевидно, в марсельской типографии красивым широким шрифтом. Семейство Имар просило всех родственников, друзей и добрых знакомых посетить их дом в день, назначенный для празднества в связи с появлением на свет сразу двух новых Имаров.

Я довольно ясно представил себе этот веселый день под безоблачным небом Прованса.

Толпа любопытных, но вежливых школьников — учеников Имара — собралась около его дома. Над калиткой развевался трехцветный флаг.

Вдоль тихой улицы стояли разнокалиберные запыленные машины гостей — загорелых и шумных провансальцев, — ценителей знаменитого марсельского блюда «буйябесс» (в него кладут все, что водится съедобного в Средиземном море, — креветок, лангустов, омаров, мидий, разную рыбу и водоросли).

Женщины ласково болтали друг с другом. Молодая мать умиляла всех серыми русскими глазами, молодой отец — учитель и спортсмен — смущался, а мэр городка — жилистый старик в старомодной широкополой шляпе, какую носил знаменитый провансальский прозаик Альфонс Додэ, — много шутил по поводу русско-французской дружбы, принявшей такую неожиданную и осязательную форму в их городке.

Накрывали столы. На очагах на французский манер жарили на вертелах мясо. Откупоривали выдержанные вина. И уже напившийся где-то молодой сосед — человек чувствительный и разговорчивый — уверял, что с малых лет влюблен в туманную и холодную Россию и вот в такие, изрядно надоевшие ему солнечные дни грустит по облакам. Да, месьедам, он грустит по прекрасным облакам России. Он видел точно такие же облака, когда был недавно на берегу Ла-Манша. Правда, молодого француза, грустившего по облакам, я встретил в другом месте, в деревне Эгальер, но это не имеет значения.

Но, вообще говоря, трудно было представить себе все перипетии этого милого праздника. Я боялся опоздать на него.

Мы как раз ехали из Парижа в поездку по Провансу, и в конце этой поездки решено было посетить нашего заочного друга Имара. Поэтому путешествие по Провансу было в известной мере предвкушением этой встречи.

Об этом путешествии, пожалуй, стоит сказать несколько слов. Хотя бы потому, что проходило оно в стороне от традиционных путей с их набившей оскомину красотой.

Сначала был средневековый папский Авиньон. Могучие и вместе с тем легкие крепостные стены окружали этот город. Над ним возвышался как бы выросший из диких скал папский дворец. Быстрая Рона струилась за окнами кафе «Tout va bien» («Все идет прекрасно»). Там ручные хозяйские канарейки садились на руки подвыпившим шоферам грузовиков-камионов. Шоферы осторожно

гладили их черными от автола пальцами по золотым и тугим, скрипучим на ощупь спинкам и ласково дышали на них перегаром вина.

За Авиньоном простирались ясные дали, а за рекой вздымался на холме безлюдный форт Святого Андрея — заповедник крепостной мощи и тишины.

ДВУЛИКОЕ СОЛНЦЕ ПРОВАНСА

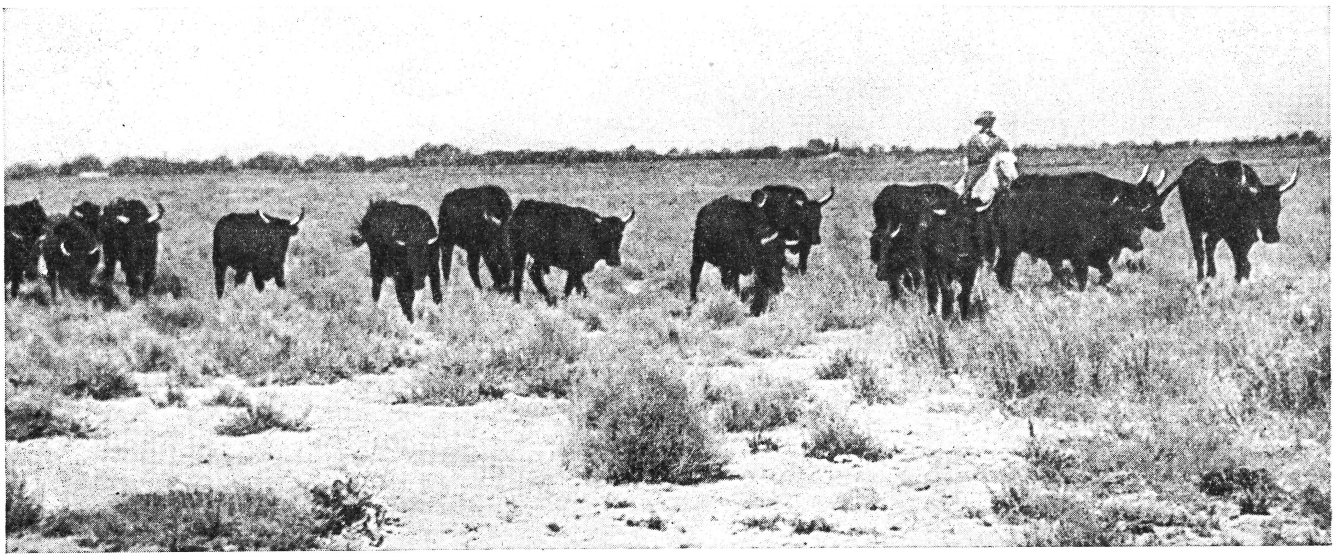
Прованс — край трудолюбивых и неунывающих людей: рыбаков и овцеводов, виноградарей и огородников.

Под ласковым и щедрым южным солнцем нашлось место и для средневековых рыцарских замков, и для бедняцких хижин, и для сусально-прекрасных курортов. Тысячи и тысячи туристов стремятся попасть сюда, вдохнуть наполненный легендами воздух, впитать неповторимые красоты этой земли. Но те, кто живет здесь, не всегда замечают эти красоты. У них — другие заботы. И Прованс для них — совсем не райский уголок.

Обычная картина: по улице провансальского города важно и надменно шествуют молчаливые монашки.

Не часто выпадают рыбаку минуты отдыха: починит хозяйка сеть — и снова в море.

В его могучие ворота могли въехать в ряд только два рыцаря, а между камней в стенах росли тоненькие, как ниточки, побеги диких озябших ирисов (был декабрь, но, к счастью, не было мистраля — бича этих мест).

Мы осторожно вытащили несколько таких побегов, привезли в сырой бумаге в Москву, посадили в вазоны с нашей русской землей, и побеги за две недели превратились в пучки огромных изумрудных листьев. Весной их высадят в грунт в Тарусе, и они будут жить в дружбе с русской ромашкой и мятой.

Улицы Авиньона составлены сплошь из средневековых домов с черными балконными решетками и бронзовыми дверными молотками.

На многих домах были прикреплены мемориальные таблички, настолько позеленевшие, что их трудно было прочесть. Но один из наших спутников разобрал на табличке неожиданную для нас надпись, что в этом доме жили изобретатели воздушного шара братья Монгольфье. Дом, между прочим, был бедный, тесный и темный.

* * *

Потом был Арль. В жизни есть явления, которые больше подходят для сновидений, чем для реальности.

Таким городом для сновидений казался Арль. Свет дня — к тому же чистый и резкий — делал особенно стереоскопичной, особенно выпуклой картину этого города: римскую арену, где теперь происходят корриды; его скупые по линиям, пустынные улицы, напоминающие о соседней Испании; сиротливый маленький дом Ван-Гога, уцелевший на краю пустыря, оставшегося после разбитого воздушной бомбардировкой квартала.

В Лувре, в галерее импрессионистов, хранятся палитры всех больших художников Франции, в том числе и палитра Ван-Гога. Она как бы составлена из жирных кусков арльской земли. Она светит охрой, суриком, красным вином, осенним цветом виноградного листа, столетней ржавчиной и сырой лиловой тяжестью только что перепаханной земли.

Все густо, плотно, краски как бы шарахаются одна от другой, не в силах выдержать напряжения и блеска своих соседок.

В арльской гостинице — обитой пунцовым штофом, сонной и настолько старой, что в ней даже как-то неловко было жить современному человеку, — тщеславные владельцы привинтили к дверям многих комнат медные таблички с надписями: «Комната Мистраля», «Комната Пикассо», «Комната императора Наполеона III». Очевидно, стоило хотя бы раз остановиться в этой гостинице мало-мальски известному человеку, чтобы на следующий же день старый арльский гравер-ворчун уже начинал нарезать новую дощечку для гостиничных дверей.

Нам отвели комнату Мистраля.

Почему-то в комнате Мистраля я чувствовал себя неловко, будто я нарушаю стариковский распорядок жизни прославленного поэта. Нарушаю тем, что Мистраль не может понять, что мне от него нужно, почему я попал в эту комнату, кто я такой и о чем, собственно, ему следует со мной разговаривать.

Это состояние мучило меня всю ночь сквозь непрочный сон, должно быть, потому, что за стенами задувал с недалеких Альп тезка поэта — настоящий бешеный и невежливый ветер мистраль. А он, как известно, путает человеческие мысли, раздражает людей и заставляет их делать несообразности. Очевидно, поэтому местный суд смягчает наказание людям, совершившим какие-либо проступки во время мистраля.

Задолго до поездки во Францию я от кого-то слышал или где-то читал о красоте уроженок Арля — арлезианок. Но, как всегда, не придаешь слышанному вскользь никакого значения, пока не столкнешься с ним лицом к лицу. Так случилось и теперь.

Мы зашли в тесное и уютное кафе под стеной римской арены (так зовут в Арле сохранившийся римский цирк, своего рода арльский «колизей»).

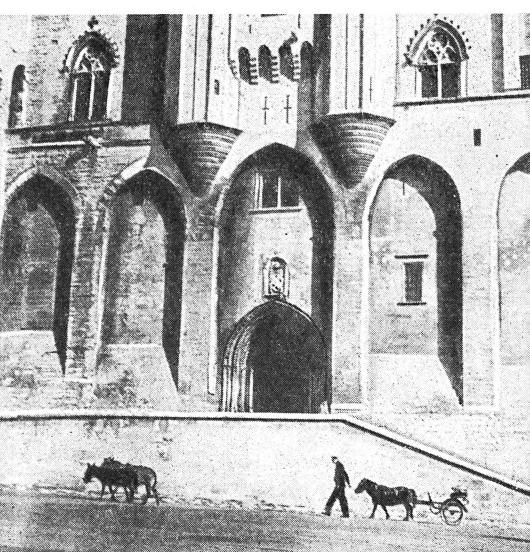
В кафе не было ни души. Портреты знаменитых торреро в разноцветных и нарядных традиционных костюмах висели на стенах.

В кофейной теплоте и тишине сверлил под сурдинку сверчок. От его пения делалось особенно уютно, тем более что за окнами сверкало холодное и ясное декабрьское предвечерие и лучи солнца, падая на стены кафе, не давали тепла. Тепло шло от газовой печки.

Только через минуту после нашего прихода из задней комнаты вышла на звон колокольчика хозяйка — молодая арлезианка.

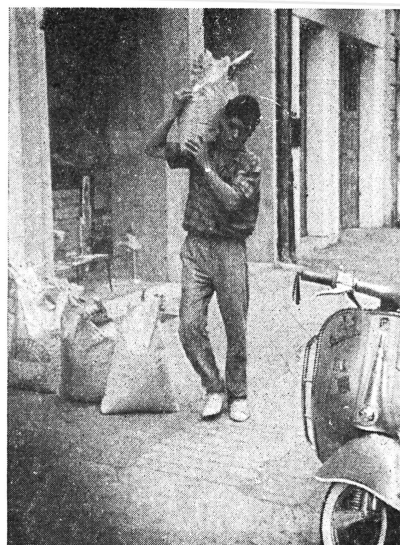
Как жаль, что поэтическая смелость поведения, свойственная таким людям, как Гейне, давно нас оставила.

Конечно, Гейне встал бы перед

Пастух со стадом быков в дельте Роны — Камарге, возчик, ведущий под уздцы пони мимо каменной громады бывшего папского дворца в Авиньоне... Этим людям не до красот Прованса: каждый день им нужно думать о хлебе насущном.

Этому алжирскому парню повезло: его соотечественникам во французском Провансе не так просто найти даже работу грузчика.

вошедшей арлезианкой, как перед испанской инфантой или герцогиней Кингстон, отвесил бы ей низкий поклон и сказал бы что-нибудь вроде того, что шуршание ее простого платья прекраснее и тревожнее для его мужского сердца, чем шум самых дорогих королевских шелков.

Он, конечно, сказал бы это тонко и остро, — мы уже давно разучились так говорить. Сказал бы и вызвал внезапный румянец на щеках прелестной арлезианки.

Мгновение назад ее еще не было. Но вот она вошла, она есть, и уже ясно, что твой мир, конечно, не мог существовать без нее, что она давно жила в нем и владела твоей покорной душой.

Она не была даже очень молода. Ей было, должно быть, лет тридцать. Узкое лицо было покрыто тонкой смуглостью, какая существует только в Арле. Темнота и ясность ее глаз, немного сумрачных и суровых, ее взгляд прямо в лицо — и внезапно этот сумрак глаз арлезианки вспыхивает до самого их золотистого дна сиянием взволнованной и таинственной улыбки. И улыбка эта сливается с легкостью ее движений и легкостью ее голоса, ясного, как во сне.

* * *

Со школьных лет я чувствовал красоту русского языка, его силу и плотность.

С годами это знание перешло в глубокую любовь к этому языку и в более или менее ясное знание его (знать весь русский язык одному человеку, конечно, не под силу).

Вскоре я убедился, что одного знания языка мало, особенно для людей, посвятивших себя литературе. Помимо знания, нужно еще чувство своего родного языка. Зачастую оно бывает врожденное, органическое. Оно не позволяет нам нарушать благозвучие языка и его необъяснимый, но явственный ритм.

Но, несмотря на свою приверженность русскому языку, мне временами казалось, что он уступает по певучести, четкости, по некоторым своим модуляциям другим языкам, в частности французскому и итальянскому, древнееврейскому и даже голландскому.

Очевидно, я, как и все мы, слишком привык к своему языку, чтобы услышать его как бы со стороны и полностью оценить.

И вот в Арле, на бульваре Де-Лисс, в вечернем пустом кафе нас убедил в красоте нашего языка кельнер — «гарсон» средних лет — типичный арлезианец с насмешливыми глазами.

Он долго почтительно стоял невдалеке от нашего столика, слушал наш разговор, потом подошел и спросил, на каком языке мы разговариваем.

— А почему вы это спрашиваете? — спросили мы, в свою очередь, гарсона.

— Какой-то, — ответил он, — необыкновенно красивый язык. Я такого еще никогда не слышал. Это венгерский?

— Нет!

— Польский?

— Нет!

— Чешский?

— Нет!

— Какой же все-таки?

— Это русский язык.

— Погодите! — воскликнул гарсон и ушел за перегородку. Оттуда он привел другого гарсона — седеющего и благожелательного.

— Вот! — сказал он и с торжеством показал нам на своего товарища. Тот смутился и вдруг произнес скороговоркой, но почти без акцента:

У попа была собака,
Он ее любил.
Она съела кусок мяса —
Он ее убил.

Мы онемели.

— Откуда вы это знаете?

— Я изучаю русский язык, — ответил седеющий гарсон с некоторой гордостью. — По старому учебнику. По такому же учебнику я уже выучил испанский язык. Но у меня нет практики в русском языке. Он неслыханно трудный. В Арле русские не бывают. За несколько лет вы — первые.

— Зачем же вы изучаете этот язык?

— Он мне нравится, — ответил, смущаясь, гарсон. — Я холостяк. Я совершенно одинокий и трачу все свободное время на изучение языков. Я бы мог поговорить с вами по-русски, но я стыжусь своего произношения. И неправильных ударений.

— Но все-таки!

Гарсон оперся кончиками пальцев на столик и сказал с трудом:

Румяно зарею
Покрился восток.
Селе за рекою
Погас огоньек!

Он достал из кармана белой куртки маленькую, но толстую книгу — учебник русского языка, выпущенный каким-то неведомым издательством в Марселе.

Это был смешной и неуклюжий учебник, вроде пресловутого учебника нашего детства Марго, над которым принято было всячески издеваться. Особенно хороши в учебнике Марго были примеры: «Золотые яйца не желают скакать по зеленым канатам», «Этот день, не понедельник ли он?», «Усыпляйтесь, моя дорогая бабушка, перед теплым огоньком из камелька».

* * *

Этот же гарсон привел к нам седого и сердитого на вид арльского таксиста мосье Мориса. Таксист, неожиданно оказавшийся приветливым добряком, охотно согласился проехать с нами по

Камаргу и по западному побережью Прованса, идущему в сторону Испании.

Камарг — это дельта Роны, огромная заболоченная низина, заросшая высоким тростником и покрытая множеством озер и лагун.

В Камарге пасутся черные быки для корриды в Арле и Ниме и одномастные белые лошади. Должно быть, многие читатели видели французскую кинокартину «Белая грива» о трогательной дружбе сельского мальчика, жителя Камарга, с дикой и вольной лошадью «Белой гривой».

Низина подходит к морю. Там на дюнах среди шума сухих тростников живут маленькие рыбачьи поселки — пустынные, немного хмурые, совсем не похожие на близкие отсюда ослепительные и пряные курорты — на все эти Сен-Тропезы, Ниццы, Канны и Ментоны.

В поселке Сент-Мари у полосы прибоя вздымается, как глыба камня, старая церковь — серая, холодная и пустая.

Под алтарем сопит, всасываясь в пустоты берега, море. В церкви пахнет креветками. Горит несколько свечей, и висят по стенам ленты, бубенцы и детские неумелые рисунки кораблей и пароходов, похожих на корыта.

Ленты и бубенцы здесь оставляют цыгане. Раз в несколько лет сюда съезжаются представители цыган из всех стран Европы и выбирают в этой церкви цыганского короля.

Он «царствует» несколько лет.

Женщина в толстом теплом платке зашла вслед за нами в церковь и рассказала, что избранный недавно цыганский король, родом, кажется, из Австрии или Венгрии, полюбил молодую цыганку откуда-то из-под Риги и уехал к ней. Женщина — простая рыбачка — все же пошутила и посмеялась, что и в нашей революционной стране живет, оказывается, король.

Неумелые рисунки кораблей и пароходов (даже колесных) вывешивают на стенах родственники рыбаков и матросов, ушедших в море, чтобы сохранить своих родных от бурь и прочих морских опасностей.

Второй интересный городок лежал к западу от первого, за руслом Малой Роны, и назывался Ле-Гро-дю-Руа.

То был рыбачий порт с двумя маяками, молами, тишиной, дремлющими барками и рыбаками в оранжевых брезентовых робах.

Мы прожили в Ле-Гро-дю-Руа два дня — два безмятежных дня среди стука деревянных сабо, слабого пения худеньких девочек, баюкавших кукол на пороге домов, среди простонародных кафе и как бы поминутно засыпающего звона пустой церкви.

Узкая лагуна перерезала город и уходила вдаль, в песчаную низменность, где в пятнадцати километрах от берега на краю лагуны стоял третий загадочный город, Эгморт (по-провансальски это значит «Мертвые воды»).

В Ле-Гро-дю-Руа через эту лагуну был переброшен железный мост с единственным в мире настилом из просмоленных толстых корабельных канатов, туго скрепленных друг с другом. По этому бесшумному мосту безопасно проходили трехтонные грузовики.

По словам старожилов, в Ле-Гро-дю-Руа мы были первыми русскими посетителями. Это обстоятельство вызвало у местных жителей по отношению к нам не только прилив любопытства и радушия, но временами и подлинного восхищения.

Нас зазывали в кафе, старались угостить, расспросить о таинственной и ледяной («Бр-р-р!») Москве.

В одном кафе рыбаки с торжеством притащили к нам единственного обитателя Ле-Гро-дю-Руа, которому посчастливилось побывать в России.

Это оказался маленький, багровый от смущения старичок, заросший, как старый еж, белой страшной щетиной, — ее, должно быть, не брала никакая бритва!

Старичок сильно смущался и только посматривал на нас виноватыми и ласковыми глазками. Оказалось, что он когда-то служил матросом и бывал в Одессе.

В Ле-Гро-дю-Руа все дни стояла немного туманная, холодноватая погода. Море тихо сердилось около мола. По ночам напряженно горели по далеким невидимым берегам белые и красные, очень чистые маяки.

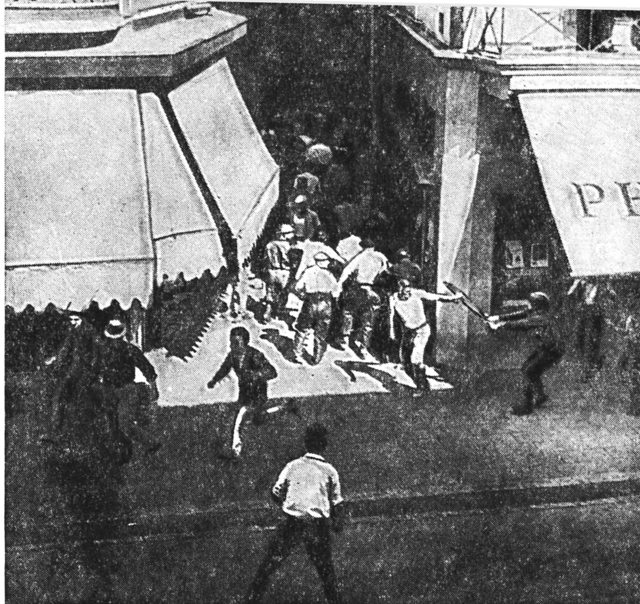
На рассвете рыбачьи барки уходили в море, а возвращались в полдень. Две-три гостиницы — приют летних туристов — были закрыты на зиму.

Одну из них специально открыли для нас, четырех человек, — протопили, дали полный свет, собрали небольшой персонал, и мы очень дружно вместе с этим персоналом прожили два дня, пита-

В капиталистической стране и хороший урожай может принести крестьянам неисчислимые беды. Прошлым летом в садах Прованса происходило невиданное. Ветви персиковых деревьев Воклюза ломились под тяжестью плодов. И закупочные цены начали катастрофически падать. Правительство и не думало предпринять меры, чтобы помочь крестьянам спасти быстро портящиеся фрукты. Тогда крестьяне блокировали города Прованса, засыпали абрикосами и помидорами дороги, приостановив на них движение. Против крестьян были брошены «отряды республиканской безопасности». На улицах Авиньона — административного центра департамента Воклюз — разыгрались настоящие сражения. Были убитые и раненые.

Нет, совсем не сладка жизнь простых людей в «добром старом» Провансе.

ВАЛЕРИЙ ЛЕДНЕВ

ясь в пустом ресторане всеми изделиями местной кухни.

* * *

И, наконец, последний городок — Эгморт.

В средние века король Людовик Святой выстроил на низких дюнах вблизи Средиземного моря огромный замок. По лагуне, тянувшейся от моря к этому замку, могли подходить морские корабли. Отсюда король отправлял в Палестину первые отряды крестоносцев. Замок получил название «Мертвые воды» из-за неподвижных вод лагуны.

Мы подъехали к Эгморту к вечеру. На закатном небе возникла монолитная громада стен и башен. Она подымалась прямо из песчаной равнины. У ее подножья шелестела сухая трава.

Вокруг не было видно ни души — ни человека, ни лошади, ни птицы, ни машины. Замок казался необитаемым.

Это придавало ему облик загадочный и даже пугающий. Жизнь, наверное, ушла из этой каменной крепости несколько веков назад, лагуна обмелела, корабли уже не подходят к Эгморту, и вообще трудно понять, зачем в этом бесплодном и плоском месте соорудили такую величественную твердыню. Мы подивились ее величию. В стенах был слышен посвист ветра, долетавшего с моря.

Потом через узкие ворота мы въехали внутрь и были ошеломлены — в крепостных стенах, как игрушка в скорлупе ореха, был спрятан прелестный маленький городок с фонтанами, памятниками, скверами, кафе, старинными домами, пением патефонов, магазинами и даже с бензиновой колонкой.

Голуби кружились над островерхими кровлями. Скромно покашливал колокол в часовне. Звук его был так слаб, что не проникал наружу за тяжелые стены.

Алым пламенем перебегала реклама маленького кинотеатра: «Самый длинный день мира».

Жителей городка, должно быть, можно было пересчитать по пальцам.

Мы зашли в маленький и темный магазин рыболовных принадлежностей. Там было пусто, но дверной колокольчик, потревоженный нами, так долго побренькивал, что, наконец, из задней комнаты вышел не торопясь с салфеткой в руке молодой краснощекий француз — владелец магазина.

Узнав, что мы русские, он всплеснул руками, с отчаянным воплем: «Франсуаза! Франсуаза!» — бросился назад, в недра магазина и извлек оттуда миловидную молодую женщину — свою жену, чтобы познакомить ее с русскими. Франсуаза, должно быть, стирала. Бормоча извинения и краснея, она вытирала руки о фартук.

Потом, в свою очередь, она привела свою девочку трех лет, сделавшую нам низкий реверанс, а хозяин привел согнутую пополам старушку с клюкой — свою престарелую мать и прокричал ей на ухо, что она видит перед собой в Эгморте первых советских людей.

Старушка ласково кивала нам и прижимала к глазам платок, вытирая слезы.

Можно было подумать, что в дом к этому французу вернулись пропавшие и чудом спасенные родственники.

Тотчас появилось вино, кофе, всякие пирожные — «патиссери», а в дверях уже толпились, напирая друг на друга, улыбающиеся жители Эгморта, разбавленные большим количеством мальчишек.

Они, эти мальчишки, первыми дали клич о нашем появлении, и они же последними проводили нас за ворота города в меланхолические равнины Камарга.

Но не бывает, должно быть, добра без худа. В этом милом городке я обнаружил, что забыл в Париже, а может быть и совсем потерял, адрес Имара и что сейчас уже никак не могу припомнить название того городка, где он живет.

Я проклинал себя, свою память, свою недавнюю болезнь, которая, как всегда, была виновата во всех моих бедах и прежде всего — в рассеянности.

Мы все были удручены. Нас даже не утешило то обстоятельство, что на обратном пути мы заедем в Марсель.

Мосье Морис грустил вместе с нами, подсказывая мне названия многих городков вблизи Марселя, но ни одно из них не казалось мне знакомым.

Так печально закончилась история с картой Атлантического океана. Может быть, Имар и его жена прочтут эти строки, и они послужат для меня некоторым оправданием.

Будем искать Диоскурию!

В. ВИШНЕВСКИЙ

Рисунок С. ПРУСОВА

ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

Мы сидим на берегу Черного моря у развалин старой турецкой крепости. Волны лениво лижут останки былых бастионов. Через минуту море скроет нас в своей пучине. Мы войдем в мир безмолвных развалин, покоящихся на дне Сухумской бухты.

Мы смотрим на далекие горы и думаем, что когда-то, может быть в такой же ясный день, увидели их в сиянии белых снегов легендарные аргонавты.

Аргонавты приплыли сюда из Греции в поисках «золотого руна». Слухи о сказочных богатствах Колхиды, где горные реки несут золотой песок и шкуры баранов, брошенные в воду, тотчас покрываются золотом, заставили их забраться, как сказал древний географ Страбон, «в угол Понта Эвксинского, где кончается дальнейший путь кораблей». По преданию, братья-близнецы Кастор и Полидевк, по прозванию Диоскуры, основали здесь город, названный Диоскурией. По другой версии, имя города произошло от греческих слов «Диа скури», что означает «Мать рек». Какая догадка более точна, проверить трудно. Известно только, что уже в VI—V веках до нашей эры город существовал.

В трудах древних географов, историков и общественных деятелей Диоскурия упоминалась как крупный торговый и культурный центр Колхиды, где, по свидетельству древних, «собиралось до 300 народов, говорящих на разных языках, а дела велись с помощью 130 переводчиков!» (Плиний Секунд). Этот город был настолько велик, что чеканил даже собственную монету. Потом о городе стали упоминать реже и вскоре забыли совсем.

Что же случилось с некогда могущественной Диоскурией? Какая катастрофа разразилась над городом? Что послужило причиной его гибели — люди или природа? Как говорят, город словно в воду канул.

На смену греческим мореходам пришли римские легионеры.

В I веке нашей эры римляне построили здесь крепость Севастополис. Эта крепость ничего общего не имеет с современным Севастополем. Спустя несколько веков сведения о Севастополисе также исчезли. Если от других античных городов Черноморья остались разрушенные храмы, крепости, то от Диоскурии и Севастополиса не осталось почти ничего.

В 1958 году советские ученые Л. Соловьев и Л. Шервашидзе обнаружили под асфальтом сухумской набережной фундамент древней стены. Стена тянулась вдоль берега и под прямым углом поворачивала в море.

Группа аквалангистов под руководством кандидата искусствоведения Л. Шервашидзе обследовала этот участок дна Сухумской бухты и составила подробную карту ушедших под воду сооружений. Расположение стен позволило сделать вывод, что крепость Севастополис в результате оползней, случающихся на Кавказском побережье и в наши дни, опустилась на морское дно. Такая же судьба, очевидно, постигла значительно раньше Диоскурию...

СТЕНЫ ПОД ВОДОЙ

Следы затонувших городов... Мы, группа аквалангистов Сухумского морского клуба ДОСААФ, решили увидеть их своими глазами.

Но для этого мало знать водолазное дело. Прежде чем надеть на плечи акваланги, мы принялись усердно изучать античную историю, знакомиться с материальными памятниками тех времен.

И вот в один из солнечных дней мы пришли к месту погружения. Акваланги проверены и подогнаны, фотоаппарат в надежной водонепроницаемой камере, у пояса большие ножи-лопатки. Один за другим мы уходим под воду. Среди прибрежных скал, густо облепленных мидиями, медленно проплывают рыбы, лениво колышутся водоросли. Перед нами возвышается двухметровая стена. Ее длина — более трех метров, а ширина — около полутора метров. За этой стеной смутно вырисовывается другая. Мы в затонувшем городе. Стены его сложены из крупного булыжника, скрепленного известняковым раствором.

Медленно плывем дальше. Остатки когда-то грозных стен. Одни из них сложены из булыжника, другие — из кирпича. В одном месте море настолько размыло скрепляющий раствор, что кирпичи без особого труда отделяются от стены. Один из них становится моим первым трофеем. Кирпичи древних римлян не похожи на современные. Они имеют форму квадрата со сторонами в 30 сантиметров. Толщина небольшая — всего три сантиметра. Античные строители предпочитали экономить кирпичи, а не раствор. Поэтому слой скрепляющего состава в два раза превышает толщину кирпича. По углам, где волны размыли раствор, кирпичи торчат, словно ребра.

Метрах в ста от берега проходит южный бастион Севастополиса. Стены здесь еще толще. Плывем у самого дна, пристально вглядываясь в каждую щель, под каждый камень. Недавно тут нашли каменную ступу, посуду, жернов.

Над живописными руинами стены висят черные и темно-синие рыбки — «ласточки», прозванные так за хвост, напоминающий ласточкин. Медленно огибаем стену у самого основания. И вдруг прямо перед собой видим позеленевший медный сосуд! На такую удачу даже трудно было рассчитывать. Высота сосуда — примерно 20 сантиметров, диаметр — 10 сантиметров.

Несколькими днями позже мы выяснили, что этот сосуд попал сюда из турецкой крепости.

В одном месте мое внимание привлек крупный блок из нескольких рядов римской «черепицы». Я очистил поверхность кирпичей от водорослей — может, удастся обнаружить какое-либо клеймо или надпись. Но римляне не ставили клейма на кирпичах. Нам удалось найти только два знака на их поверхности: один — след человеческой руки, другой — отпечатки лап собаки, пробежавшей когда-то по еще не обожженным кирпичам.

Если мысленно соединить остатки стен на дне моря, то получится прямоугольник. Это территория римской крепости Севастополис. Три стены, ограждающие ее, лежат под водой, а четвертая, северная, — на суше, у самого берега моря. Даже сейчас заметно, как люди боролись с морем, неотвратимо наступавшим на крепость. У северной стены сохранились остатки контрфортов, оберегавших ее от наклона. Но они не спасли крепость.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РЕЗЕРВНЫХ МЕТРОВ

Устье реки Беслетки, впадающей в Сухумскую бухту, известно как место многих археологических находок. Найденный здесь саркофаг и могильная стела подсказывают, что здесь, очевидно, располагалось древнее кладбище. В 1953 году в этом районе на глубине двух метров была сделана замечательная находка — мраморная надгробная стела древнегреческой работы с прекрасным барельефом на лицевой стороне. Мастер изобразил сидящую в кресле знатную даму. Правой рукой она обнимает мальчика, прислонившегося к ее коленям; левая рука бессильно опущена. В глазах женщины — глубокая печаль. Рядом стоит молодая рабыня и держит на плече шкатулку: очевидно, с драгоценностями. Ученые определили время ее создания — рубеж V—IV веков до нашей эры. Это было время расцвета древней Диоскурии.

К сожалению, верхняя часть надгробия, на которой обычно пишут, кому, где и когда поставлен памятник, не найдена. Может быть, в надписи на стеле упоминается Диоскурия?

В один из дней мы решили начать поиски недостающей части барельефа. Плывем вдоль стен. В стенах зияют амбразуры, темнеют глубокие ниши. Пристально всматриваемся в каждый выступающий из ила камень. Увы, перед нами только обкатанные волнами валуны. Пробуем зондировать дно щупом, но он всюду упирается в камни. Может быть, один из этих камней и хранит свидетельство о древней Диоскурии. Но как узнать какой? Вот если сюда земснаряд, отсасывающий ил. Сколько замечательных находок было бы сделано в этих местах!

Мы верим в эти будущие находки. Пока ясно одно — греческое поселение существовало. Находки предметов обихода и культа древних греков, надгробная плита с замечательным барельефом доказывают это. Труднее решить второе — Диоскурией ли оно называлось?

Много лет среди ученых идет спор о точном местонахождении Диоскурии. Одни из них доказывают, что город находился в устье реки Кодори, южнее Сухуми, в местности под названием Скурча. Может быть, потому мыс Скурча и имел ряд параллельных названий — Скурчия, Искурия, в произношении которых угадывается Диоскурия. Другие считают, что город находился на месте нынешнего Сухуми, приводя в доказательство описания древних авторов, а также материалы археологических изысканий.

Все-таки прямых и бесспорных доказательств ни у той, ни у другой стороны нет. Развалины Диоскурии — крупного торгового и культурного города античного мира — пока не найдены.

Но ведь должны они быть где-то! Нет, не может большой город исчезнуть бесследно! Значит, надо искать его и искать.

Можем ли мы найти останки легендарной Диоскурии? Да, можем! До сих пор исследования велись на глубинах не больше 15 метров. Акваланг рассчитан на глубины до 40 метров. Может быть, именно эти резервные 25 метров и помогут нам окончательно раскрыть тайну затонувшего города.

Мы будем искать Диоскурию!

В ЗНАМЕНИТОЙ ПЕЩЕРЕ ЛАСКО во Франции, достопримечательностью которой являются изображения животных, нарисованные и высеченные на стенах доисторическим человеком, несколько лет назад на стенах появились зеленые пятна. Сначала незаметные, они постепенно разрастались, захватывая все большую поверхность. Особенно сильно «зеленая болезнь» прогрессировала за последнее полугодие. Ученые считают, что это микроскопические почвенные водоросли.

Что послужило толчком к их бурному развитию в пещере Ласко? Несомненно, здесь оказали влияние многие факторы: нарушение климатического равновесия (до того, как пещеру открыли, она была как бы законсервирована), электрическое освещение, вентиляция и т. д.

Недавно создана научная комиссия, которая приступила к всестороннему изучению пещеры Ласко. Ученые надеются, что уникальную коллекцию доисторической живописи удастся спасти.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ И ИНДИЕЙ в древнейшие времена получили новое подтверждение находкой советских археологов. При исследовании одного из крупнейших древних городов Средней Азии — Мерва (в районе современного города Байрам-Али на юге Туркменской ССР) было обнаружено буддийское святилище. Построено оно было, вероятно, в начале нашей эры.

Во время раскопок ступы — так называют буддийское святилище — ученые обнаружили расписную вазу с древними рукописями. Археологи датируют их предварительно V—VI веками н. э.

Предстоит еще большая работа по продолжению раскопок и обработке найденного материала, но и сейчас уже можно сказать, что сделано крупное научное открытие.

НОВОСТИ ИЗ

Как возникла культура майя

— это до сих пор загадка для ученых. Неизвестны и причины ее внезапной гибели.

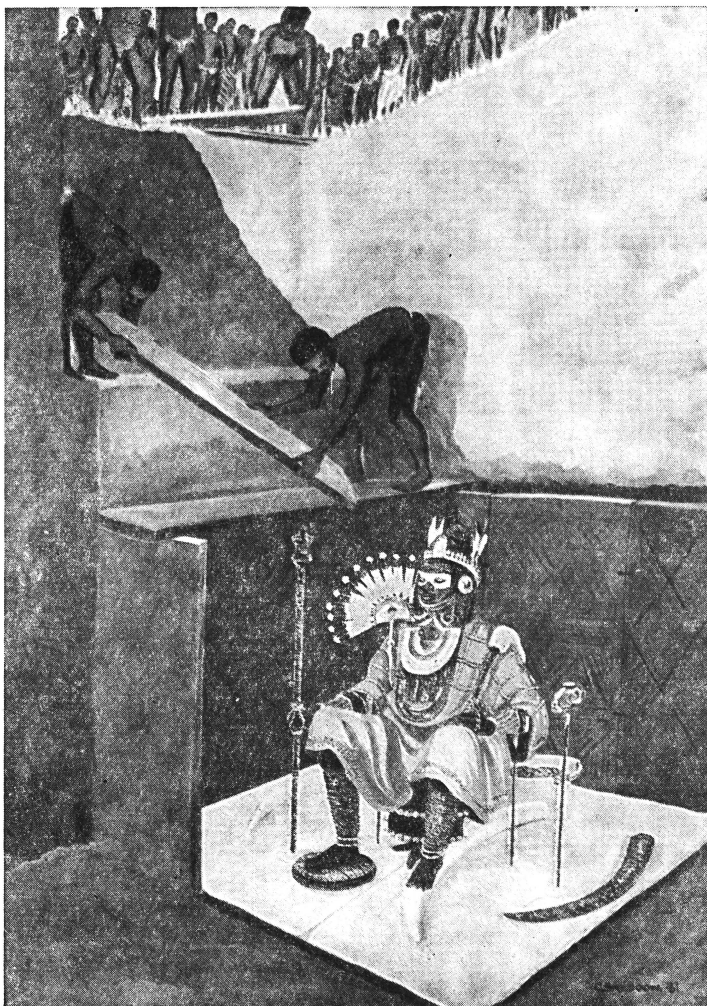
Наиболее древние центры этой культуры археологи находили в тропических лесах Северной Гватемалы и в соседних районах Мексики, большинство же городов, раскопанных на полуострове Юкатан, оказались более позднего происхождения. Отсюда делался вывод, что в IX—X веках племена майя покинули свои древние города и переселились на полуостров Юкатан, создав там новый центр своей культуры. Эта теория долгое время пользовалась всеобщим признанием. Однако последние археологические исследования в Дзибилчалтуне опровергли ее.

Город Дзибилчалтун находится на севере Юкатана, недалеко от Мериды. Раскопки установили, что жизнь на территории города продолжалась непрерывно с 2000 года до н. э. вплоть до испанского завоевания. А это значит, что культура майя на Юкатане и в Гватемале развивалась одновременно.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ

ПРОШЛОГО

Находка в нигерийском селении Игбо

вызвала большой интерес среди археологов. Здесь обнаружена гробница местного царька или жреца, относящаяся к XV веку. В обрамленной деревом погребальной камере на глубине около 3,5 метра находился скелет погребенного в парадной одежде.

По тому, как лежали кости, и по остаткам деревянного сооружения можно судить, что он был похоронен в сидячем положении, на троне. Около трона стояла чаша со множеством ярких бусин, символизирующих богатство, тут же лежали три огромных бивня слона, бронзовые ритуальные предметы и сосуды. А в нескольких метрах от гробницы находилась сокровищница, принадлежавшая, несомненно, умершему. В ней хранились ритуальные бронзовые сосуды и бронзовые украшения. Изображения животных — леопардов, слонов, очковых змей — на этих украшениях сделаны в ярко выраженной реалистической манере.

Найденные изделия древних мастеров Нигерии свидетельствуют о высоком уровне мастерства и тонком художественном вкусе местного населения, об интересной и своеобразной культуре, процветавшей на африканской земле до прихода европейских колонизаторов.

БИТВА У СЛУЧЕВА разыгралась свыше двух тысяч лет назад — установили польские ученые, производившие раскопки на небольшом речном островке в Познанском воеводстве. Некогда близ нынешнего села Случево существовало древнее поселение. Оно было укреплено мощными валами и деревянными стенами. В раскопанных деревянных и глинобитных жилищах найдены металлические украшения, стеклянные бусы, глиняные статуэтки людей и животных, орудия труда и охоты.

Поселение в Случеве возникло, как полагают ученые, в середине первого тысячелетия до н. э. Здесь поселилось одно из племен Лужицкой культуры — древних предков славян. Множество наконечников стрел и дротиков, беспорядочно разбросанные человеческие скелеты, следы пожара и разрушений поведали археологам о жестоком сражении. Хозяева поселения потерпели, судя по всему, в этой борьбе поражение, и крепость была уничтожена.

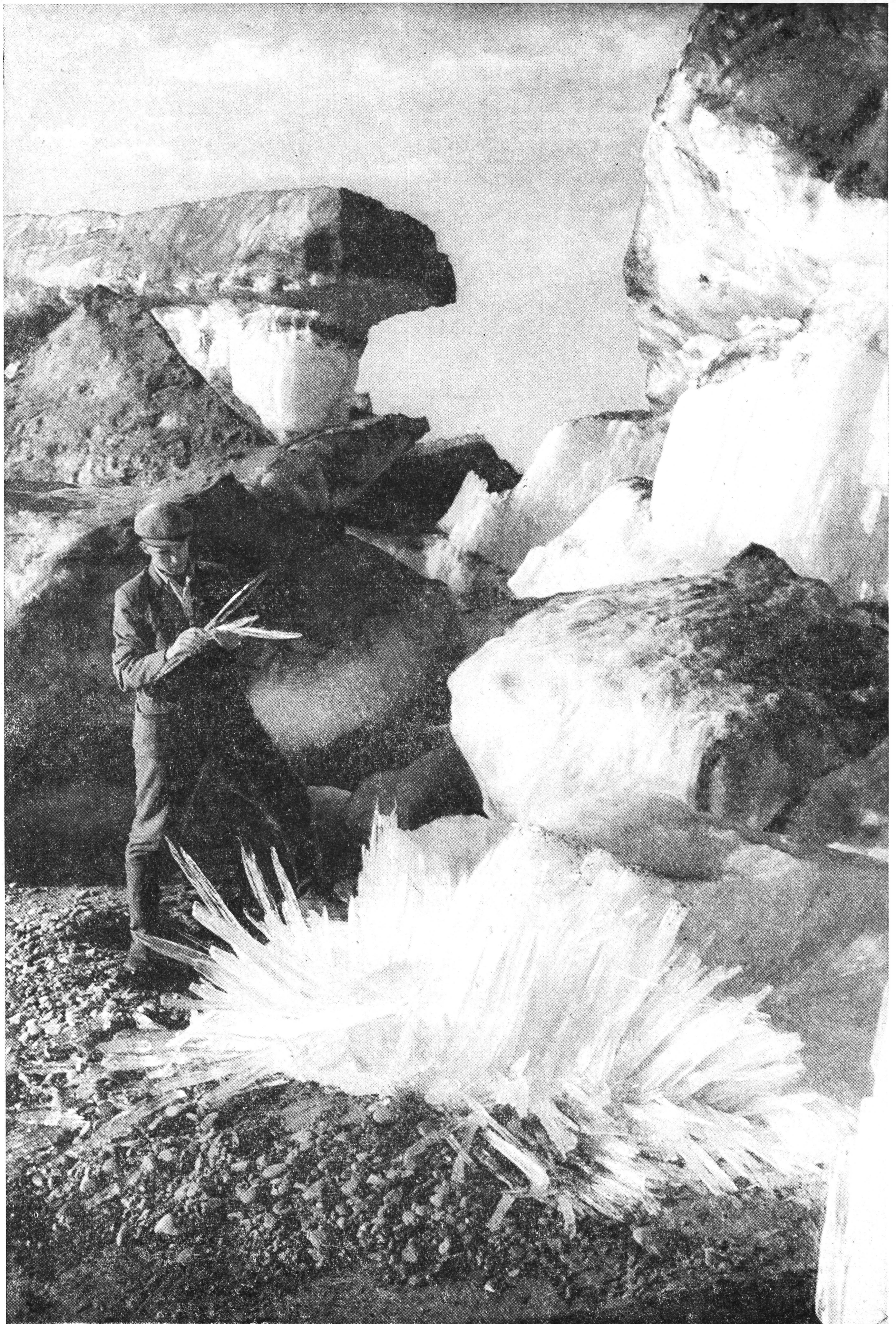

СЕМЬ ЗАТОПЛЕННЫХ СУДОВ исследуют датские археологи в Роскилле-фьорде. Пролежавшие на дне тысячу лет суда доверху нагружены камнями. Очевидно, викинги затопили их, чтобы закрыть для врагов доступ с моря в город Роскилле.

Археологи решили поднять эти суда, находящиеся сейчас на трехметровой глубине. Место, где стоят корабли, огородили плотиной и из образовавшегося бассейна выкачали воду. Откачка производилась с большой осторожностью, так как сгнившее дерево, освобожденное от давления воды, могло не выдержать тяжести камней и развалиться.

Вскоре суда должны быть подняты и перевезены в Копенгаген. Древесина их будет тщательно высушена и пропитана особым препаратом — полиэтиленгликолем. Древние корабли станут украшением Копенгагенского национального музея.

Дороги под полуночным солнцем

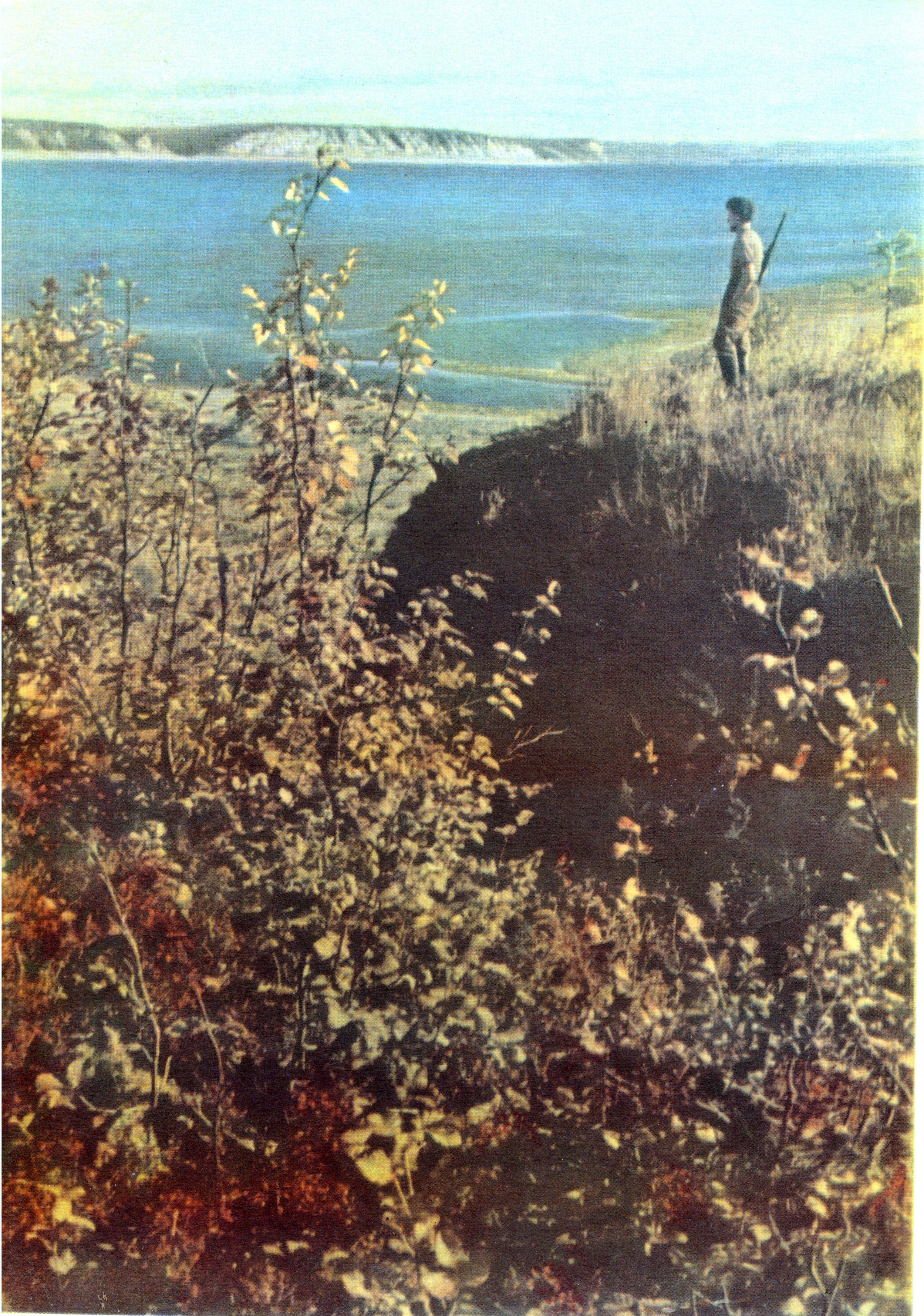
Фотоочерк И. ТИМАШЕВА

Ярко светит низкое солнце. На востоке маячат Хараулахские горы, а прямо перед нами расстилается необозримая водная гладь. Тихо катит свои прохладные воды могучая Лена.

Июнь. На Лене весна. Только недавно кончился ледоход. На берегу еще громоздятся льдины. Ледяные глыбы перепахали землю, оставив на ней множество рытвин и бугров. То тут, то там слышится глухое уханье — оседают и рушатся подтаявшие на солнце льдины.

Ниже по течению, у Кюсюра, река сужается до двух километров. У геологов этот участок называется «трубой». В половодье там возникают ледяные заторы.

База нашей партии — на правом берегу реки, южнее поселка Кюсюр. Это севернее семидесятой параллели. Второй год ведем мы геологическую съемку на площади около шести тысяч квадратных километров.

В летний период лучшее время для маршрутов — ночные часы. Они приносят желанную прохладу, избавляют от гнуса. В эти часы шагается легко и пройденные километры не кажутся тяжелыми.

Люди в нашей партии самые разные. Опытные геологи, уже не первый год работающие в Заполярье, и приехавшие на производственную практику студенты-геологи из Москвы.

Каждый день отряды ведут поиск. Мы внимательно осматриваем обнажения, отмечаем смену пород. Вечером ребята заносят свои наблюдения в дневники, сортируют образцы пород, чертят на полевых планшетах пройденные маршруты.

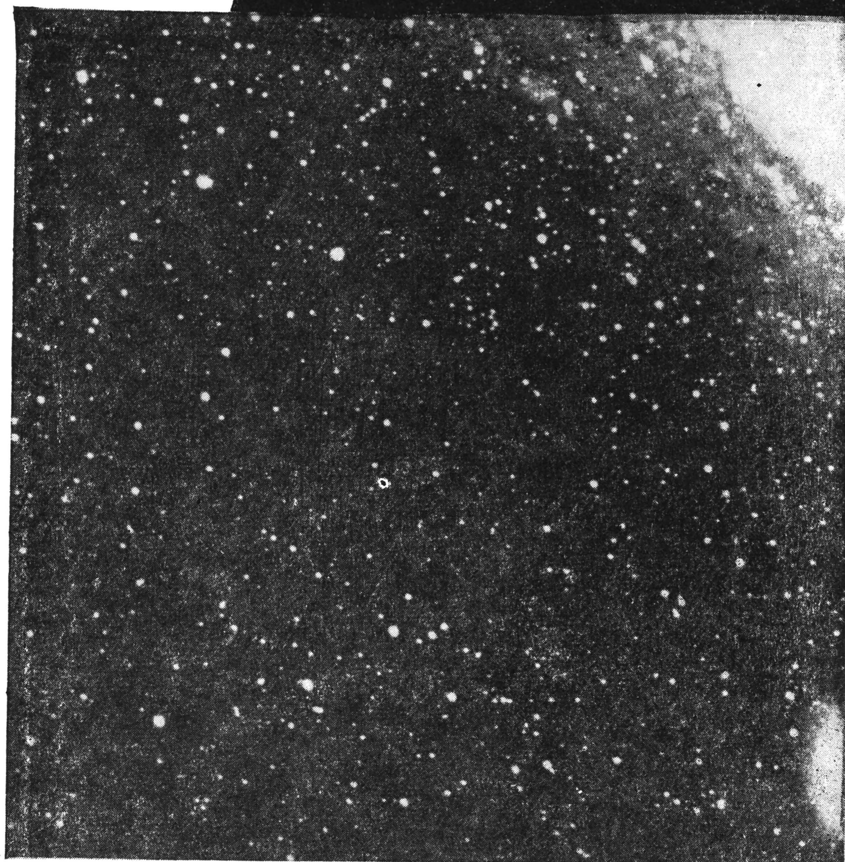
Август. Полярный день на исходе. Тайга пожелтела. Настала ягодная пора. В лужах, схваченных первыми заморозками, звонко хрустит под ногами лед. Отряды, выполнив намеченные задания, возвращаются на базу, к Лене.

Позади трудные дороги, сотни километров маршрутов. На одном из притоков Лены мы обнаружили выходы каменного угля. Двадцать ящиков с образцами готовы к отправке.

Кончился наш полевой сезон. Падает снег. Небо закрыли косматые облака. С тревожными криками тянутся к югу косяки гусей. На будущий год мы снова будем врубаться в тайгу, искать и искать то, что упрятала земля.

ЗВЕЗДНЫЕ

ВИКТОР КОМАРОВ

ОТ АТОМА ДО ВСЕЛЕННОЙ

Вы помните превращения героя знаменитой книги Джонатана Свифта? В стране лилипутов Гулливер казался гигантом. Но, попав к великанам, он почувствовал себя ничтожным карликом. А ведь рост его не менялся. В мире все относительно. Земля представляется нам огромной, однако вся наша солнечная система, в просторах которой теряется бесконечно малый земной шар, — лишь небольшая частица гигантского звездного скопления — Галактики. Вместе с Солнцем в Галактику входит еще около ста миллиардов звезд. А в доступной современным телескопам области вселенной насчитывают около миллиарда подобных Галактике звездных «островов». Все они составляют единую систему еще большего масштаба — Метагалактику. И так без конца...

Кроме макрокосмоса, известен человеку и другой мир, не похожий на мир привычных нам масштабов, — невообразимо малые элементарные частицы — микромир.

Наука стремится познать и самый малый и самый большой миры. Общеизвестны успехи современной атомной физики, и в наши дни ни у кого не возникает сомнения в практической пользе изучения микроявлений. Внутриатомные силы, используемые в мирных целях, дадут человечеству новый неисчерпаемый источник энергии.

А какую пользу может принести людям познание далеких звездных систем, расположенных на колоссальных расстояниях от Земли?

Оказывается, огромную. Ведь какими бы гигантскими размерами ни обладала та или иная космическая система, она в конечном счете также состоит из элементарных частиц, тех же самых, из которых состоим мы и все окружающие нас предметы. С другой стороны, привычный мир, в котором мы живем, представляет собой часть макрокосмоса. В нем — в нашем мире — словно лучи прожекторов, скрещиваются микро- и макроявления — свойства большого и малого. Вселенная едина, едины ее законы, и, для того чтобы понять их и заставить «работать на себя», необходимо познать не только то, из чего мы состоим, но и то, частью чего мы являемся.

ЗВЕЗДНЫЕ МИРЫ — ГАЛАКТИКИ

Итак, перед человечеством стоит задача — изучить свою Галактику. Но это не так-то просто сделать. Есть такая поговорка: «За деревьями не увидишь леса». Мы находимся внутри «леса» нашей Галактики и не можем выбраться за пределы ближайших ее деревьев, побывать в различных ее точках, не можем взглянуть на нее со стороны.

Существуют и другие препятствия. Помните поучительную легенду о некоем короле, который однажды задал придворным мудрецам необычную задачу? Король показал им большой каменный шар и потребовал отгадать, что находится внутри. Мудрецы попытались найти ответ с помощью хитроумных логических рассуждений, однако успеха не достигли. Лишь один из них поступил иначе. Он велел разложить вокруг шара огонь. Нагретый камень треснул, шар распался на части. И тогда все увидели, что он сплошной и внутри ничего нет.

Если интересующий нас предмет неподвижен, если с ним ничего не происходит, если он не вступает ни в какие взаимодействия с окружающими предметами, мы очень мало можем о нем узнать. Мудрец из легенды сумел изменить состояние каменного шара и благодаря этому раскрыл его тайну — словом, он поставил эксперимент. Точно так же поступают физики, химики, биологи. Они воздействуют на изучаемый объект и наблюдают последствия, а если непосредственно воздействовать на какой-либо объект невозможно, ученые наблюдают естественные изменения, происходящие с ним. Но, увы, в распоряжении астронома нет таких сил, с помощью которых он мог бы изменить состояние Галактики! Не так много, казалось бы, дадут ему в данном случае и наблюдения. Ведь Галактика

ОСТРОВА

существует не меньше десяти миллиардов лет. Десятки. сотни, тысячи лет в ее истории — это короткие мгновения, все равно что секунды в жизни человека. И никаких существенных изменений в Галактике обнаружить не удается, даже если наблюдения ведутся из поколения в поколение.

Но тут-то на помощь ученым и приходят другие галактики, другие звездные миры вселенной. В строении различных галактик есть общие черты, известное сходство. Кроме того, их великое множество, и среди них можно найти системы, которые находятся на различных стадиях развития. Наконец существуют галактики, которые взаимодействуют друг с другом, и результаты подобного взаимодействия также могут быть обнаружены.

Сравнительное изучение далеких галактик — вот путь, который может привести к раскрытию многих сокровенных тайн макрокосмоса.

ИНЫЕ МАСШТАБЫ — ИНЫЕ СИЛЫ

Авторы популярных статей обычно любят начинать рассказы о выдающихся научных открытиях с описания какого-либо эффектного опыта. Но, как мы уже знаем, исследователи галактик опыта, к сожалению, поставить не могут. Несколько тысяч фотографий различных галактик — вот все, что имелось в распоряжении профессора Б. А. Воронцова-Вельяминова. В своеобразной «портретной галерее» можно было найти изображения самых различных звездных «островов»: галактики спиральные и шаровые, эллиптические и неправильной формы, галактики одинокие, двойные и даже целые галактические «архипелаги». Среди всего этого разнообразия ученого заинтересовали галактические пары, то есть галактики, расположенные рядом, иногда «прижавшиеся» друг к другу.

Между космическими телами, расположенными на близких расстояниях, должны действовать заметные силы взаимного тяготения. Действие этих сил вызывает так называемые приливные явления. На нашей планете, например, приливы вызывает притяжение Луны. Естественно было ожидать, что нечто подобное происходит во вселенной во всех тех случаях, когда космические тела или их системы взаимодействуют...

Но еще несколько лет назад астрономы обнару-

жили непонятный факт. У нашей Галактики есть два «спутника» — Большое и Малое Магеллановы облака. И вот оказалось, что у Большого Магелланова облака имеется своеобразный «придаток» — нечто вроде светящегося отростка, обращенного в сторону... противоположную Галактике, то есть в направлении, обратном направлению силы тяготения. Это могло показаться тем более загадочным, что никакого приливного выступа у Большого Магелланова облака обнаружить не удалось.

Выходит, тяготение на этот раз «отказало»?

Однако на самом деле загадки тут нет. Ведь закон тяготения — не единственный и не всемогущий во вселенной. Недавно в зарубежной печати сообщалось, что действие сил тяготения ограничено расстоянием. Космические миры, разделенные расстояниями свыше пяти миллионов световых лет, уже не испытывают гравитационных воздействий. Но и на меньших расстояниях при определенных условиях силы тяготения перестают «играть первую скрипку» и уступают главную роль другим силам. Например, «поведение» элементарных частиц в атомных ядрах определяется действием особых внутриядерных сил. Именно эти силы удерживают вместе частицы, из которых состоят атомные ядра, и не дают им разлететься за счет электрического отталкивания. Аналогичные явления происходят и в космосе. Вспомним хотя бы кометные хвосты. Они всегда направлены прочь от Солнца, так как давление световых солнечных лучей на легкие частицы кометных хвостов «пересиливает» притяжение Солнца.

Проникая все дальше и дальше в глубины вселенной, современная наука вплотную подошла к открытию принципиально новых явлений, которые проявляют себя лишь в масштабах макрокосмоса. В последние годы астрономы обнаружили целый ряд галактических пар, и оказалось, что у некоторых из этих «близнецов» имеются такие же выступы, как и у «спутника» нашей Галактики, а приливные «горбы» практически отсутствуют. Тщательно изучив многочисленные фотографии таких двойных галактик — а их в общей сложности оказалось около пятисот, — профессор Воронцов-Вельяминов пришел к выводу, что происхождение их выступов не может быть объяснено тяготением. Это означает, что, видимо, между галактиками действуют какие-то неизвестные еще нам отталкивающие силы, гораздо более мощные, чем силы тяготения.

У «КОЛЫБЕЛИ» ГАЛАКТИК

Ослепительно синее, безоблачное небо. На склоне горы, словно бастионы древней крепости, возвышаются семь красных башен с круглыми куполами. Мы на горе Арагац, в Бюраканской астрофизической обсерватории. За последние годы эта обсерватория, руководимая академиком В. А. Амбарцумяном, стала признанным центром наступления на тайны далеких звездных миров.

Долгое время астрономы разных стран полагали, что звезды образуются из разреженного вещества путем сгущения, конденсации. Это убеждение казалось настолько неопровержимым, что всякое сомнение вызывало иронические улыбки.

...Именно здесь, в Бюракане, родились принципиально новые представления о «механизме» рождения миров. Еще в 1947 году академиком В. А. Амбарцумяном и его сотрудниками были открыты особые неустойчивые звездные группы, названные звездными ассоциациями. Эти группы состоят из «молодых» звезд, возникших сравнительно недавно, не более нескольких миллионов лет назад. Наблюдения показали, что звезды в этих ассоциациях как бы разбегаются во все стороны от некоторого общего центра. Это навело на мысль о том, что в прошлом вещество ассоциаций было «заперто» в сравнительно небольшом пространстве. И академик Амбарцумян высказал смелую гипотезу: «молодые» звезды рождаются в результате распада на части сверхплотного дозвездного тела.

Это не простое механическое деление — дозвездное вещество имеет особые свойства, которыми его прямые «потомки» — звезды уже не обладают. Так, например, отличительной особенностью звезд является непрерывное излучение больших количеств энергии. А дозвездные тела хотя и «начинены» энергией, почему-то ее не излучают... Академик В. А. Амбарцумян и сотрудник Бюраканской обсерватории Г. С. Саакян выдвинули интересную гипотезу о природе дозвездной материи. По их мнению, протозвезды состоят из «тяжелых» элементарных частиц — гиперонов сравнительно большой массы. В обычных условиях гипероны недолговечны, они «живут» триллионные доли секунды. Но, как показывают расчеты, при определенных условиях большая масса гиперонного вещества может долгое время оставаться устойчивой. При распаде такого сверхплотного «кома» и образуются звезды.

Не натолкнулась ли наука в звездных ассоциациях на новую форму существования материи? А вместе с тем на новый, ни с чем не сравнимый источник и аккумулятор энергии?

Началась кропотливая, тонкая работа. Звездные ассоциации нашей Галактики уже достаточно «взрослые», дозвездный сгусток материи — протозвезда в них уже давным-давно распалась. А исследователей больше всего интересовали ассоциации «помоложе», в которых еще совершается процесс перехода вещества из одной формы в другую. На помощь снова пришли далекие галактики. Наблюдая за ними, ученые Бюраканской обсерватории обнаружили и среди галактик ассоциации — неустойчивые, расширяющиеся и распадающиеся скопления. Как и звездные ассоциации, они «разбегаются» во все стороны от единого центра. Не значит ли это, что и галактики тоже рождаются в результате «деления» гигантского сгустка дозвездной материи?

В некоторых галактиках, предположили астрономы, процесс «генерации звезд» из дозвездного вещества происходит и по сей день. Но где может находиться такой «генератор»? Скорее всего на окраинах звездных островов. Внимание исследователей привлекли к себе плотные образования, расположенные в центральной части многих галактик, так называемые галактические ядра.

Галактические ядра во многом загадочны. Что они собою представляют? Необычайно плотные скопления звезд или ионизированный газ, атомы которого имеют электрический заряд? Или — что скорее всего — это какое-то еще неизвестное нам состояние материи?

Галактические ядра служат центрами обращения звезд, но этим их роль, бесспорно, не исчерпывается. В частности, наблюдения показывают, что из ядер часто берут начало спиральные образования. Предполагают, что газ, вытекающий из ядра Галактики, как бы «отстает» от его вращения и постепенно закручивается в противоположную сторону, образуя то, что астрономы назвали «звездными рукавами». Более того: оказалось, что ядра некоторых галактик выбрасывают струи вещества настолько мощные, что они движутся по прямой. В них обнаружены небольшие самостоятельные звездные системы, быть может возникшие из этих струй.

Астрономам Бюраканской обсерватории удалось обнаружить и несколько крупных галактик сферической формы, выбрасывающих вещество. На концах их струй находились одна-две небольшие галактики, отличающиеся от прочих голубым цветом. А вскоре «голубые галактики» были обнаружены в «окрестностях» многих других сферических звездных систем. И хотя струй, исходящих из их ядер, ученые на этот раз не заметили, очень

возможно, что эти голубые галактики тоже «родились» в результате выброса вещества из ядер «материнских» галактик.

Наконец не так давно голландским астрономам удалось установить, что центральное ядро в нашей Галактике тоже «вырабатывает» вещество.

Так стало очевидно, что галактические ядра играют чрезвычайно важную роль в формировании и эволюции звездных систем и их составных частей.

ГАЛАКТИЧЕСКИЕ РАДИОСТАНЦИИ

В последние десятилетия возник и необычайно быстро развился новый могущественный метод изучения вселенной — радиоастрономия. Оказалось, что в космосе много естественных «радиостанций» — планеты солнечной системы, газовые туманности, атмосферы звезд, некоторые галактики. Источником радиоволн, правда сравнительно слабых, является и наша Галактика.

В 1951 году, изучая в созвездии Лебедя «пункт», откуда «раздается» один из самых мощных в окружающем нас космосе радиосигналов, астрономы обнаружили галактику, точнее — две галактики, тесно «прижавшиеся» друг к другу. Поток радиоволн, идущий от этой удивительной пары, оказался примерно в шесть раз большим, чем световой. Хотя она находится от нас на чудовищном расстоянии, около 600 миллионов световых лет, радиоизлучение ее, принимаемое на Земле, имеет такую же мощность, как и радиоизлучение спокойного Солнца.

Вскоре были обнаружены и другие радиогалактики. Но галактика в Лебеде остается непревзойденным «радиогигантом». Лишь немногие звездные «острова» могут сравниться с ней по своей «радиомощности», а подавляющее большинство примерно в тысячу раз слабее.

Являются ли радиогалактики какими-то исключительными образованиями в космосе? Сравнение их с обычными галактиками показало, что по своему строению и оптическим свойствам они не представляют собой ничего особенного. Для любой радиогалактики можно найти похожего на нее «нормального» двойника, который отличается от нее только отсутствием радиоизлучения. Не значит ли это, что способность излучать мощные потоки радиоволн возникает лишь на определенном этапе эволюции одного из типов галактик? А может быть, подобная стадия в «жизни» галактик повторяется даже несколько раз?

Но если это в самом деле так, то вопрос о природе радиоизлучения галактик приобретает особо важное значение. Еще в 1950 году шведскими учеными Альвеном и Герлофсоном была выдвинута любопытная гипотеза, которую в дальнейшем развили советские ученые В. Л. Гинзбург, Г. Г. Гетманцев, профессор И. С. Шкловский. Согласно этой гипотезе источником космического радиоизлучения служат «быстрые» электроны в межзвездных магнитных полях, движущиеся со скоростью, близкой к скорости света.

Гипотеза была подтверждена целым рядом астрофизических наблюдений. Но тогда возник новый вопрос: откуда и при каких обстоятельствах в галактике может появиться огромное количество быстрых частиц и возникнуть достаточно мощные магнитные поля?

Открытие двойной радиогалактики в созвездии Лебедя породило на первых порах гипотезу, утверждавшую, что эти галактики столкнулись. Ученые предположили, что в результате подобной «катастрофы», длящейся десятки миллионов лет, в районе столкновения могут возникнуть физические процессы, сопровождающиеся мощным радиоизлучением. Одним из первых эту гипотезу подверг критике академик В. А. Амбарцумян: мы наблюдаем в созвездии Лебедя и в других радиогалактиках не столкновение двух случайных галактик, а, наоборот, рождение этих звездных систем, — утверждал советский ученый. Либо галактика там делится на две; либо новая галактика образуется из материи, выброшенной ядром «материнского» звездного «острова».

Подобная точка зрения подтверждается хотя бы тем обстоятельством, что среди радиогалактик встречаются не только двойные, но и одиночные звездные системы, то есть быстрые частицы рождаются в самой галактике, в результате каких-то внутренних процессов. Но каких же именно?

Профессор И. С. Шкловский четыре года назад высказал предположение, что источником быстрых частиц могут служить вспышки Сверхновых звезд. Эти вспышки представляют собой мощные взрывы, во время которых выделяется колоссальное количество энергии. В течение всего нескольких суток Сверхновая выделяет столько же энергии, сколько могли бы выделить за это же время несколько миллиардов солнц. Действительно, вспышки Сверхновых порождают мощные потоки радиоволн, однако подсчеты показали: чтобы «обеспечить» излучение гигантских радиогалактик, потребовалось бы несколько десятков тысяч таких вспышек ежегодно. Между тем в галактиках в среднем бывает лишь одна вспышка Сверхновой за несколько сот лет.

Тогда И. С. Шкловский предположил, что ядра галактик при известных условиях могут «вбирать» в себя разреженный газ, заполняющий межгалактическое пространство. При этом должно освобождаться большое количество энергии, которое может вызвать ускорение заряженных частиц.

Остроумное обобщение этих двух гипотез советского ученого было предложено известными американскими астрофизиками Хойлом и Фаулером. В звездной астрономии принято считать, что масса любой звезды не может превышать массу нашего Солнца более чем в сто раз. В противном случае звезда окажется неустойчивой и распадется. Однако Хойл и Фаулер предположили, что по временам в ядрах галактик вследствие сгущения межзвездного газа могут возникать Сверхзвезды с массой, превышающей солнечную в сотни тысяч и даже сотни миллионов раз. Такая Сверхзвезда, как показывают расчеты, должна постоянно сжиматься до тех пор, пока это не приведет к чудовищному взрыву, по сравнению с которым вспышка обычной Сверхновой все равно, что вспышка спички по сравнению со взрывом водородной бомбы. Одна такая вспышка может породить вполне достаточное количество быстрых частиц для того, чтобы галактика стала радиогалактикой. Эта гипотеза как будто подтверждается.

Проблема Сверхзвезд и радиогалактик становится одной из самых увлекательных в современной астрономии.

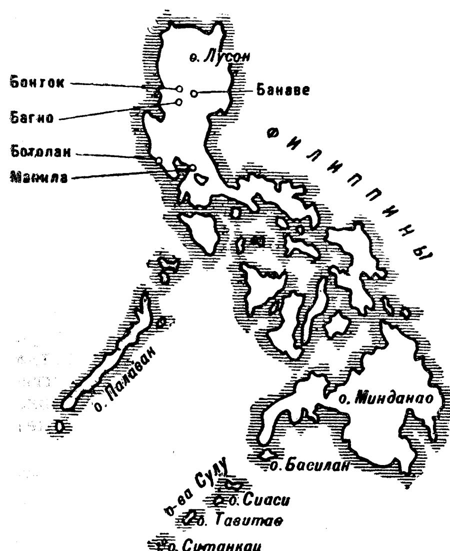
Конечно, человек еще не извлекает практические выгоды из открытий в области макрокосмоса, и пока здесь можно лишь фантазировать.

Вещество протозвезд и галактических ядер — это новое, неизвестное нам состояние материи, из которого возникают космические тела. Между тем переходы материи из одной формы в другую обычно сопровождаются преобразованием энергии. Поэтому раскрыть тайну дозвездной материи — значит, может быть, овладеть новым источником и аккумулятором энергии, в сравнении с которым бледнеют такие виды энергии, как атомная и термоядерная.

Не менее заманчивые перспективы сулит и познание межгалактических сил отталкивания. И нет ничего невероятного в том, что наступит время, когда эти силы, более могущественные, чем силы тяготения, приведут в движение межзвездные корабли.

На окраине океана

ТАГЕ ЭЛЛИНГЕР

ве мои студентки из провинции Самбалес на западном побережье острова Лусон рассказали мне про необычный случай, который приключился с ними. Во время японской оккупации они вместе с родителями укрывались в горах и там встретили малорослых людей. Они называли себя абенленами.

Рассказ девушек увлек меня, и я с радостью принял приглашение одной из них — Обдулии Агилар провести октябрьские каникулы в ее доме, в Ботолане.

Я отлично знал, что мои хозяева — люди бедные, что Аполинару Агилару еле-еле удается наскрести денег на учебу дочери. И я приготовился с радостью разделить их скромную трапезу — рис и вяленую рыбу, не сомневаясь, что буду отлично себя чувствовать в маленькой дружной семье.

К сожалению, главное, ради чего я приехал, сорвалось. Дело в том, что власти распорядились эвакуировать все местные племена в два центра (чтобы не сказать: концлагеря) — Паска и Поомбато. Часть племен негрито и абенленов подчинилась, но наиболее воинственные не захотели покинуть родные места.

Я отправился в Поомбато. После ливня река Бакилян разлилась так, что форсировать ее на машинах было невозможно. Мы все-таки перебрались на другой берег, но абенлены при виде сопровождающих меня солдат поспешно бросили свои жалкие лачуги и бежали.

Тогда я поехал в Паску, где в ужасных условиях жили эвакуированные негрито.

Некоторые этнографы считают, что негрито заселили Филиппинские острова, придя туда с юга во время последнего ледникового периода, когда уровень океана понизился настолько, что над водой поднялись два материковых «моста» между Калимантаном, Палаваном и Минданао. С тех пор прошло десять-двадцать тысяч лет, но образ жизни негрито мало изменился.

Карликовый рост, гармоническое телосложение, курчавые волосы — вот что особенно примечательно в них. Питаются негрито кореньями и плодами (их собирают женщины), а также дичью, которую мужчины убивают из луков. Они не знают ни земледелия, ни скотоводства, постоянного жилья не строят, а кочуют с места на место, проводя ночь в естественных укрытиях — в дупле дерева, под скалой, под навесом из ветвей и листьев. Если мерить на наш аршин, то они нищие. Но говорят, что когда одна туристка спросила негрито, что ему прислать, он посмотрел вокруг и ответил:

— У меня все есть.

Впрочем, теперь их образ жизни под угрозой. Бедных негрито усиленно «цивилизуют», их племенную организацию принудительно ломают. Как заявил мне мэр Паски, негрито прививают «цивилизованный образ жизни». Чем это кончится? Смогут ли они вернуться в родное приволье или обречены на медленное вымирание в условиях нужды и унижения?..

В начале рождественских каникул я снова приехал в провинцию Самбалес. Родич Агиларов, богатый помещик Луис Гарсиа, вызвался мне помочь и познакомил меня с неким капитаном Бланко. О, капитан отлично знал абенленов! Он был знаком с одной абенленской семьей, которая живет на окраине Сан-Хуана, что на пути в Поомбато.

Мы отправились навестить семью Мананга. Ее глава участвовал в партизанских схватках против японцев и погиб в бою. Вдова с детьми и другими родичами поселилась в Сан-Хуане. Почти все их имущество составляли несколько луков со стрелами разного рода: для кабанов, для рыбы, для птицы.

Абенлены тоже невысоки ростом, но совершенно не похожи на негрито. Волосы их гладкие либо слегка курчавые. Цвет кожи смуглый (не черный), цвет волос рыжеватый, глаза карие. Черты лица тоньше, чем у негрито, среди которых они живут подобно коричневому островку в черном океане. Как ни странно, они совсем выпали из поля зрения этнографов!

Я показал своему коллеге профессору Бейеру несколько фотоснимков, которые сделал в Сан-Хуане. Он тотчас заявил, что эти люди — наиболее древние представители малайского типа. В итоге появилась статья в «Манила Таймс» о неизвестном науке племени абенленов.

И тут произошло непредвиденное. Мне позвонили из нескольких агентств печати с просьбой прислать фотографии для иллюстрирования моей статьи. У меня было всего три снимка, которые тотчас пошли в ход. И тут со всех концов посыпались письма и газетные вырезки. Старые друзья, которых я годами не видел,

---

Окончание. Начало см. № 9 1963.

прочли в газетах, что датский профессор открыл на Филиппинах неизвестное племя.

Представляете себе мое замешательство, когда пришли телеграммы с просьбой прислать дополнительный материал и фотоснимки! Но ведь все, что я знал об абенленах, исчерпывалось маленькой статьей в «Манила Таймс»! Я взял недельный отпуск и отправился в Самбалес, чтобы поискать там еще абенленов. Сопровождал меня прибывший из США корреспондент телевидения.

К счастью, на этот раз уровень воды в Бакилане позволил нам форсировать реку. Дорога была отвратительная, но нам удалось добраться до Поомбато, в восемнадцати километрах на восток от Ботолана.

Девушка из племени абенленов.

В центре города стоял барак казарменного типа, возле которого был базар с лавчонками. На большой территории южнее базара раскинулись жалкие, грязные лачуги эвакуированных негрито, а к северу от базара сгрудились бамбуковые хижины, населенные абенленами.

Возглавляли племя абенленов два вождя, из которых главную роль играл Дикот. В переводе это имя означает «трава». Второго вождя звали Бокот — что-то вроде «широкоплечий».

Мой спутник страшно спешил снять свой телефильм: его нужно было в тот же вечер доставить в Манилу, чтобы отправить самолетом в США. Да и сам оператор боялся ночевать среди «дикарей». Я был только рад. После его исчезновения наступил мир и покой, и я смог как следует побеседовать с вождями.

— Сколько вы живете здесь, в Поомбато?

— Три года.

— Откуда вы пришли сюда?

— Из Кабатуана.

— Сколько там было домов?

Подсчет оказался делом сложным. Дикот и Бокот выдернули несколько соломин из стены и разломили их на кусочки длиной со спичку. Назовут имя — положат «спичку». Арифметическое действие мне пришлось произвести самому — получилось тридцать шесть.

— А сколько человек в каждом доме?

Оказалось, в среднем шесть. Итого выходило больше двухсот человек во всем поселении. Но только четвертая часть согласилась переселиться в Поомбато.

— А есть еще абенленские поселения?

— Да. Танган-Танган, Биналаган, Лента и Талектет.

Они расположены вдоль реки Кабатуан. Дикот сказал, что из других поселений сейчас в Поомбато находится всего несколько семей. Большинство абенленов не подчинилось приказу об эвакуации.

— Сколько жен может быть у одного абенлена?

— Одна, две, три.

— И все живут в одном доме?

— Да.

— А почему мужчины берут себе вторую жену?

— Чтобы было кому в поле работать.

— Первой жене живется лучше, чем другим?

— Нет.

— Кто решает, кому на ком жениться?

— Обычно родители, но теперь и молодых стали спрашивать.

— Муж должен платить выкуп?

— Да, сто песо.

— Молодожены вселяются в новый дом или живут у родителей?

— Если смогут, строят себе дом, а то живут у родителей.

Молодой сын Дикота, женатый на совсем юной девушке, жил у отца. Тут же жила жена Дикота и три дочери; итого: семь человек на площади в три с половиной квадратных метра.

— Ты всегда живешь в одном доме или переезжаешь с места на место?

— Мы не кочуем, как негрито.

— Какие растения вы выращиваете?

— Рис, батат, маис, бобы, бананы и папайю.

— Вы орошаете рисовые поля или выращиваете горный рис?

— Мы устраиваем пал в лесу, потом сажаем рис между пнями.

Я знал, что этот способ запрещен, так как вредит лесу, но все равно его применяют по всей стране.

— Какой скот у вас есть?

— Мы не держим скота.

— И мяса не едите?

— Едим: кабана, косулю, обезьян, птиц. Но змей не едим. Прежде чем есть мясо, несколько дней его выдерживаем.

— А как вы поступаете с умершими?

— Хороним там, где человек умер. Покойника нельзя нести через траву. Если умер в доме, этот дом покидают.

— А если он умрет в чужом доме?

— Его хоронят там и покидают дом. Но семья покойного должна уплатить владельцам дома возмещение — четыре песо.

Недорого за дом!

— А как поступают с убитым в схватке?

— Его надо хоронить тут же, на месте.

— Если ты умрешь, то уж насовсем или пробудишься к новой жизни?

Улыбаясь:

— Конечно, совсем.

— Кто сотворил мир?

— Этого никто не знает.

— А ду́хи существуют?

— Да, есть анито. Добрые анито живут на деревьях, злые живут в термитниках. Будь осторожен, остерегайся наступить на термитник.

— Как выглядит анито?

— Этого никто не знает.

— Что делают злые духи?

Баджао — лодочники острова Ситанкаи.

Дома на острове стоят в воде на высоких сваях.

Плывут преимущественно ночью, день посвящен погрузке-разгрузке. Покинув вечером Сиаси, вы утром просыпаетесь в Бонгао, расположенном на южной оконечности длинного малоизученного острова Тавитави, прибежища контрабандистов; отсюда за ночь можно на катере добраться до Калимантана.

От Бонгао до Ситанкаи, самого южного города Филиппин, всего пять часов плавания. К счастью, эту часть пути проделывают днем. Судно идет медленно, так как оно одновременно выполняет роль плавучего магазина, но все-таки под вечер причаливает к пристани в конце каменного мола, который так и не достроили до конца.

Мы в Ситанкаи. Однако города еще не видно. Чтобы попасть в него, надо сесть в лодку. Лодочник — баджао за песо перевозит пассажира через огромный коралловый риф. Почти голый худощавый человек стоит с длинным шестом на носу, а на кор-

— Болезнь напускают.

— Как с ней бороться?

— Нужно, чтобы добрый дух вселился в другого мужчину или женщину, которые потом изгонят из больного злого духа.

— Как же узнать, что в тебя вселился добрый дух?

— Это чувствуешь сразу. Потом танцуют, и во время танца можно сказать, что за болезнь.

Вот так «диагностика»!

— У нас есть разные лекарства, — объясняет Дикот и начинает перечислять множество лекарств и их применение. В большинстве это были лекарственные растения, но он назвал также желчь удава — помогает от свинки, и мазь из термитов — хорошо для суставов.

Я привел почти весь разговор, длившийся около часа, потому что он, по-моему, дает достаточное представление об образе жизни абенленов.

Когда меня однажды спросили о моем впечатлении от Сулу, я ответил тремя словами: «Exciting, romantic, beautiful!» [1]. Этот же отзыв мне потом приходилось слышать много раз. Конечно, волнение проходит, романтика блекнет, но память о красоте не меркнет никогда. Причем в красоте Сулу нет ничего ослепительного, вы не найдете там чудес света, которые просятся на туристский плакат. Но море, то изумрудное, то небесно-голубое, со стайками серебристых рыб, и темно-зеленые пальмовые рощи, синеватые пригорки многочисленных островов, окаймленных ярко-белыми коралловыми рифами, — упоительное зрелище. Воздух чистый, прозрачный, здесь не бывает духоты, хотя экватор рядом.

Путешествовать тут просто, вместительные моторные суда курсируют между островами.

[1] Волнующе, романтично, прекрасно!

Девушка с острова Холо.

ме — тоже с шестом, но покороче — ему помогает жена. Они предлагают нам место под циновкой, но гораздо интереснее остаться на борту и разглядывать растительность и живность на рифе. Отлично видно все, что делается в воде, и вовсе не надо быть зоологом, чтобы восхищаться яркими красками подводного царства.

Стоит подуть ветерку, как баджао поднимает парус и затевает гонки с другими лодками. Увлекательные гонки — баджао мастерски правят лодками!

Остров Ситанкаи так мал, что на нем самом умещается только кладбище. Сам город стоит на сваях, постройки разделены каналами. Филиппинская Венеция, в которой лодки баджао играют роль гондол.

Кстати, лодки здесь особенные, дальше на севере таких нет: их борта украшены искусной резьбой.

Большинство домов принадлежит бедным рыбакам. Лишь вдоль самого берега можно увидеть постройки покрупнее, окаймленные довольно широкой деревянной пристанью. Здесь расположились лавки, принадлежащие купцам-китайцам. В обоих концах «главной улицы» поселились богатые мавры, нажившиеся на контрабанде.

Торговля рыбой — единственный (легальный) источник дохода ситанкайцев. Рыбу вялят на досках, складывают в цистерны и отправляют с пассажирским судном на север. Многие баджао, естественно, сочли выгодным для себя обосноваться в свайных домиках возле лавок скупщиков-китайцев. Так появился город Ситанкаи.

* * *

Покидая Филиппины, я сказал своему хорошему другу, госпоже Луизе Орендаин, что, собравшись с мыслями, напишу о ее стране честную книгу. И добавил:

— Но я надеюсь, что смогу в ней показать, почему люблю Филиппины.

Итак, эта книга — объяснение в любви, однако я не верю в изречение «любовь слепа». Слепая любовь кончается слезами. Любовь должна быть зрячей. Я стремился видеть подводные камни, чтобы обойти их, старался узнать проблемы, чтобы как-то помочь их решить. Все, что написано в моей книге, — подлинно пережитое, хотя иногда имена изменены или вовсе опущены.

Перевод со шведского Л. АЛЕКСАНДРОВА

Иранские анекдоты

УБЕИД ЦАКАНИ

У жителя города Казвина пропал осел. Потерпевший громко благодарил бога.

«Эй ты, простофиля, — крикнул ему сосед, — ты что это благодаришь бога — за потерю? Чему ты радуешься?»

«Ты глупец, — ответил казвинец, — благодарю бога за то, что не я ехал на том осле. А то бы и я пропадал четвертый день».

* * *

Мулла читал свои проповеди всегда в одной и той же мечети, и каждый день туда приходил человек и плакал.

«Как сильно действуют мои слова!» — думал всякий раз проповедник, разглядывая плачущего.

Ученики и слушатели муллы спросили того человека: «Ты плачешь потому, что тебя так волнуют проповеди муллы?»

Человек ответил: «Нет, я проповеди даже не слышу. У меня была коза, она от старости подохла. Когда ваш мулла говорит, он трясет бородкой, совсем как моя коза. А я вспоминаю о своей потере и плачу».

* * *

Человек пришел к врачу и сказал: «У меня болит живот. Вылечи меня!» — «Что ты ел сегодня?» — спросил врач. «Горелый хлеб», — ответил больной. Врач взял какую-то мазь и стал ею мазать больному глаза. «О, хаким, глаза-то у меня не болят!» — взмолился больной. «Сначала нужно вылечить твои глаза, чтобы ты видел, что ешь!» — ответил врач.

* * *

Некто пришел к писцу и попросил: «Напиши для меня письмо!» Тот ответил: «Ноги болят». Проситель сказал: «Я и не собираюсь посылать тебя гонцом, не понимаю, чего ты ломаешься». Писец сказал: «Все это так, но каждый раз, когда я пишу письмо, мне самому приходится бежать к получателю, чтобы прочитать ему письмо. Ведь никто не может разобрать мой почерк».

* * *

Вор забрался в жилище к бедняку. Тот проснулся от шума и сказал: «Уходи, глупец, ты хочешь в темноте найти то, чего я не могу обнаружить при ярком свете».

Убеид Цакани — народный персидский писатель, живший в XIV веке, автор сатирических и юмористических произведений.

По страницам журналов братских стран

Бегут над горой вагонетки

Вой метели заглушал далекий взволнованный голос:
— Недалеко от рудника Страшимир у четвертого столба образовались «ножницы». С канатов упали вагонетки. Пришлите аварийную бригаду...

Через несколько минут к центральной канатной станции вышла аварийная бригада — двадцать молодых монтажников.

Рассвело, стали видны «ножницы»: два каната — несущий и тянущий — перехлестнулись на сорокаметровой высоте. Вагонетки сорвались со своего воздушного «рельса».

Если не ликвидировать «ножницы», остановится движение на дороге, обогатительная фабрика останется без сырья. Надо спешить, а мороз, как нарочно, так и прихватывает брезентовые рукавицы, прилепляет их к стальному канату...

Над домами горного села Бориево, где находится станция канатной дороги, разбегаются в небе стальные тросы. По ним днем и ночью к бункерам бегут вагонетки с рудой из рудников Страшимира и Гюдюрска. Пройдя через громадные стальные челюсти дробилок, руда снова отправляется в путь по воздуху — на обогатительные фабрики Кырджали и Рудозема.

...Дорога каждая минута. И монтажники не подкачали. Авария ликвидирована. Зазвенели туго натянутые тросы, двинулись вагонетки, ожила воздушная дорога.

Среди пятнадцати тысяч монтеров, обогатителей и служащих объединения воздушных дорог «Горусбо» монтажники-верхолазы заслуженно пользуются особым почетом. Многие из них носили бетон и копали землю для первых столбов на линии Бориево — Кырджали, построенной еще в буржуазной Болгарии германскими промышленниками, владевшими тогда большей частью свинцово-цинковых рудников в Родопах.

Теперь у мастеров-верхолазов подросла смена. Опыт, мастерство передаются от отца к сыну. Один из известнейших монтажников, Асен Яворов, обучил своей профессии пятерых сыновей. Три брата Филипповы пятнадцать лет назад были полуграмотными подсобными рабочими. А ныне Иордан Филиппов — начальник новой ветки Стратиев Камень — Рудозем, его брат Иван — начальник участка на линии в Кырджали, третий брат — машинист.

В ближайшее время к существующей семидесятикилометровой сети прибавятся новые ветки длиной в 25—30 километров: от рудника Еньовче — к Бориево и Кырджали и от рудника Говедарник — на обогатительную фабрику в Луки.

Новые линии будут сооружены болгарскими строителями, перенявшими опыт у специалистов из ГДР.

Огонь на борту

4 июля 1963 года рыболовный траулер «Айнхайт» покинул гавань рыбоперерабатывающего комбината в Ростоке и отправился на лов сельди в Северное море. Но, прежде чем капитан успел занести в бортовой журнал запись о начале лова, он получил сигнал «SOS». Впереди по курсу — пожар в море: горела шведская шхуна «Елизабет».

Через двадцать минут, когда «Айнхайт» подошел к горящей шхуне, команда уже успела покинуть ее. Ростокские рыбаки под прикрытием водяных струй ринулись на абордаж. Несколько часов боролись люди с огнем, спасая гибнущую шхуну. Работать приходилось в дымовых масках; от жары и недостатка воздуха кружилась голова, слабели руки. Но вот огонь погашен, и шхуна взята на буксир. Курс на Росток.

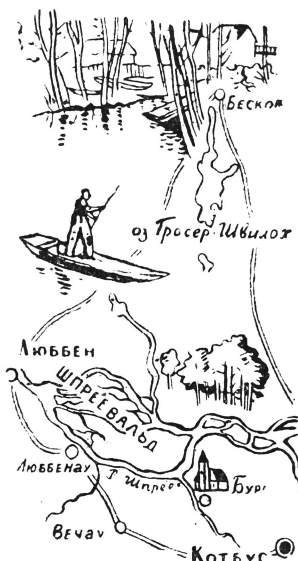
Неожиданно ночью раздался сильный взрыв: на «Елизабет» взорвался бак с горючим, и шведская шхуна снова превратилась в пылающий остров. Мгновенно обрублен трос, и немецкие моряки второй раз бросаются на борьбу с горючими языками пламени. Под утро шведская шхуна была благополучно доставлена к причалам Ростока. Через несколько часов «Айнхайт» вышел в море на лов.

Осуществленная мечта

Лужицкие сорбы издавна строили свои жилища на искусственных холмах — «каупах». Так они пытались защититься от частых разливов рек. Ведь только в XX столетии в Шпреевальде произошло около двухсот наводнений.

Полистаем деревенскую хронику. Здесь множество старинных документов, рассказывающих о том, как лужичане безуспешно стремились убедить власти в необходимости борьбы со стихийными бедствиями.

Но первые работы по расширению русел рек, впадающих в Шпрее, были начаты только в 1907 году и подвигались очень медленно. И даже осуществление этого проекта не устраняло полностью опасности наводнения. Только в 1926—1927 годах ущерб, причиненный разливами рек, исчислялся огромной суммой — более восьми миллионов марок.

Вековая мечта жителей Шпреевальда стала претворяться в жизнь лишь тогда, когда народ взял власть в свои руки. Правительство ГДР ассигновало на ирригационные работы 43 миллиона марок. Будущая плотина, пятая по величине в республике, наряду с регулированием водного режима в районе Шпреевальда, одновременно снабдит водой крупные электростанции, строящиеся в Люббенау и Фетшау. Они будут способствовать экономическому развитию этой некогда отсталой области.

11 миллионов марок ассигновано на то, чтобы соорудить Северный и Южный обводные каналы. По этим каналам воды Шпрее потекут «обходным путем — вокруг Шпреевальда. В этом году на реке Шварцен Шепс начинается строительство подпорной плотины, а затем последует сооружение водохранилищ у Бауцена, Лозы и Шпреевица.

Секунды, секунды... Лодки окружили место, где, как сообщили спасателям, река скрыла свою жертву.

Затих рев моторов, только приглушенная команда разносится над рекой.

Человек в резиновом скафандре тотчас бросился в воду.

Полоса пузырьков указывает его путь в глубине.

Мосты над Влтавой

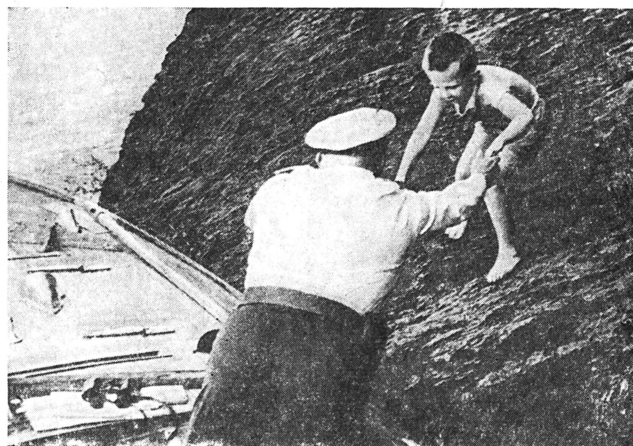
В конце прошлого века у Збраслава возвели над Влтавой один из первых в стране стальных мостов. Для того времени это было первоклассное сооружение. Мост верой и правдой служит и в наши дни. Но все теснее становится на нем современному транспорту, конструкция моста не позволяет провозить по нему тяжелые и громоздкие грузы.

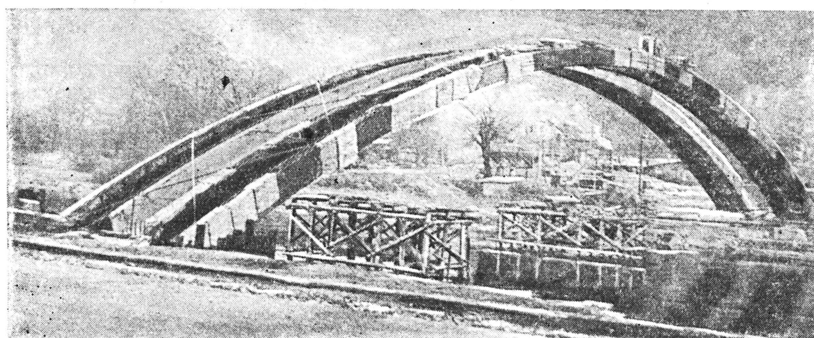
И потому было решено построить рядом со старым новый мост. Строители остановились на смелом проекте пражских инженеров, предложивших строить железобетонный арочный мост с большим пролетом.

Работа велась в суровых условиях. Ее не останавливали даже в непривычно морозные дни прошлой зимы.

Сначала в мастерских сварили из стальных труб шестнадцать звеньев — основу моста. Потом огромный кран укладывал эти пятитонные решетки на временные опоры. Одну за другой, одну за другой...

К новому, 1964 году строители предполагают закончить сооружение своего детища у Збраслава.

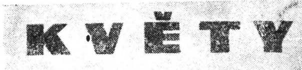
Секунды, секунды... Вот водолаз уже вынырнул: «Человек здесь, на глубине семи метров, на илистом дне». Двое аквалангистов ныряют в воду. Спасательная резиновая лодка, следуя за цепочкой пузырьков, приближается к месту несчастья.

Секунды, секунды... И вот уже спасатели всплывают, бережно поддерживая потерпевшего. Теперь дело за врачами.

Таких случаев становится на Влтаве все меньше. Ведь отряды общественной безопасности видят главный смысл работы в «профилактике», в предотвращении несчастий на реке.

После постройки плотины полноводнее стала красавица Влтава, холоднее и бурнее ее волны. Так водолазы установили, что на глубине в пять метров температура нередко опускается до семи градусов даже в июльскую жару. Многочисленные пароходы, катера, лодки перемешивают воду и поднимают холодные струи на поверхность. Об этом и рассказывают спасатели в школах, клубах, на заводах, чтобы меньше стало «героев», прыгающих с мостов, ныряющих под пристани, плывущих вдогонку за пароходами, состязающихся в плавании от одного берега до другого.

Жизнь человека — это самое дорогое. И спасатели всегда начеку.

Патруль на реке

Под арками пражских мостов несутся против течения моторные лодки. Гребешки волн за их кормой стремительно разбиваются о мостовые опоры, широким веером расходятся к берегам.

„ДИОГЕН" В ПУЧИНЕ МОРСКОЙ

ЖАК ИВ КУСТО

Читателям нашего журнала знакомо имя известного французского океанолога Жака Ива Кусто — изобретателя акваланга, «ныряющего блюдца», неутомимого исследователя морских глубин. О некоторых исследованиях и проектах Кусто рассказывается в этом номере.

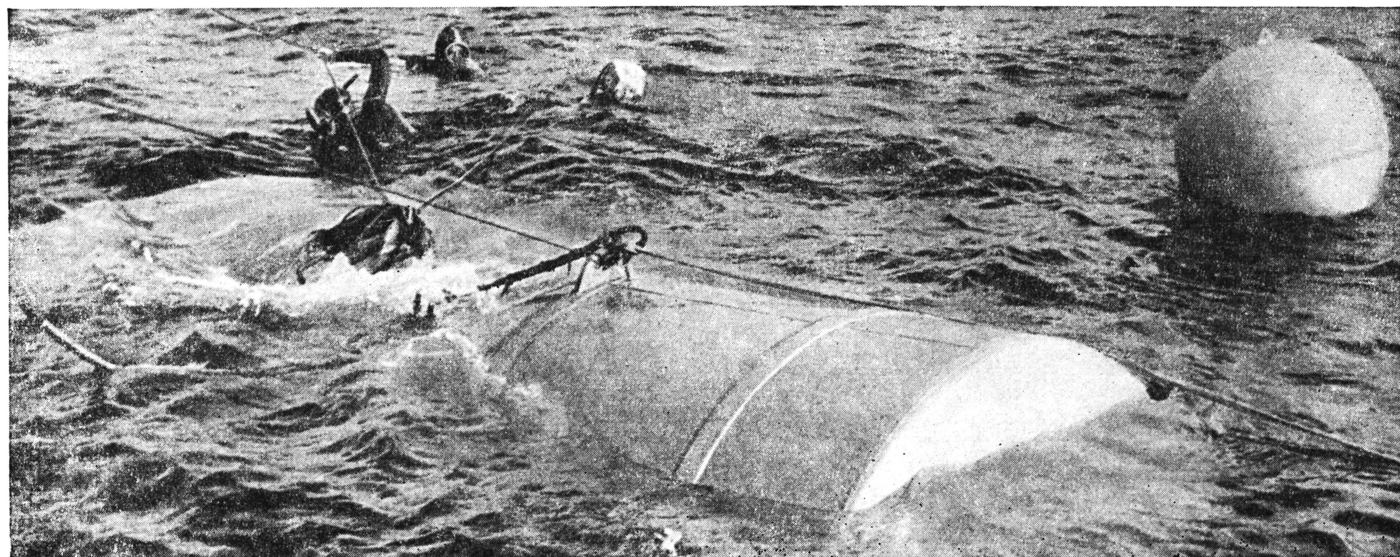
В наблюдательном пункте нас десять человек, все с напряжением смотрят на экраны телевизоров. Мы видим двух океанавтов удивительно четко, не пропускаем ни одного слова из их разговора, и трудно осознать, что над Фалько, спокойно раздевающимся перед моими глазами, — десятиметровая толща воды, в которой держится крошечный «стакан» с воздухом — наш «Диоген».

...Они живут в другом мире, в воде, под водой, так или иначе сталкиваясь с ней, и вода незаметно стала для них привычной средой. Чтобы они не чувствовали себя оторванными от нас и из соображений безопасности, приняты меры предосторожности: сеть подводных кабелей и труб связывает подводное жилище океанавтов с нашим НП на острове и с двумя кораблями — «Калипсо» и «Эспадоном», стоящими на якоре прямо над ними. Все средства связи и безопасности дублированы, а некоторые даже утроены.

В распоряжение океанавтов предоставлены все «земные удобства»: горячая вода поступает к ним по пластиковой трубке, обогревается «Диоген» четырьмя инфракрасными лампами; у них есть радио, электрический проигрыватель и, разумеется, телевизор, который отлично принимает городскую программу.

Они стали жителями моря — в своем домике они могут укрыться, «выйти сухими из воды» в прямом смысле слова, если захотят. Домик не стоит на дне, он находится на плаву, как пузырек воздуха в бутылке с водой.

Это было вечером: подводный дом, ярко освещенный прожекторами, излучал из глубины мертвенно-бледный свет. Стоя на палубе «Калипсо», я заметил, что море вокруг корабля покрыто бликами и отсветами идущего со дна света: Пьер Гупиль (кинооператор «Мира безмолвия») снимал ночную прогулку океанавтов. Че-

ловек десять из нашей группы ныряльщиков отправились с ним: они помогали ему управляться с камерой, с осветительными приборами или выполняли роль статистов.

Надо к ним присоединиться. Я начал одеваться в костюм ныряльщика.

Как и в прошлые времена, я для моих ныряльщиков «паша́» — стареющий капитан. Но прежде они позволяли мне по крайней мере самому надевать водолазный костюм. Теперь они мне помогают. Их любезность мне всегда приятна, но в момент спуска она предстает передо мной в другом свете: я понимаю, что уже стар. Мне пятьдесят два года. И в тот вечер, когда Пле суетился около меня и спрашивал, не холодная ли вода, — а она была действительно холодная, — я с мучительной ясностью понял, что эта минута, которую я ждал почти двадцать лет, означает, с одной стороны, вполне закономерное удачное завершение долго подготавливаемого опыта, а с другой — мой личный провал. Если бы я в нескольких словах захотел выразить смысл моей жизни, я бы написал то, о чем постоянно думал: я мечтал освободить человека от пут Земли, изобрести средства, позволяющие ему освободиться от границ, установленных природой.

Первый решительный шаг уже сделан, океанавты пробыли в море столько, сколько не удавалось ранее ни одному человеку, и если все будет хорошо, они проживут там еще неделю. Я хорошо знаю, что они могли бы прожить и дольше: две, три недели, месяц — и на большей глубине. Этот первый шаг предвещает перемены, с трудом укладывающиеся в сознании. Но я о них не узна́ю. Я умру земным жителем...

Среди мелькающих в глубине теней я узнал двух океанавтов по голубым перчаткам, фосфоресцирующим в свете прожекторов, по удивительной непринужденности движений. Марселец Фалько — великолепный ныряльщик. Он всегда отличался знанием моря, умением как-то особенно удачно выбрать ласты, экономно дышать в акваланге. Но сейчас его искусство проявилось особенно ярко. Другие — тоже отличные пловцы, но они кажутся новичками перед ним, и я также чувствую себя тяжеловесным и неповоротливым. Поистине море — его родная стихия. В этом он мне сам признался по телефону:

— Погружение теперь проходит совсем по-другому, у нас вырабатываются новые рефлексы. Водная среда предстала перед нами в другом виде.

А Весли добавил:

— Капитан, если бы меня попросили вынуть изо рта загубник, я бы это сделал. Я совсем забыл, что за спиной у меня баллоны со сжатым воздухом.

Он, наверное, воображает себя рыбой. Ну что ж, они уже почти рыбы: я вижу, как они медленно плывут над песчаным дном; встретив заросли водорослей, непередаваемо мягким движением ластов поднимаются вверх и проплывают над ними. Вот они поплыли по ярко освещенному бульвару, названному ими «Авеню голотурий».

Съемки окончены. Гупиль выключает свои прожекторы. Надо возвращаться на поверхность, да и воздух уже кончается в наших баллонах.

Идея подводного дома неотступно преследовала меня долгое время. Я хочу рассказать вам почему.

Человек, как утверждают учебники, — существо, дышащее легкими и живущее на поверхности земли при нормальном атмосферном давлении. Вода в 800 раз плотнее воздуха. Если человек погрузится в воду, то к атмосферному давлению добавится давление столба воды, которое очень быстро увеличивается с глубиной.

Многие из вас, вероятно, надевали маску, купаясь в море; маска закрывает ваш нос, и дышать приходится через трубку, один конец которой находится у вас во рту, а другой торчит над водой. Если вы опускаете голову в воду, плывя на поверхности, все идет нормально. Предположим теперь, что ваша трубка имеет достаточную длину, чтобы позволить вам погрузиться на 50 сантиметров глубины; дышать станет значительно труднее, а на двух метрах глубины вы уже не сможете делать дыхательных движений. В чем дело? Происходит это оттого, что воздух, который вы вдыхаете через трубку, поступает к вам под атмосферным давлением, тогда как ваша грудная клетка испытывает гидростатическое давление. Легкий воздух не способен уравновесить давление, оказываемое на грудную клетку водой. Вода сдавливает грудь, и легкие остаются пустыми. Таким образом, чтобы поддерживать у ныряльщика нормальное дыхание, необходимо подавать воздух в легкие человека под давлением, равным гидростатическому давлению на уровне грудной клетки.

Этот давно известный принцип учитывался конструкторами кессонных камер, водолазных колоколов, водолазных костюмов. Но водолаз со своими тяжелыми свинцовыми башмаками остается жалким и неловким пленником водной стихии, неспособным свободно двигаться, лишенным всякой автономии. Водолазный костюм с аквалангом в корне меняет дело: нет больше сковывающей «привязи» к поверхности, нет нужды в компрессоре, поскольку ныряльщик имеет запас сжатого воздуха в баллонах. А равновесие давлений соблюдается при помощи распределительного клапана, который находится в верхней части баллонов: внутри клапана имеется гибкая мембрана, воспринимающая давление воды. И каждая порция воздуха поступает через клапан в легкие под давлением, уравновешивающим гидростатическое.

Человек получил, наконец, свободу, какую имеют обитатели моря; он может двигаться во всех направлениях и полностью использовать проведенное под водой время.

Но мне хотелось большего. Сама природа заражает вас страстью исследований, а исследовать ее можно бесконечно. Акваланг, открыв нам чудеса подводного мира, показал в то же время, сколько интересного предстоит еще увидеть.

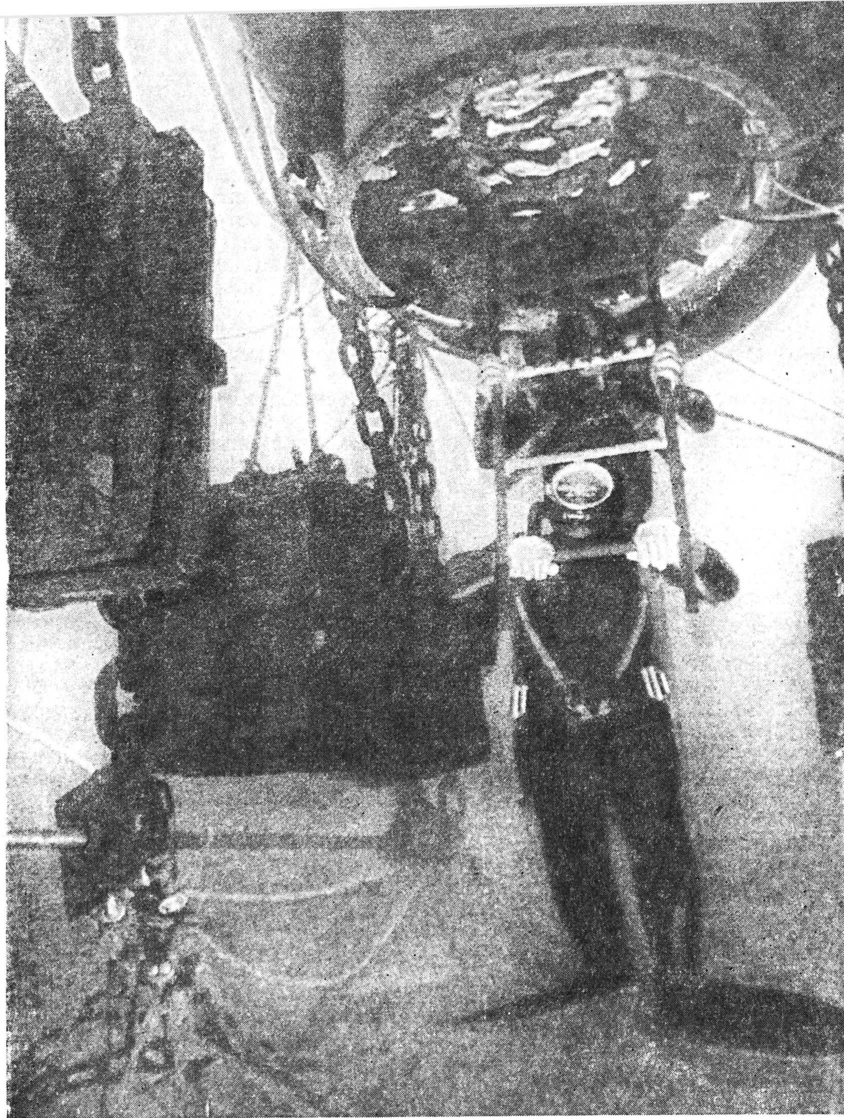
Наши экскурсии носили лишь кратковременный характер, мы не могли владеть по-настоящему подводным миром, мы были там случайными прохожими. Хотелось бы пожить в глубинах моря, работать там, не замуровываясь в подводной лодке или в каком-нибудь подобном приборе, а сохраняя постоянный контакт с морем, используя все преимущества акваланга.

Препятствиями на нашем пути стали некоторые физические законы. На какое время может погрузиться ныряльщик, зависит от емкости баллонов с воздухом. При этом чем глубже погружается ныряльщик, тем больше воздуха он потребляет. Приведу для ясности некоторые цифры: на поверхности, то есть при атмосферном давлении (1 кг/см^2), ныряльщик в среднем потребляет 30 литров воздуха в минуту. На 10 метрах глубины (давление — 2 кг/см^2) — 60 литров. Если емкость баллонов 3 тысячи литров, ныряльщик может дышать на поверхности 100 минут, а на 70 метрах — всего 12,5 минуты. Разумеется, эти цифры не учитывают длительность спуска и подъема с паузами; практически ныряльщик может оставаться на глубине 70 метров 2—3 минуты.

←

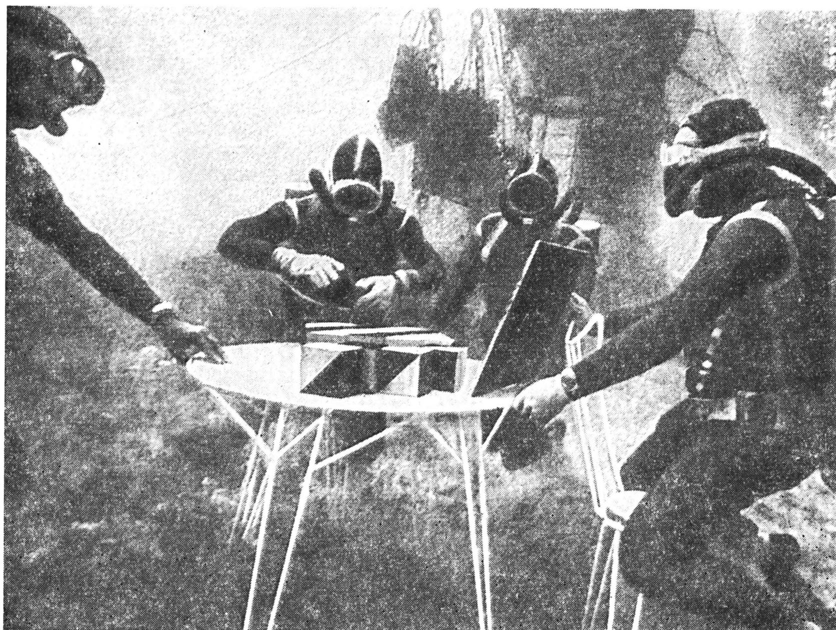
Жизнь в «Диогене» течет по строгому расписанию: в определенные часы завтрак, обед, работа в море. В свободное время каждый занимается своим любимым делом.

Подводный дом опускается на место своей «стоянки» — «фундаментом» ему послужит многометровая толща воды.

Океанавты могут свободно выходить из своего жилища и «бродить» по окрестностям — у «Диогена» нет даже двери, но вода не проникает в дом, как не проникает жидкость в погруженный в нее вверх дном стакан.

Медицинский осмотр под водой. Врачи-психологи проверяют, не понизилась ли у океанавтов после недельного пребывания в «Диогене» наблюдательность, какова у них быстрота реакции, насколько активна умственная деятельность.

Второе крупное препятствие заключается в том, что под давлением происходит растворение газов в крови ныряльщика.

Количество газа, растворенного в жидкости, прямо пропорционально давлению, оказываемому газом на жидкость. Это значит, что при возрастающем давлении в крови будет растворяться все больше и больше кислорода и азота. Процесс растворения обратим. Если уменьшить или убрать давление, то растворенный газ начнет выходить из раствора, и, если давление меняется быстрее, чем это следовало бы, что может случиться при быстром подъеме ныряльщика на поверхность, тогда жидкость тканей окажется перенасыщенной газом, и он начнет бурно выходить из крови ныряльщика, образуя пузырьки.

Азот лучше растворяется в костном мозге и в нервных тканях, чем в крови; и если случится то, что описано выше, газ может вызвать травмы мускульной и нервной систем (паралич, параплезию) в крайне тяжелой и даже смертельной форме.

Чтобы этого не случилось, ныряльщик выдерживает декомпрессионные паузы, выжидает на определенной глубине. Если, к примеру, ныряльщик захотел бы сделать в день три погружения на глубину 25 метров — два погружения на два часа и одно часовое, то он должен после первого погружения сделать две декомпрессионные паузы общей длительностью 1 час 14 минут; после второго погружения — 1 час 20 минут; после третьего — 58 минут. Таким образом, на полезно затраченное время погружения — 5 часов — приходится 3 часа 32 минуты выжидания. Разумеется, что все это время он дышит и расходует воздух из своих баллонов.

Много причин сокращают деятельность аквалангиста. Я не стану вдаваться в детали, но необходимо упомянуть о кислородном опьянении и наркозе, также вызываемыми давлением.

А живя в подводном доме, океанавты могут спокойно покидать его и работать на глубинах до 20—25 метров. Они выходят на два часа утром, на два часа после полудня и на час ночью. Чтобы вернуться к себе, на глубину 10 метров, им нет необходимости соблюдать шкалу декомпрессии по той причине, что они постоянно живут под давлением.

Сам дом, цилиндр со стенками в 4 миллиметра толщиной, сделан по древнему принципу водолазного колокола. В «полу» цилиндра, в средней его части, есть круглое отверстие, выходящее прямо в воду.

Давление воздуха внутри дома уравновешивает наружное давление воды. Дом напоминает стакан, опрокинутый в сосуд с водой.

Когда мы наблюдаем за Фалько и Весли в телевизор, нам кажется, что они разыгрывают сцены из фильма, идущего с замедлением. Замедленны их жесты, дыхание, в походке появилась медлительность. Внутри дома, несмотря на отличное самочувствие, они ощущают свой вес, свою тяжесть. А погружения для них — отдых: выручает закон Архимеда.

Ход опыта показал, что усталость организма океанавта достигла максимума к концу второго — началу третьего дня пребывания. Дальше кривая пошла вверх: начиная с четвертого дня и до конца, они все больше и больше привыкали к новым условиям жизни. Если бы им надо было жить и работать под водой в течение двух недель, то, вероятно, самым плодотворным оказался бы последний период. Самочувствие было хорошее, что видно из результата клинических обследований и ежедневных осмотров, которые выполнялись двумя врачами-ныряльщиками.

Последний день. Океанавты в течение двух часов дышат смесью из 80 процентов кислорода и 20 процентов азота, что позволит им подняться на поверхность, не делая пауз.

Прекрасная погода, и нас собралось на двух кораблях по крайней мере человек пятьдесят. Волнуясь, все ожидают подъема океанавтов. В прозрачной воде мы заметили их в трех метрах от поверхности. Показался черный скафандр. Это был Весли, сразу же за ним поднимался Фалько. Несколько секунд они оставались на трапе с улыбкой на губах и блуждающим взглядом. У обоих перед глазами была пелена, голова кружилась. Затем все прошло. Врачи объясняют это солнцем или избытком кислорода в разбавляющей смеси.

Начались интервью. Весли заявил, что он готов повторить опыт сначала, на большей глубине и на более долгий срок. Фалько просто сказал:

— Приятно, когда солнце... Приятно, когда ты на земле.

Мы не собираемся использовать первый подводный дом еще раз. У того подводного дома, который мы установим в конце 1963 года в районе Марселя, принцип будет совсем другой: в нем мы соорудим три или даже четыре комнаты, и население его станет многочисленней — целая команда ныряльщиков. Словом, это будет настоящая подводная станция. Длительность пребывания под водой мы сделаем значительно большей, а глубина будет порядка 25 метров. При работе океанавты спустятся до глубины 50 метров.

Связь с поверхностью будет сведена до минимума, насколько это возможно; запасы свежей пищи подводные жители пополнят охотой, если захотят. В будущем опыте мы хотим отказаться от доставки пищи в контейнерах, как это делалось сейчас. Таким образом, речь идет о совершенно новом опыте.

Области Мирового океана, которые человек начнет заселять — так думается мне — в ближайшем будущем, океанологи именуют материковой отмелью. Поэтому я и назвал наш первый опыт: «Операция Первый Континент Будущего». Это наиболее богатые и доступные части морей, громадные, как Азия, и лежащие в пределах досягаемости человека.

Материковые отмели простираются вокруг континентов в границах от 0 до 200 метров глубины, уклон поверхности в их пределах незначителен. Британские острова окружены гигантской материковой отмелью, которая соединяет их с Францией. У берегов США она достигает стокилометровой ширины.

Нас ждет новый континент, со всеми своими нетронутыми богатствами.

В течение всего опыта на «Калипсо» присутствовал представитель из Комитета нефтяной разведки. Видимо, он хорошо знал о той выгоде, которую может дать подводный дом при бурении скважин. До сих пор на дне при бурении устанавливалось громоздкое и дорогостоящее оборудование, на котором строили искусственный остров. Стоимость бурения, если его будут вести рабочие, живущие под водой, значительно уменьшится.

Под водой можно устанавливать и стационарные океанографические станции-лаборатории, по-новому вести изыскательские работы, осуществлять прокладку трубопроводов и заниматься разведением ценных пород рыб.

Но практические следствия нас не интересовали. На данном этапе по крайней мере. После нас придут другие, которые будут этим заниматься. Мы хотели просто сделать это возможным, открыть дорогу.

Перед нами лежат неисследованные глубины, и мы проникнем туда. Первый опыт открыл нам двери нового мира.

Перевод с французского Е. ПЛАХИНА

ПОДВОДНЫЙ ТЕРМОС

Группа ученых из Канзасского университета работала в долине Райт, в глубине Антарктиды. Они взяли пробу воды из покрытого льдом озера Ванда и с удивлением обнаружили, что вода теплая.

Начались споры:

— Это теплые источники бьют со дна.

— Нет, это высокий геотермический градиент — поток тепла из недр Земли.

— А может быть, просто произошла ошибка в измерениях?

Время было осеннее, май, в южном полушарии приближалась зима. Пришлось отложить разрешение загадки.

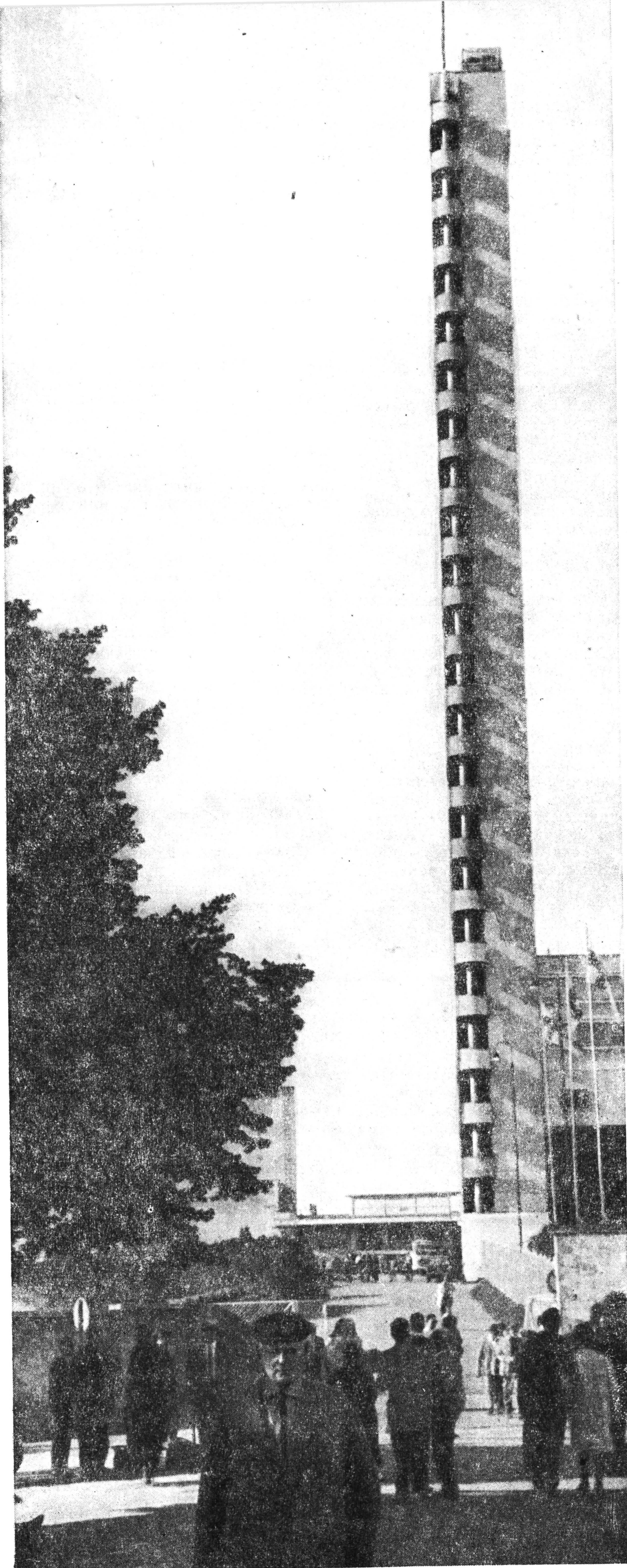
Через много месяцев сюда прибыли новозеландские ученые — геолог Х. Уэллман и химик А. Уилсон. Вертолет высадил их прямо на «объект» — на лед озера Ванда. Восемнадцать дней полярники изучали загадочное озеро. Они установили, что этот водоем покрыт льдом толщиной около 4 метров. Глубина озера — 70 метров. Сразу подо льдом идет толстый слой пресной воды, а на глубине озеро соленое; причем вода здесь намного солоней, чем в море.

И вот хотя температура воздуха в этих местах редко поднимается до нуля градусов, а зимой — около 40 градусов мороза, вода у дна озера постоянно нагрета до 27 градусов тепла — на 47 градусов больше, чем среднегодовая температура воздуха в этом районе.

Ученые установили, что геотермический градиент здесь ни при чем. Теплых ключей тоже не нашли. Так в чем же дело?

Выяснилось, что причина не одна. Озеро Ванда необычно прозрачно. В нем нет тех мириад мелких живых организмов, которые населяют другие водоемы и делают их мутными. Ил и частички грунта здесь тоже не взвешены в воде, а лежат на дне, потому что озеро круглый год покрыто льдом, и ветер не может взбаламутить воду. А сквозь чистый лед и прозрачную воду легко проникают до самого дна солнечные лучи, которых в Антарктике летом куда больше, чем кажется. Они нагревают глубинные слои воды. На поверхность же теплая вода не поднимается: глубинные соленые воды намного тяжелее пресных даже в нагретом состоянии.

Застойные донные воды, укрытые от мороза пресноводной толщей и броней вечного льда, хранят тепло, как в термосе. А летом солнце восполняет ту небольшую утечку тепла, которая происходит за зиму.

В ГОРОДЕ ХАВИС АМАНДЫ

Это не фотоочерк о Хельсинки и даже не репортаж. Это несколько страничек из фотоальбома.

...С верхней площадки башни Олимпийского стадиона открывается панорама города. Высота башни — ровно 73 метра. Такое расстояние пролетело копье известного финского метателя Ярвинена.

Отсюда виден почти весь город — умытый дождями, окрашенный в голубой, белый, зеленый цвета. Эти три цвета преобладают. Хотя есть и другие краски — крыши домов, например, чаще всего черные, а замшелые обломки гранитных скал, которые мирно уживаются с городскими зданиями, — рыжеватых оттенков.

Видны изрезанные берега, голубая гладь Финского залива, который вторгается в город всеми своими бесчисленными фиордами, бухтами, проливами. Зеркала озер в центре города. И острова, острова, острова... Их около двухсот в заливе.

В Хельсинки, куда ни пойдешь, почти обязательно выйдешь к морю.

Есть такая традиция в Финляндии: почти каждый город «выбирает» любимую скульптуру, которая становится его символом. Скульптурной эмблемой Хельсинки — дочери Балтики, как называют свою столицу финны, — стала Хавис Аманда — «Девушка моря».

Фото Ю. САВЕНКОВА

USKAUP
SITRUS
PIDA
TAPIOLA
SIISTINA

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Тов. Козорезов В. И. из города Калуш Ивано-Франковского района просит рассказать о варанах, населяющих остров Комодо.

Обыкновенные драконы

Фото А. ВАГИНА

И. ДАРЕВСКИЙ

Жарким тропическим утром в июле прошлого года я стоял на носу индонезийского экспедиционного судна «Самудера» и с волнением всматривался в появившиеся на горизонте очертания гористого острова.

По специальности я герпетолог — занимаюсь изучением пресмыкающихся: ящериц, змей, крокодилов, черепах, — и тот знаменательный день я считал для себя одним из счастливейших. Остров Комодо, панорама которого все шире развертывалась за бортом «Самудеры», населяют те самые таинственные «драконы», которые не раз становились «героями» мировой прессы, — гигантские индонезийские вараны.

В середине 1910 года в бухте Комодо — одного из многих сотен островков, входящих в состав Малого Зондского архипелага, — укрылась от шторма небольшая шхуна искателей жемчуга. Каково же было изумление высадившихся на берег моряков, когда, углубившись в прибрежные джунгли, они встретили там громадных черно-бурых ящеров.

Попавшие в газеты рассказы ловцов жемчуга, возвратившихся на Яву, вызвали только иронические улыбки зоологов. Решили, что это очередная «охотничья история». Но прошло два года, и снова в газетах появилось известие о необыкновенных «сухопутных крокодилах». На этот раз его принес летчик, совершивший вынужденную посадку на Комодо.

Тогда же на остров была отправлена небольшая экспедиция голландских зоологов, которая добыла четырех огромных ящериц неизвестного науке вида. Ученые наименовали их «Варанус комодензис». (Кстати сказать, «комодо» — это местное название пресмыкающегося.)

Следующая экспедиция для изучения варана была снаряжена в 1926 году. Американские ученые установили, что гигантский варан встречается и на соседних с Комодо островках Падар и Ринджа, а также в западной части крупного острова Флорес. В последующие два десятилетия на Комодо и соседних с ним островах в разное время побывали экспедиции английских, голландских, французских и шведских натуралистов. Несколько живых «драконов», как стали к этому времени называть варанов, были привезены в зоопарки Европы и Америки.

После освобождения от колониального господства правительство Индонезийской Республики, кровно заинтересованное в сохранении природных богатств страны, взяло под охрану обитающих на ее островах ценных и редких животных, в число которых был включен и гигантский варан.

С 1961 года изучением этого пресмыкающегося стали заниматься индонезийские зоологи. Выяснилось, что, несмотря на исследования, проводимые специалистами разных стран, многие особенности жизни варана — его питание, размножение — не были изучены. Нужно было также проверить, не грозит ли животным вымирание, и если это подтвердится, то принять меры для их сохранения. Ученые Индонезии обратились в Академию наук СССР с предложением сообща продолжить изучение уникального животного, и в середине июля 1962 года четверо советских специалистов, в числе которых оказался и я, вылетели из Москвы в Джакарту, с тем чтобы принять участие в очередной экспедиции, которой руководил молодой индонезийский зоолог Сампурно Кадарсан, директор Богорского зоологического музея.

...Высадились к вечеру. С помощью подоспевших носильщиков быстро перенесли имущество под развесистые деревья метрах в двухстах от берега и к наступлению темноты закончили разбивку первого экспедиционного лагеря.

Собравшись после ужина в палатке Сампурно, обсудили план предстоящей работы. Решили начать работу двумя отрядами. Один останется у берега и будет заниматься отловом ящеров, а второй — в него попал и я — отправится в центральную часть острова, к его вершине, а по дороге будет вести наблюдения за жизнью и повадками варанов в естественной обстановке.

Наступила первая ночь на острове. Из темноты доносился разноголосый треск цикад, стрекотание сверчков и по временам раздавалось мелодичное щелканье ночных ящериц — гекконов. Обнаружить этих пресмыкающихся днем довольно трудно, поэтому мы с Сафаром — зоологом из Таджикистана — захватили фонарики и решили попытать счастья ночью.

Уже в нескольких десятках метров от лагеря нас обступила кромешная тьма. В ней кипела напряженная ночная жизнь. Слышалось шуршание листьев, чьи-то осторожные шаги, жужжание насекомых, скрежет челюстей и множество иных непонятных звуков. А вот послышался голос, который мы так ждали. «То-кээ, то-кээ, то-кээ...» — отчетливо и громко выговаривало живое существо над самыми нашими головами, и где-то далеко отзывалось другое: «То-кээ...» Это «разговари-

вали» токэи — так называется один из видов гекконов.

Осветив ствол дерева, мы увидели красивого большого геккона, сидящего вниз головой, именно в такой позе, как он изображен на многочисленных фотографиях. Большие выпуклые глаза ящерицы, с узкими, как у кошки, зрачками, отливали в луче фонарика зеленоватым светом. Фонарик ослепил токэя. Я осторожно накинул ему на голову капроновую петлю специальной удочки. Вскоре мы добыли еще трех токэев и нескольких гекконов другого вида. Сафар посадил в банку трех огромных, очень страшных на вид, многоножек и неведомо как оказавшегося на коре дерева краба.

На следующий день мы отправились к вершине.

Пройдя несколько километров по выжженной солнцем саванне с одиночными пальмами, отряд, провожаемый резкими криками белых какаду, вступил в прохладные джунгли. По тропинке, видимо, очень давно уже никто не ходил. То и дело нам приходилось перелезать через толстые стволы упавших деревьев и пригибаться к земле, чтобы не задеть нависающие ветви. Наш проводник Аму шел впереди и тяжелым, острым, как бритва, ножом — парангом, прорубал дорогу в густых переплетениях лиан. Временами он, запрокидывая голову, быстро подносил ко рту обрубок какой-то одному ему известной лианы и глотал капавшую из пореза мутноватую жидкость: так островитяне утоляют в дороге жажду.

Внезапно Аму остановился. В цепочке носильщиков пробежал испуганный шепот: «Комодо...» Мы с Сампурно бросились вперед и увидели на тропинке небольшого ящера, который спускался навстречу, и теперь остановился в нерешительности, видимо, не зная, что предпринять. Помешкав, варан неожиданно бросился бежать в нашу сторону и, проскользнув мимо нас, исчез за поворотом тропы. Все произошло настолько быстро, что я едва успел нажать спуск своей «Адмиры» и лишь потом сообразил, что потратил пленку впустую, так как объектив оставался закрытым.

Местные жители остерегаются варанов. И не удивительно. Совсем недавно крупный ящер напал на двух мужчин, которые несли убитого оленя, и одного из них тяжело ранил. За год до этого варан убил вышедшего за околицу деревни десятилетнего мальчика. Хищники часто крадут домашних коз, кур, собак. Считается также, что встреча с вараном — дурное предзнаменование.

Преодолев еще один изнурительный подъем, отряд вышел, наконец, на обширную поляну. Ее пересекал узкий овраг, заросший бамбуком. В дождливый сезон овраг этот, видимо, становился руслом небольшой речки, на дне его еще оставались впадины с пресной водой. Судя по многочисленным следам, кабаны, олени и буйволы регулярно приходили сюда на водопой. Значит, где-то поблизости находились и вараны.

Разбили лагерь. Из расщепленных стволов бамбука Аму с носильщиками соорудили стол и скамью, используя вместо веревок гибкие и прочные листья пальмы лонтар.

Первый варан появился во время обеда. Вскочив со своих мест и на ходу хватая кинокамеры, мы выбежали из лагеря. На залитой солнцем опушке бамбуковой рощи, метрах в пятнадцати впереди нас, над выгоревшей травой возвышалась черная чешуйчатая голова ящера. Большие блестящие глаза животного, казалось, с удивлением следили за каждым нашим движением. Затем рот его слегка приоткрылся, и длинный, оранжево-желтый, раздвоенный на конце язык высунулся наружу. Нагнувшись, я завел пружину кинокамеры, а когда снова поднял глаза, варана не было. Уж не померещилось ли мне все это? Я оглянулся. Сампурно отчаянно махал мне руками, указывая туда, где мгновение назад я видел животное. Тогда я понял: варан припал к земле и спрятался в высокой траве. Мы с разных сторон осторожно подкрались к нему.

Теперь ящер находился не более чем в пяти метрах от нас, и я совершенно отчетливо видел широкую змееподобную голову пресмыкающегося с крупными

Селение на острове Комодо.

отверстиями ноздрей, покрытую беловатыми шрамами — следами многочисленных стычек со своими собратьями. Сходство его со змеей особенно увеличивал очень длинный язык; и я невольно вспомнил, что змеи на земле произошли именно от таких огромных ящеров. Приоткрыв пасть, ящер учащенно дышал, и его отвисшее горло с большими складками чешуйчатой кожи равномерно поднималось и опускалось.

Нам нужно было заснять бегущего варана, чтобы затем специалисты смогли изучить своеобразный способ передвижения древних пресмыкающихся. Ящер словно угадал наши мысли — он не спеша двинулся в сторону леса. Вскоре он появился на лишенном растительности каменистом склоне. Движения животного действительно были ни на что не похожи. Приподняв тело над землей и как-то по-особенному растопыривая лапы, зверь медленно поднимался по склону, и его раскачивающийся в такт движению массивный хвост извивался в воздухе, едва задевая кончиком траву. Чем-то очень древним веяло от этой фигуры неторопливо бредущего ящера. Казалось, мы заглянули через визиры наших камер в далекое прошлое Земли...

Аму и натуралист индонезиец Хелми отправились на охоту и к вечеру вернулись с убитым оленем. Мы подтащили его к одинокому дереву посреди поляны и, связав за ноги, подвесили над землей: ветер разнесет запах животного далеко вокруг, и вараны рано или поздно соберутся к добыче. Для наблюдения и киносъемок неподалеку соорудили шалаш, замаскировав его пальмовыми листьями. На следующее утро, сразу после завтрака, мы пробрались в свое укрытие и, установив на штативах кинокамеры, стали ожидать дальнейших событий.

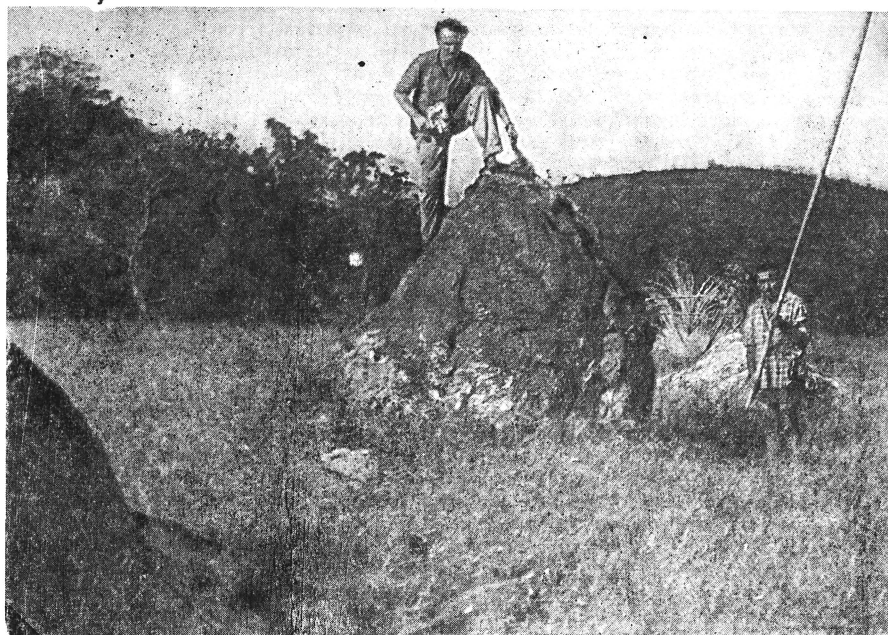
Первым появился огромный самец. Черный силуэт его возник на вершине соседнего холма, четко выделяясь на фоне синего неба. Минуты проходили за минутами, а ящер все стоял неподвижно, как изваяние, с высоко поднятой головой, опираясь на вытянутые передние лапы.

Наблюдая за животным, я не сразу заметил еще двух вышедших из леса варанов, которые тут же нырнули в высокую траву и теперь медленно пробирались к оленю, изредка приподнимая головы. Затем в джунглях послышался треск веток и на опушку выскочили сразу три диких кабана. Поводя носами и принюхиваясь, животные стали осторожно спускаться к поляне, но вдруг, испугавшись, повернули обратно, ломая на пути сухие стебли бамбука. Появилось несколько орланов; они бесшумно описывали круг за кругом над добычей и временами, хрипло крича, присаживались на соседние деревья.

Между тем первый варан спустился с холма, подошел к дереву и теперь, неуклюже подпрыгивая и раскрывая пасть, пытался ухватить зубами свисающую голову оленя. Он упрямо, как заведенный, повторял эти, явно обреченные на неудачу, попытки и выглядел настолько комично, что мы не выдержали и расхохотались, рискуя привлечь внимание хищника. В конце концов зверь отошел в сторону, расположился в тени густой кроны дерева.

Для наблюдения за «драконами» мы решили соорудить шалаш.

Мы покинули засаду, чтобы сфотографировать варанов.

Спустя час под деревом сидело уже пять взрослых варанов, а двое молодых, не рискуя подойти ближе, кружили на почтительном расстоянии. Временами то один, то другой из этой компании не выдерживал и начинал новую атаку. Он пытался подняться по стволу, скользил лапами по коре и, наконец, тяжело плюхнувшись обратно в траву, невозмутимо принимал прежнюю созерцательную позу. В полдень вараны, спасаясь от жары, один за другим стали расходиться и вскоре исчезли в джунглях.

Мы не сомневались, что к вечеру они вернутся, и начали готовиться к следующей сцене. Спустив оленя с дерева, к великому неудовольствию десятка клевавших его черных ворон, мы подтащили тушу совсем близко к укрытию и привязали к вбитому в землю колу.

В начале четвертого жара стала спадать, и вскоре крик дежурного известил нас, что вараны снова собираются к приманке. Через минуту мы уже оказались в укрытии и замерли у наблюдательных пунктов. Как и утром, первым показался большой самец. Не обнаружив добычи на прежнем месте, он с недоумением уставился на пустую ветку. Затем, наклонив голову и часто высовывая язык, варан стал медленно двигаться в нашу сторону, пока не заметил оленя в пяти метрах от себя. Секунда — и послышался глухой треск разрываемых тканей.

Вскоре один за другим стали подскакивать и другие хищники, с разбегу отхватывая от туши здоровенные куски мяса. Слышалось возбужденное сопение голодных ящеров. Четверо варанов, схватив оленя, тянули его каждый к себе и, наконец, разорвав пополам, растащили в разные стороны. Один из них беспорядочно метался от одной половины к другой, стараясь и здесь и там урвать свою долю.

Несколько молодых варанов сидели поодаль; временами они выскакивали вперед, хватали куски мяса и сейчас же отбегали обратно. Такая осторожность стала понятна, когда мы увидели, как один из взрослых ящеров, огрызнувшись на молодого, едва не схватил его за голову. Мы молча наблюдали за фантастическим пиршеством, едва веря в реальность происходящего.

Отсняв первые кассеты и не боясь больше потревожить животных, мы покинули засаду и в азарте, громко переговариваясь, принялись чуть ли не в упор фотографировать варанов. Впрочем, они не обращали на нас ни малейшего внимания. Насытившись до предела, некоторые из них, волоча тяжелое брюхо, отходили в сторону и в полном изнеможении укладывались в тени дерева.

Наш оператор Андрей Вагин вытащил из укрытия свою тяжелую камеру, установил ее против одного из варанов и, забыв обо всем на свете, углубился в работу. Расставленные ножки штатива привлекли внимание другого чудовища. Ящеру пришла в голову фантазия пройти между ними. Но Андрей, видимо, не вполне отдавая себе отчет в том, что он делает, пнул его в голову ногой, обутой в легкий ботинок. Огрызнувшись, варан попятился назад и отправился другой дорогой. Лишь спустя несколько мгновений мы осознали, какая опасность угрожала нашему увлекшемуся оператору.

...Проложенная людьми тропа окончилась в трех километрах от лагеря, и дальнейший путь проходил по звериной тропинке. Она петляла между деревьями, несколько раз разветвлялась и, наконец, исчезла. Некоторое время мы, пригнувшись, а иногда и на четвереньках, продолжали двигаться вверх по склону, но вскоре остановились перед сплошной стеной джунглей, пройти сквозь которые казалось совершенно немыслимо. Аму с носильщиками принялись парангами рубить эту стену. Час такой изнурительной работы позволял нам продвинуться вперед едва ли на две сотни метров. Наконец лес стал меняться. Вместо сухих зарослей бамбука нас окружили высокие, увитые лианами деревья, между которыми густо росли древовидные папоротники. Повеяло свежестью. Идти стало легче. Измученные и обливающиеся потом, мы заметили проглянувшую сквозь деревья поляну.

Но Сампурно сделал знак остановиться у опушки: на поляне паслось большое стадо оленей. Мы осторожно подошли ближе и тут заметили, что с другого конца поляны за оленями наблюдает скрытый в тени варан. Вскоре, совершенно не таясь, ящер медленно, с частыми остановками приблизился к животным и, войдя чуть ли не в середину стада, замер с высоко поднятой головой. Олени спокойно паслись, не обращая внимания на хищника, который поджимал лапы и припадал к земле всякий раз, когда кто-нибудь из них начинал к нему приближаться.

Затаив дыхание мы ожидали: сейчас варан ударит жертву своим страшным хвостом или схватит ее зубами. Однако этого не случилось. Стадо встрепенулось и мгновенно скрылось в лесу.

Поляна, на которую мы вышли, находилась поблизости от самой вершины острова. С трех сторон ее окружал почти непроходимый лес. На востоке она круто обрывалась к океану. Далеко под нами лежал берег, изрезанный темно-синими языками бухт и опоясанный белой полосой прибоя. На горизонте виднелись соседние острова Падар и Ринджа, которые нам предстояло обследовать. Далеко за ними возвышались горы острова Флорес, а где-то над горизонтом угадывался северный берег Австралии — родины гигантских варанов. Много тысячелетий назад предки сегодняшних ящеров вплавь переправились с Австралийского материка на остров Флорес, составлявший в то далекое время с Комодо, Падаром и Ринджей одно целое. Отсутствие конкурентов — млекопитающих хищников и обилие пищи позволили им сохраниться на этих островах до наших дней.

Нам оставалось очень бегло — кончалась пресная вода — обследовать окружающий лес и вернуться к морю. На этом первый этап работ экспедиции кончался.

Оставив на поляне тяжелый рюкзак, я засек по компасу направление, и через несколько минут оказался под сенью гигантских деревьев. Несмотря на яркий солнечный день, здесь царит полумрак. Бесчисленные лианы переплетаются между собой так, что местами сплошной завесой опускаются до земли. На стволах и в развилках ветвей приютились зеленые папоротники и орхидеи с длинными, свисающими во все стороны воздушными корнями. Тишина. Изредка она нарушается лишь криками незнакомых птиц и жужжанием насекомых. Все мои чувства напряжены до крайности: может быть, за этим стволом или среди камней сейчас притаилось неведомое животное, вовсе неизвестное науке.

Вот из-под ног у меня выскочила ящерица и, пробежав немного, скрылась под опавшими листьями. И сразу же возникает извечный для зоолога вопрос: кто это был? Теперь я не успокоюсь, пока не поймаю или хотя бы снова не увижу ее. Лучший способ обнаружить затаившееся животное — это самому остаться неподвижным. Осторожно опускаюсь на колени и не отрываю глаз от места, где укрылась ящерица. Вскоре она медленно выходит из укрытия и настороженно оглядывается по сторонам.

Не верю своим глазам. Все необычно в этой ящерице — голова с незнакомым расположением щитков, короткие, едва заметные ноги, вытянутое, почти змеиное тело. Медленно, очень медленно я заношу руку. Все во мне сосредоточивается в этот миг на одной мысли: только бы не упустить! Наконец бросок — и под рукой у меня забилось гибкое тело пресмыкающегося. Знаменитый английский зоолог и путешественник, близкий друг Дарвина Альфред Уоллес вспоминал, как на одном из островов Малайского архипелага он поймал редкую бабочку: «Когда я вынул бабочку из сачка, — писал он, — сердце мое забилось, кровь ударила в голову. Я был близок к обмороку...» Примерно такие же чувства испытал я, когда осторожно сажал ящерицу в маленький холщовый мешочек. Затем я снова и снова доставал ее и, рискуя упустить, рассматривал, за неимением лупы, через снятый объектив своего фотоаппарата. Позднее, на Яве, выяснилось, что чутье не обмануло меня. Ящерица действительно оказалась очень интересным и новым для науки видом.

Наши первые исследования на Комодо, а также на островах Падар и Ринджа, разумеется, не исчерпали всего того, что бы нам хотелось узнать о редчайших живых ископаемых. Однако начало детальному изучению биологии варанов положено. Знакомство с «драконами» продолжается.

ПЕЩЕРА

Э. П. ГАСКЕЛЛ,
новозеландский писатель

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

Жизнь новозеландцев тесно связана с морем. Нет ни одного поселка, ни одного городка в прибрежных районах страны, где бы не рыбачили. И не случайно так часто пишут в Новой Зеландии о рыбаках.

В рассказе Э. П. Гаскелла «Пещера» речь идет о прошлом, но и в наши дни жизнь новозеландских рыбаков полна трудностей. Рыбакам не под силу приобретение современных судов, помощи от государства они не видят, приходится каждому действовать на свой риск и страх. Небольшие суденышки, а иногда и просто шлюпки бороздят прибрежные воды. Не всегда улов оправдывает средства и силы, на него затраченные, не всегда его можно сбыть, нет никакой уверенности в завтрашнем дне. Постоянная опасность подстерегает человека в море. Так живут новозеландские рыбаки.

Автор рисует дружбу, мужество и сплоченность тружеников моря. Эти их черты выступают на первый план и смягчают трагическую интонацию повествования.

Публикуемый в журнале рассказ включен в сборник новозеландских рассказов, который готовится к печати Гослитиздатом.

Понимаете, все это было очень давно. Я теперь уже старик, но до сих пор помню, как все это меня поразило. Тогда я был совсем еще мальчишка и впервые по-настоящему понял, что есть в жизни много страшного и непонятного. И те двое в пещере никак не выходили у меня из головы. Даже много лет спустя я часто думал о них и все пытался себе представить, каково им было. Иногда все это мне снилось, и во сне я задыхался от гнетущего отчаяния и рад был, когда просыпался и видел, что я не в пещере, а у себя в постели.

И мне все снились толщи спутанных водорослей у входа. Как они извиваются, и кружатся, и вздымаются на волнах. Иногда мне снилось — в пещеру удалось забросить веревку, я хватаюсь за нее, вынимаю руку из воды — и в руке только пучок холодных и скользких водорослей. Понимаете, я ведь был совсем еще мальчишка, а мальчишки — народ впечатлительный. Все это очень меня поразило. Конечно, и до того разбивались у нас суда, но тут я впервые увидел — бывает и так, что человек еще дышит, но он уже мертв.

Это было очень-очень давно, кое-что уже стерлось из памяти, но в те дни это было мое самое большое переживание.

Я и до того слышал о смерти, но никогда прежде не видел медленного мучительного умирания. А тут сильные взрослые люди оказались такими же беспомощными, как и я. И мысль о тех двоих в пещере, о том, как они следили за нашими отчаянными попытками спасти их и все слабели день ото дня, — эта мысль не отпускала меня, и я никак не мог успокоиться.

«Гребешок» — так называлось суденышко. Не бог весть что, обыкновенный кеч[1]. Вечером я видел, как он вышел в море. Я собирал хворост на горке за нашим домом — весной по вечерам еще холодно, приходится топить. С горки мне было видно, как «Гребешок» вышел в море. Уж, конечно, мы, мальчишки, знали наперечет все суда и почти всех моряков. И вот увидел я с горки в тот весенний вечер, как «Гребешок» выходит в море, и сразу понял, что он направляется в Каиапои. Вечер был ясный, и я разглядел, что на борту четверо. Я знал капитана Эллиса, мистера Баркера и Теда Каннигема, но кто был четвертый — не разглядел.

Назавтра, когда отец пришел обедать, он нам сказал, что «Гребешок» погиб. Казалось, это невозможно. Я не мог поверить. Ведь я так часто его видел и знал, кто на нем плавает. И он только накануне вечером вышел в море. Отец был сильно расстроен. Он все повторял: «Не пойму, как это их угораздило в такую

[1] Кеч — небольшое двухмачтовое судно.

тихую ночь! Не пойму, как их угораздило! Заснули они все, что ли? Вот ведь беда!» Понимаете, вечер был такой ясный, и море спокойное. Когда я глядел с горки, «Гребешок» потихоньку двигался вперед, и за ним через всю гавань тянулся по воде след. Вода была гладкая и блестящая. Казалось, это невозможно, но отец сказал, что они разбились около Норд Хеда. Мистеру Баркеру удалось спастись на ялике. Он пристал к берегу недалеко от Блошиной бухты. Они, верно, разбились ночью или уже под утро — так он говорит. У Блошиной бухты он рассказал про крушение и потом принес эту весть в Акароа. «Остальные утонули, — сказал отец. — Трое замечательных моряков. Не могу понять, как это их угораздило в такую ясную ночь!»

Отец прежде и сам был моряком, ходил вдоль наших берегов, пока не завел ферму.

— А капитан Эллис и мистер Каннигем тоже утонули? — спросил я.

Глупо было спрашивать, но ведь я был совсем еще мальчишка и встречал их так часто. Я просто поверить не мог, что их уже нет.

— Конечно, и мистер Белчер тоже, — ответил отец.

Мистер Белчер был тот четвертый, которого я заметил на борту.

Сами понимаете, как все у нас в округе горевали, когда услышали об этом. В то время вся наша жизнь была тесно связана с морем. Большинство товаров шло к нам по воде, и всем было интересно, кто вышел в море, кто вернулся. Гибель самого маленького суденышка близко касалась всех, и гибель трех отличных моряков была тяжким ударом для небольшого поселка.

Днем отец позволил мне сходить на пристань, там все мальчишки стояли и слушали, что говорят взрослые. До сих пор помню — все стоят такие серьезные. Обычно, когда на пристани собирался народ, все смеялись, подшучивали друг над другом, а если у причала находилась какая-нибудь посудина, сколько было жизни, веселой суеты! Но в этот раз все стояли подавленные, а мы, мальчишки, слушали их невеселый разговор. Как и отец, они не понимали, отчего «Гребешок» мог разбиться.

Потом пришлось мне вернуться домой подоить корову — надо было помочь матери. Сижу, прислонившись головой к коровьему боку, пахнет хлевом и молоком — и вдруг вижу, бежит к дому отец.

— Это ошибка! — кричит он. — Ошибка! Они живы!

Отец был человек спокойный, сдержанный, и я до сих пор вижу, как он распахнул калитку и бросился к дому с криком. Таким он бывал не часто.

Это было очень давно, и сразу как-то все перепуталось, и я не могу точно припомнить, что мы стали делать, но отец рассказал, что прискакал на коне кто-то от Блошиной бухты. Теда Каннигема спасли, и остальные еще живы. Я до сих пор помню, как у меня горло перехватило от волнения. Сначала я не мог вымолвить ни слова и все смотрел, смотрел на отца — даже глаза заболели.

— Они еще живы, — повторил он, торопливо шагая по дому. — Баркер не знал толком. Наши на старой лодчонке подъехали к тому месту, хотели еще раз проверить и сняли со скалы Каннигема. Одному богу известно, как он сумел туда пробраться через водоросли.

Водоросли эти страшные. Холодные длинные плети извиваются, мечутся в воде. Я их много раз видел, когда мы ходили рыбачить. «Стой на месте. Не вздумай выгребать, — говорил мне обычно отец. — Начнешь выгребать — и ты погиб». Непонятно, как Теду Каннигему удалось прорваться через водоросли к скале. При одной только мысли о такой силе и смелости у меня дух захватило.

— А капитан Эллис и мистер Белчер тоже на скалах? — спросила мать.

— Нет, они еще на кече. Вернее, на обломках. К ним пробовали подойти, но там повсюду скалы, а остов уже отнесло к пещере. Мы хотим вытащить их оттуда, пока еще светло.

Он поспешно собирал одежду, еду, веревку.

Я не мог усидеть молча.

— Отец, можно мне с вами? Ну, пожалуйста, возьми меня! Ведь я умею грести, я не помешаю. Ну, пожалуйста, отец, честное слово! Ты всегда даешь мне грести.

— Еще чего, никто тебе не позволит, — сказала мать. — Это дело опасное, и взрослым-то придется нелегко. Зачем им еще мальчишка

— Ну, отец, пожалуйста, — умолял я. — Ведь я

сильный. У меня силы хватает и грести и лодкой править. А вам понадобится, чтобы лодку держали на месте, пока вы их спасаете.

Парнишка я был рослый и здоровый и уж сколько раз ходил с отцом рыбачить. А тут спасать, по-настоящему спасать в море людей! Отец взглянул на мать, помолчал минуту, потом сказал:

— Мы выходим на старом вельботе. Весла слишком тяжелые, но тебя можно посадить у руля. Тогда освободится лишний гребец. Только смотри без баловства. У нас дело серьезное, нам некогда будет приглядывать за ребятишками.

— Да нет же отец, я ведь совсем большой. Честное слово.

И я кинулся собираться. По дороге к морю я еле поспевал за отцом и все просил, чтобы он мне дал понести еще что-нибудь. Когда мы пришли на берег, руки у меня прямо отваливались.

Гребцы налегли на весла, и мы мигом прошли через гавань. Я сидел за рулем и мысленно все подгонял лодку. И прямо умирал от страха, что вдруг мы придем слишком поздно. Предзакатное солнце светило из-за холмов, и впереди виднелась лодка, спешившая туда же, куда и мы, а за нами шла еще одна. Ведь это было такое облегчение — узнать, что люди живы, — и все с радостью бросились к ним на выручку.

Едва лодки обогнули мыс, нас подхватила высокая неторопливая волна, и мы закачались вверх и вниз, переваливаясь через округлые гребни.

— Загони только лодку в водоросли, и я с тебя всю шкуру спущу, — пригрозил отец. Он сидел как раз передо мной и с силой налегал на свое весло.

Я взглянул на скалистый берег. Рифы исчезали под водой, когда на них накатывалась волна, а когда она отступала, появлялись снова, влажные, блестящие, в ручейках воды. Среди скал кружились небольшие воронки, затягивая длинные коричневые плети водорослей. Море здесь кишело водорослями.

— Не загоню, отец, — ответил я. — Неужели Тед Каннингем добрался оттуда до берега?

— Оттуда ни одному человеку до берега не добраться, — сказал отец. — Должно быть, он нашел место, где их поменьше.

Я держал вельбот на безопасном расстоянии от водорослей, и скоро мы поравнялись с передней лодкой.

— Вон она! — закричали нам оттуда и показали на скалы. В нашей лодке перестали грести и обернулись. Мне было видно темное отверстие. Оно было довольно широкое и высотой примерно в человеческий рост. Мы подвели обе лодки как можно ближе к скалам и стали громко звать. Было плохо видно — солнце клонилось к закату, скала и пещера остались в тени, и все-таки я увидел — там что-то мелькнуло. Может быть, они размахивали белой рубахой. В ту пору глаза у меня были молодые и зоркие, и я был уверен — там что-то мелькнуло.

— Отец, они там! — закричал я. — Я видел, они чем-то машут. Может, капитан Эллис...

— Молчи! — прошипел он.

Тут я заметил, что все словно окаменели, головы наклонили и лица у всех странные, напряженные.

И вот за шелестом и плеском волн послышался крик. Отчаянный зов из пещеры. Он донесся холодным далеким эхом над полосой воды, но сомнений не было — крик шел из пещеры.

Мы радостно завопили в ответ. Подплыла третья лодка, и мы все вместе дружно закричали.

— Вперед, ребята! Теперь уже недолго! — крикнул отец. И чуть погодя: — Хоть бы добраться поближе!

Того, что случилось потом, я никак не ждал. Я думал, мы подойдем к пещере, заберем их оттуда — и дело с концом. Но вскоре я понял: большинство наших не знает, как быть. Мы не решались повести лодки среди скал: они могли разбиться. Пловец еще пробрался бы как-то к пещере, если б не водоросли. Бросили веревку, она не пролетела и половины расстояния до пещеры. Уже смеркалось, и начался прилив. По

следам на скале видно было, что во время прилива вход в пещеру скрывается под водой.

— Внутри, должно быть, свод повыше, — сказал отец. — Один прилив уже был, а они живы.

Я, не отрываясь, смотрел на пещеру, пока глаза не заболели, но больше никакого движения не заметил.

— Ну что ж, парень, поворачивай к дому, — сказал отец.

Все взялись за весла.

— И мы их так здесь и оставим? — в смятении спросил я.

— Сейчас нам ничего не сделать. Завтра утром будет отлив, солнце осветит пещеру, а мы захватим с собой, что нужно.

— Может, подождем прилива, тогда над скалами пройдем к самой пещере?

— Вход-то будет под водой. Ничего не получится.

— Они нырнут и выплывут к нам.

— Не выйдет. Каннигем думает, мистер Белчер, наверно, ногу сломал. Что-то с ним случилось. Ничего не поделаешь — домой.

Весь обратный путь, сидя у руля, я молчал от досады.

Я был совсем еще мальчишка, и мне казалось, это так жестоко — уехать прочь, бросить их одних. Мне хотелось спасти их сразу, в тот же миг. Сначала меня так поразила их гибель, потом я так обрадовался, что они живы, что мы их спасем. И вдруг повернуть назад, бросить их одних лицом к лицу с наступающей страшной ночью.

Так мы оставили их в первый вечер. И это повторилось еще три раза. Трижды отправлялись мы утром к пещере с нетерпением и надеждой, и трижды вечером возвращались домой ни с чем. Каждое утро нас провожали женщины, и целый день, терзаясь страхом и тревогой, они все смотрели на море, пока не увидят медленно идущие назад лодки. Мучительное беспокойство охватило всех в поселке. А нас каждое утро, когда мы выходили в море, томила ужасная неизвестность, пока в ответ на наш зов не раздавался крик из пещеры.

Теперь, при современном снаряжении, их бы сразу спасли, а в то время что у нас было? Только лодки да веревки, да еще наши сильные руки. Мы испробовали все, что могли придумать. Дни стояли тихие, лодки качались на волнах, но море кидалось на скалы, и водоросли, как змеи, извивались в воде.

Эти три дня слились в какой-то хаос: море и водоросли, и наше бессилие, и мы все качались на волнах, и недалеко от нас скалы. И пещера. Все время эта пещера! По утрам солнце светило прямо на скалы и даже в пещеру заглядывало. Сначала там смутно виднелся остов кеча, и порой можно было различить какое-то движение. Наверно, это было в первый день. Ведь потом остов развалился, и капитан Эллис и мистер Белчер примостились сбоку на выступе скалы.

ПЕСТРЫЙ МИР

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Полуостров Бетховена, гора Листа и гора Грига, острова Глинки, ледники Моцарта и Генделя, бухты Мендельсона, Верди и Шуберта, шельфовый ледник Баха... Где все это? В какой-нибудь сказочной Стране музыки?

Нет, эти названия встречаешь на карте района Антарктиды, почти полтора века назад названного Землей Александра I. В 1947 году здесь работала полярная Американская экспедиция; исследователи, видимо, скучали в пустыне ледяного безмолвия по музыке великих композиторов. Тогда-то и появились у недавних «белых пятен» музыкальные имена.

МЕЧЕНЫЕ БАБОЧКИ

Западногерманский энтомолог Хуберт Рёр вырастил и выпустил на волю 60 тысяч бабочек-капустниц. Улетая из инкубатора, каждая вредительница несла на своем крыле тончайшую алюминиевую пластинку. По расчетам ученого, такая метка, поблескивая на солнце, будет привлекать внимание к меченой бабочке.

Кроме того, каждая бабочка была снабжена микроскопической бумажной этикеткой с адресом исследователя. Общий вес алюминиевого «зеркальца» и бумажного листка не превышал 3 миллиграммов.

Из 60 тысяч бабочек Рёр получил обратно лишь около двух десятков. Одна бабочка была поймана на расстоянии 80 километров от места выпуска.

НА ИМПОРТНОЙ ВОЛЫНКЕ

Производство волынок — любимого музыкального инструмента шотландцев — переживает тяжелый кризис. Шотландские мастера сидят без работы — нет заказов. Один из лейбористских депутатов выяснил причины этого кризиса: шотландские военные оркестры в последние годы играют на дешевых волынках, купленных в... Пакистане. Примеру военных последовали и гражданские музыканты — они тоже предпочли отечественной волынке импортную.

НЕ ТАМ СТОЛИЦА...

В Англии в последнее время некоторые поговаривают о том, чтобы перенести столицу государства из Лондона в другое место. Это, мол, избавит страну от многих трудностей. Журнал «Тудей», например, предлагает построить новую столицу около старинного города Йорка. Он считает, что строительство новой столицы явится хорошим средством от безработицы, которая в этом году достигла в Англии рекордной цифры — 650 тысяч человек.

ВЕСТИ ИЗ ЗООПАРКА

Я их видел утром, когда вода в пещере отражала солнечный свет. Один из них был в белой рубашке. Это был мистер Белчер. Он как будто сидел, а капитан Эллис наклонился над ним. Многие из нас увидели их в то утро, и мы еще удивлялись, как они не погибли, как удержались на поверхности во время прилива, ведь остов разнесло в куски. И лишь когда Доминик подплыл ближе, он увидел, что со свода пещеры свисает доска на двух веревках. Должно быть, это капитан Эллис смастерил. Когда начинался прилив, они, видно, забирались как-то на эту доску и, уцепившись, держались на ней, пока вода стояла высоко.

Прошло столько лет, но даже сейчас я все думаю, каково им было эти три дня. Холод, сырость, беспомощность, ни еды, ни питья, и каждый день видишь бесплодные старания товарищей и чувствуешь, как уходят последние силы. Мы ясно видели их по утрам и слышали их крики, но слова заглушало ревом и шумом волн. Мне казалось, полжизни мы качались вот так в лодке, и опять и опять старались подойти поближе, но всякий раз нас останавливали скалы и водоросли.

Мы привязали к веревкам пробковые поплавки и пускали их по течению к пещере. Одну веревку и в самом деле принесло в пещеру, и капитан Эллис ухватился за нее. Еще немного — и они были бы спасены, но когда веревка натянулась, ее перетерло о камни, и она лопнула.

Это была самая тяжелая минута. Капитан Эллис держал веревку, наши чувствовали, как он ее тянет, мы словно взялись за руки. И тут веревка лопнула. И сколько мы потом ни старались, ни одна больше не попала в ту струю, которая могла бы отнести ее в пещеру.

Вот тут-то, должно быть, смерть глянула им в лицо. Четыре ночи и три дня провели они в полутемной пещере, в часы прилива они цеплялись за доску и их швыряло взад и вперед, а потом они сидели, примостившись на узком выступе скалы, а солнце сияло над лодками, над их товарищами, и вода отбрасывала блики на своды пещеры. Спасителям никак не удавалось подойти поближе, но, наверное, те двое все же не теряли надежды. Но вот капитан Эллис ухватился за веревку и почувствовал, как она натянулась у него в руках — и вдруг провисла. Наверно, это его поразило в самое сердце. Наверное, тут они поняли, что все кончено.

Когда лопнула веревка, я заплакал. Я был тогда совсем еще мальчишка, и в эти дни я всем сердцем был с ними там, в пещере. Их отчаяние передалось и мне.

А потом, на четвертое утро, солнце все так же сияло над морем, вода все так же захлестывала скалы, но пещера была пуста...

Перевод с английского НИНЕЛЬ ЯВНО

СЛОНОВЬИ ПРОТЕЗЫ

Давным-давно важным участником многих празднеств в Индии стал слон. Ярко украшенные гиганты, важно шествующие в процессиях, изображены на самых древних фресках. И до сих пор добродушные великаны служат традиционным украшением шествий и парадов во многих странах Азии.

Люди заметили, что слонихи лучше поддаются дрессировке, — спокойнее переносят шум и возбуждение огромной толпы. Но слоны оцениваются по величине и форме их бивней, а клыки слоних — тонки и некрасивы. И с незапамятных времен по праздничным дням слонихам приделывают «фальшивые зубы». Поверх клыков искусные мастера надевают им деревянные бивни, выкрашенные в цвет слоновой кости.

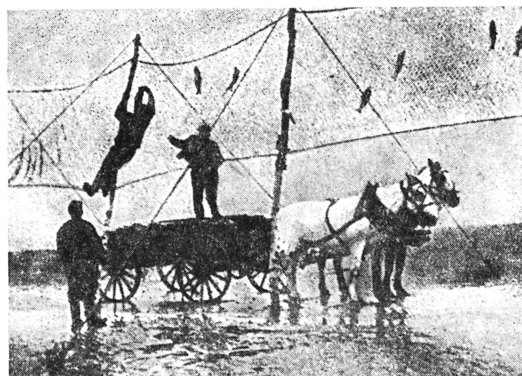
„СТРЕЛОЧНИК" НА ПОСТУ

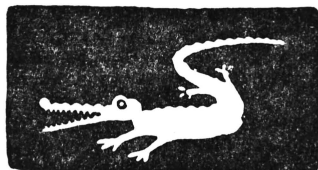
Хозяин этого пса по кличке Кику — стрелочник. Он решил, что псу нечего болтаться без дела, и одел его в железнодорожную форму. Теперь они вместе выходят на дежурство. Пока хозяин, перекрыв шлагбаум, пропускает поезд, Кику развлекает своим видом туристов, задержавшихся у переезда. Для стрелочника это своеобразный приработок: хозяину перепадает мелкая монета, а Кику — сладости.

СУХОПУТНЫЕ РЫБАКИ

На западном берегу полуострова Новая Шотландия в Канаде рыбаки не забрасывают свои сети в море. Они навешивают их на высокие столбы, вбитые в землю по всему побережью Фанди — узкого залива, отделяющего полуостров от материка. Океанские приливы достигают здесь высоты 10 метров, и вода заходит на несколько километров в глубь суши. Этим и пользуются рыбаки.

После отлива принесенную водой и застрявшую в сетях рыбу «ловят» с лестниц, повозок или взбираются за ней прямо по столбам. Как ни прост, кажется, такой способ рыбной ловли, «сухопутный» рыбак должен обладать большим опытом, ловкостью и сноровкой. Нужно точно рассчитать время и успеть достичь безопасного места, прежде чем вновь начнет наступать вода.

Белый крокодил размером чуть меньше метра — последняя новинка Берлинского зоопарка. Этот белый представитель семьи кайманов отличается от своих собратьев, живущих в Амазонке и других реках Южной Америки, на редкость слабой пигментацией кожи.

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

АВСТРАЛИЙСКИЕ СИЛУЭТЫ

Л. ВЛАДИМИРСКИЙ

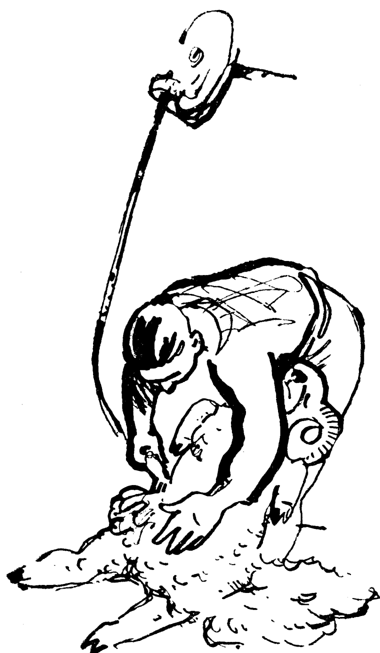
Строители из Аделаиды.

Огромные тягачи перевозят с лесосек эвкалипты и сосны. Бревна достигают трех метров в диаметре.

Мельбурн. Пальмы на улицах широко раскинули свои ветви-перья.

Австралийские стригали — признанные во всем мире мастера своего дела. Овцы в руках такого «парикмахера» ведут себя удивительно спокойно.

Мальчишка-газетчик с восторгом выкрикивает новости, показывая в ночное небо: «Советские космонавты! Советские космонавты!»

Летать совсем не умеет, неуклюже ходит, кое-как ползет по снегу на животе, зато отлично ныряет и плавает, — да птица ли это? Вопрос, пожалуй, законный. Но орнитологи утверждают: пингвины — птицы: стоит взглянуть на строение их скелета, на оперение, вспомнить, что пингвинята появляются из яиц.

Конечно, пингвины — птицы, но совсем особенные. Недаром зоологи, заметив, что близких родичей у них нет, в своей классификации определили их в отдельный «отряд пингвинов». То, что пингвины — любители холода, — дело известное, но интересно, что из двух полярных областей Земли эти «неуклюжи», как их называли в старину, выбрали только одну, и у нас в Арктике их нет. Дом пингвинов — Антарктика.

Всего в пингвиньем отряде числится семнадцать видов. Самые известные и многочисленные из них — королевские (иногда их называют императорскими) и пингвины адели. Об этом «снежном народце» читателям «Вокруг света» уже рассказывал Р. Дж. Доверс (№ 4 за 1961 год).

Существует несколько пингвиньих видов, поселившихся в более теплых краях. Есть колонии этих странных птиц на субантарктических островах, на обращенных к ледяному континенту побережьях Новой Зеландии, южной части Африки, Южной Америки. В Австралии одна порода живет в полупресной воде устьев рек. А один вид добрался даже до экватора и поселился в Тихом океане на Галапагосских островах.

Известный английский натуралист Даррелл побывал в пингвиньем «селении» на побережье Аргентины.

Его рассказ о знакомстве с забавным «народцем» мы публикуем в этом номере.

ДЖ. ДАРРЕЛЛ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Большое поле нагретого солнцем песка было отделено от моря серпообразным хребтом песчаных дюн в две сотни футов высотой. Именно здесь, в пустынном месте, защищенном от морских ветров заботливым объятием дюн, пингвины создали свой город. Насколько хватает глаз по обе стороны от нас земля была выщерблена ямками-гнездами. Эти «кратеры» делали местность похожей на небольшой участок лунной поверхности, если смотреть на нее в мощный телескоп. Между «кратерами» бродили вперевалку пингвины. Их сборище было похоже на толпу официантов, которые торжественно ходят от столика к столику, шаркая ногами и страдая от боли в согбенной спине, словно им всю жизнь приходилось таскать перегруженные подносы. Число птиц было чудовищно: даже на горизонте в жарком мареве мелькали их черно-белые тельца.

Мы стояли и наблюдали за пингвинами, а они стояли и с интересом наблюдали за нами. Большинство птиц были, конечно, взрослыми; но в каждой ямке-гнезде сидело по одному, а то и по два птенца, еще носивших младенческие пуховые шубки. Они посматривали на нас большими, трогательными черными глазами. У взрослых пингвинов, гладких и опрятных в своих черно-белых костюмах, были красные сережки у оснований клювов и блестящие хищные глаза уличных торговцев. Если мы к ним приближались, они поворачивались спиной к своим ямкам и угрожающе поводили головой из стороны в сторону, задирая ее все выше и выше. Малыши подпускали человека фута на четыре, а потом их нервы не выдерживали — они бежали и ныряли в ямку, откуда оставались торчать только их пушистые задики и бешено болтающиеся ноги.

Сначала шум и движение обширной колонии сбили нас с толку. Непрерывно шуршал ветер, он был как бы фоном для писка малышей и громких протяжных птичьих криков, похожих на ослиный рев, — пингвины стояли, вытянувшись во весь рост, широко расставив плавники, задрав клювы к голубому небу, и ревели радостно, возбужденно. Но после нескольких часов пребывания среди птиц, уже можно было кое в чем разобраться. Стало очевидным, что передвигаются по полю в основном лишь взрослые птицы. Многие пингвины стояли у гнезд, неся, по-видимому, караульную службу при молодом поколении; многие же сновали туда-сюда, направляясь к морю или возвращаясь обратно. Эти постоянные переходы к морю и обратно — такой изнурительный самоотверженный труд, что он заслуживает подробного описания.

Рано утром одна из птиц-родителей направлялась к морю, оставив свою «половину» при гнезде. Чтобы добраться до моря, птице нужно было преодолеть мили полторы пути по самой труднопроходимой местности, какую только можно себе представить. Сначала им приходилось лавировать в мозаике ямок, вырытых колонией. А за ее краем — вернее сказать, окраиной — начинался спекшийся, растрескавшийся на солнце песок. Даже ранним утром он нагревался до того, что к нему было больно прикоснуться, и все же исполненные сознанием долга пингвины брели по нему, словно в забытьи, часто останавливаясь для отдыха. Это обычно занимало у них около получаса. Достигнув противоположного края маленькой пустыни, птицы встречались с новым препятствием — дюнами, которые возвышались над миниатюрными фигурками пингвинов, как снежные вершины Гималаев. Даже нам было трудно перебираться через эти дюны, сложенные из мелкого осыпающегося песка, а не приспособленным для подобных занятий пингвинам и подавно.

Добравшись до подножия дюн, пингвины обычно отдыхали минут десять. Некоторые просто сидели, озабоченно размышляя, другие лежали, тяжело дыша. Затем они снова упрямо становились на ноги и начинали подъем — собравшись с духом, птицы бежали вверх по склону, очевидно пытаясь преодолеть крутизну как можно быстрее. Но примерно на четверти пути подъем замедлялся, и они все чаще останавливались отдыхать. А склон становился все круче и круче, так что пингвинам приходилось ложиться на брюшко и карабкаться вверх, помогая себе плавниками. Потом они одним махом преодолевали последние футы, торжествующе выскакивали на вершину и здесь, восторженно похлопав плавниками, бросались на землю, чтобы отдохнуть в последний раз. Лежа на остром гребне дюн, они видели синее море, которое в полумиле от них сверкало прохладно и привлекательно. Но чтобы попасть к нему, им еще надо было спуститься по обратному склону дюн, пересечь четверть мили кустарников, а потом несколько сот ярдов пляжа, усыпанного галькой.

Спуститься с дюн было нетрудно, и птицы осуществляли это двумя способами, одинаково забавными. Они либо шагали вниз по склону, начиная степенно и увеличивая скорость все больше и больше по мере того, как склон становился круче, пока не пускались в галоп самым несолидным образом. Либо они скользили вниз на брюшке, подтал-

тщательно вырытую «виллу», служившую резиденцией семейству Джонсов. На большеглазую заморенную, неухоженную Генриетту было больно смотреть. Она вечно искала, где бы поесть, и так как взрослым Джонсам приходилось идти мимо ее входной «двери», она всегда предпринимала попытки заставить их отрыгнуть пищу прежде, чем они добирались домой.

Эти попытки были тщетны, и за все свои старания Генриетта получала лишь жестокую взбучку, отчего пух ее разлетался большим облаком. Она отступала, разъяренная, и страдальческими глазами наблюдала, как

МОРЕ СТАРЫХ ОФИЦИАНТОВ

кивая себя лапками и плавниками, словно были не на песке, а на воде. В маленькой песчаной лавине они скатывались к подножию, здесь становились на ноги, отряхивались и начинали угрюмо продираться сквозь кусты к пляжу. Последние несколько сотен ярдов пляжа заставляли их страдать больше всего. Недалеко было море, голубое, сверкающее, соблазнительно плещущееся о берег, а им, чтобы добраться до него, приходилось волочить усталые тела по каменистому пляжу, где каждая галька с хрустом ускользала из-под ног, где было так трудно сохранить равновесие. Но, наконец, птицы оказывались в воде...

Минут десять они кувыркались и ныряли в мерцающей на солнце воде, смывая пыль и песок с головы и крыльев, восторженно болтая горячими больными ногами, крутясь и подпрыгивая, исчезая под водой и вылетая из нее, как пробка. Освежившись вволю, они принимались за ловлю рыбы и, нагрузившись рыбой, брели обратно.

Когда птица добиралась до колонии, ее злоключения на этом не кончались — предстояло еще пробежать сквозь строй нескольких тысяч птенцов, прежде чем она попадала к собственному гнезду. Все эти птенцы знали, что, подвергнув чужого родителя своего рода щекотке, они заставят его отрыгнуть принесенную им пищу. Так что пингвину приходилось увертываться от атак толстых пушистых «младенцев», бросаясь то вправо, то влево, словно опытному нападающему на футбольном поле. Двое-трое чужих птенцов обычно преследовали птицу до самого гнезда. Но, оказавшись дома, пингвин вдруг терял терпение и, повернувшись к преследователям, принимался наказывать их самым решительным образом.

Отогнав чужих птенцов, птица оборачивалась к собственным, которые уже атаковали ее, крича от голода и нетерпения пронзительно и хрипло. Она усаживалась у ямки и, задумчиво уставившись на свои ноги, делала такие движения, словно старалась подавить острый приступ икоты. Это продолжалось секунд тридцать, потом птица с видом облегчения вдруг отрыгивала пищу, засовывая клюв так далеко в разинутые клювы птенцов, что наблюдатель начинал сомневаться, сумеет ли она вытащить свою голову обратно...

Семью пингвинов, занимавших гнездо возле того места, откуда мы снимали кинофильм, мы прозвали Джонсами. Совсем рядом с апартаментами Джонсов находилась другая ямка, в которой был всего один маленький и очень тощий птенец, получивший у нас имя Генриетты Ваканттум. Я подозреваю, что родители Генриетты были попросту ленивы, потому что добывание корма для нее занимало у них вдвое больше времени, чем у других пингвинов, и притом доставлялась она в таких мизерных количествах, что Генриетта была вечно голодна.

О привычках родителей говорила и неряшливая ямка — просто небрежно вырытая лощинка, настолько неглубокая, что она едва защищала Генриетту от суровых ветров и была совершенно непохожа на глубокую, два жирных младенца Джонсов пожирали свой обед. Но однажды Генриетта обнаружила способ красть еду у семейства Джонсов без неприятных последствий: она дождалась, когда взрослый Джонс начал свои телодвижения, предшествовавшие отрыгиванию, и в решающий момент присоединилась к группе, осторожно приблизившись к взрослой птице сзади. Потом громко крича и открывая широко клювик, она сунула свою головку через плечо птицы, по-прежнему осторожно оставаясь сзади, чтобы не быть узнанной. Джонс, озабоченный кормлением своего выводка, разинувшего клювики, по-видимому, не замечал появления третьей головки в общей свалке. И в последний момент он сунул голову в первый же попавшийся разинутый клюв с отчаянным видом пассажира самолета, который хватает маленький бумажный пакет при пятидесятой воздушной яме. И только когда кончилась последняя спазма и птица смогла сосредоточить свое внимание не только на внутренних ощущениях, она поняла, что кормила чужого отпрыска, и тогда Генриетте пришлось, изящно переваливаясь на больших толстых лапах, бежать от гнева и возмездия. Но довольная физиономия ее говорила, что дело стоило того...

Мы наблюдали за колонией в течение трех недель. За это время Джонсы так привыкли к нам, что совершенно не боялись и позволяли снимать с самого близкого расстояния. Я увез из пингвиньего города много любопытных кинокадров.

Перевод с английского Д. ЖУКОВА

Среди книг

ПУТЕШЕСТВЕННИК, УЧЕНЫЙ, ГРАЖДАНИН

В 1891 году из Якутска вышла экспедиция. Ей предстояло пройти двухтысячный путь до Верхне-Колымска. Экспедиция направлялась для исследования Колымы, Яны и Индигирки. На картах Российской империи район исследования был отмечен «белым пятном». Возглавлял экспедицию Иван Дементьевич Черский.

Выпущенная в серии «Жизнь замечательных людей» книга А. Алдан-Семенова «Черский» [1] и рассказывает об этом нелегком путешествии. Страница за страницей развертывается перед читателем семидесятидневный путь по непроходимым болотам и топям.

От дождей разливается Дыба, и больной скоротечной чахоткой Черский двадцать семь раз по грудь в воде переправляет груз на топкий берег.

Сто́ит измученным людям забыться сном, как начинается лесной пожар. И снова, стоя по горло в ледяной воде таежного озера, ждут усталые люди спада огня. Порой путешественники теряли веру в благополучный исход экспедиции. Только неистощимый оптимизм Черского поддерживал людей в трудные минуты.

...За участие в Польском восстании Черский был арестован и отправлен в сибирский батальон штрафным рекрутом. Ему удалось совершить несколько походов по берегам Оби и Иртыша в поисках костей доисторических животных, ценных минералов и раковин. О сумасбродном штрафном солдате, собирающем раковины на берегу Иртыша, узнал академик Миддендорф. Заинтересовавшись изысканиями Черского, он добился, чтобы его перевели в Иркутск, для работы в Сибирском отделе Русского географического общества. Острый ум и огромная работоспособность быстро выдвинули Черского в ряды крупнейших специалистов по геологии, географии и зоологии. Работы Черского по исследованию Байкала и Восточных Саян вызывали восхищение его знаменитых соотечественников — Семенова-Тян-Шанского, Потанина, Бунге, Толя.

С большой теплотой рассказывает Алдан-Семенов и о помощниках Черского. Вот Мавра Павловна Черская, дочь иркутской прачки, разделившая с мужем все тяготы пути. После его смерти она продолжила исследования, начатые Черским.

Степан Расторгуев — проводник экспедиции, некогда водивший по тайге купеческие караваны. И вот под влиянием Черского в нем пробудился интерес к научным изысканиям. Скоро Расторгуев стал незаменимым помощником Черского по сбору минералов.

Двенадцатилетний Саша, самый молодой участник экспедиции, мечтающий продолжить дело отца, ставший впоследствии известным геологом.

Черский очень скромно оценивал свои заслуги перед отечественной наукой. На просьбу проводника рассказать о себе Черский ответил: «Моя биография интереса не представляет: родился, страдал, умер».

При всей внешней негромкости, жизнь Черского вызывала восхищение его современников. И сегодня научный подвиг Черского служит примером бескорыстного служения людям.

Б. АЛОНИЧЕВ

[1] А. Алдан-Семенов. Черский. Изд-во «Молодая гвардия», 1963.

ЗАПОВЕДНИК НЕВЕДОМОГО

Эта книга[1] написана в Антарктиде. Сюда, на край света привела автора его специальность метеоролога, синоптика, чье дело познать самую капризную стихию — воздух, определить законы, управляющие погодой и климатом.

Погода Антарктики до сих пор еще очень мало изучена. Вот почему в период Международного геофизического года самым многочисленным отрядом ученых, прибывшим на шестой континент, были метеорологи.

Наступление на величайший заповедник неведомого — Антарктиду — велось совместными усилиями ученых разных стран.

На американской полярной станции Литтл Америка-5 был создан Международный антарктический центр погоды. Здесь работали полярники из США, СССР, Франции, Австралии и Аргентины. Представителем нашей науки был Павел Астапенко.

В своей книге, первоначальные главы которой были опубликованы четыре года назад в журнале «Вокруг света», он интересно рассказывает о суровом климате Антарктиды, о природе этого загадочного континента и о людях, которые ее изучают.

«...Написав книгу прежде всего об Антарктиде, — говорит автор, — я в какой-то мере написал и об американцах, какими увидел их...» Он зимует вместе с зарубежными учеными, делит с ними радость открытий и тревогу за попавших в беду товарищей. И, как настоящий товарищ, он не хочет скрывать то, что ему здесь нравится, и то, что он, советский человек, не приемлет.

Это правдивая, тепло написанная книга.

Б. СИЛКИН

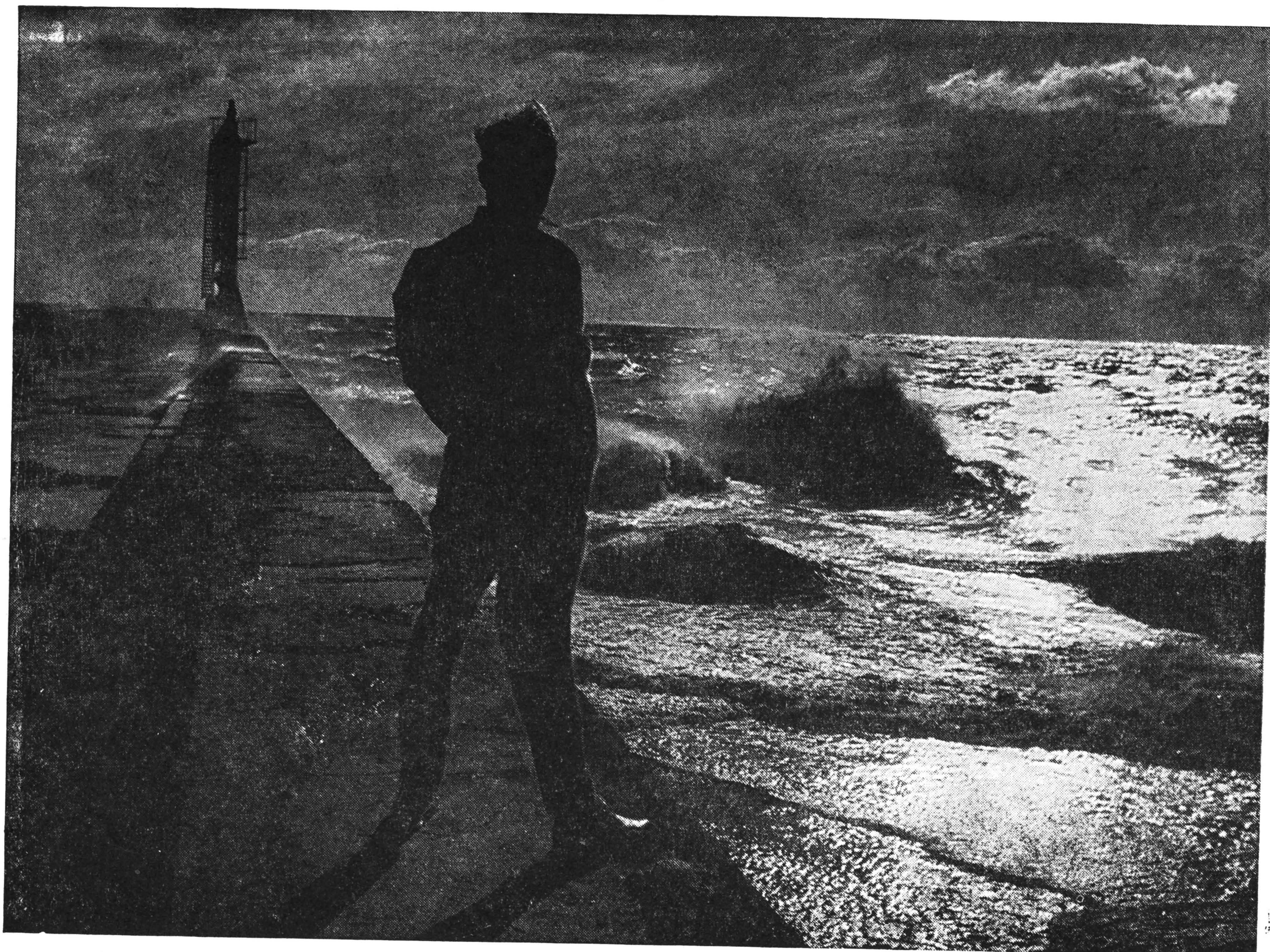
---

[1] П. Д. Астапенко. Путешествие за тридевять земель. Гидрометеоиздат, Ленинград, 1962.

←После шторма в Атлантике. Фото Ю. ТРУШИНА Москва

ФОТОКОНКУРС ВОКРУГ СВЕТА

↓ Норд-ост. Фото Б. БОРОВСКОГО. Сочи.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10 ОКТЯБРЬ 1963

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, П. А. АНТРОПОВ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, И. П. ГЕРАСИМОВ, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПКОВ (заместитель главного редактора), П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ.

Оформление В. Чернецова и Т. Гороховской

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефоны: для справок Д 1-15-00, доб. 2-29, отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; 3-58; литературы — 3-93; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

А07353. Подп. к печ. 12/IX 1963 г. Печ. л. 8,5(8,5). Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 250 000 экз. Заказ 1434. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

ПУСТЫНЯ В ТИХОМ ОКЕАНЕ

В Тихом океане на большом треугольнике между островом Гавайи, портом Сан-Диего (США) и точкой с координатами 5° северной широты и 140° западной долготы есть... пустыня. Верхний 150-метровый слой воды в этом районе содержит лишь небольшое количество зоопланктона, здесь очень мало рыб и морских животных.

Исследования показали, что и «нижние этажи» океана почти не населены. Как объяснить возникновение этой биологической пустыни?

Жизнь морских животных и растений, как известно, теснейшим образом связана с температурой и соленостью воды, с содержанием в ней кислорода и питательных веществ. А все это, в свою очередь, зависит от движения масс воды. Известно, что внезапные перемены в направлении морских течений ведут либо к резкому ухудшению жизненных условий, либо, напротив, к бурному размножению морских организмов. Например, изменение направления теплого течения у берегов Южной Америки вызывало в тех местах массовую гибель рыб и других обитателей моря.

Тихоокеанская «пустыня» находится в субтропической области высокого давления, где в основном преобладают спокойные слабые ветры. Поэтому здесь почти отсутствует вертикальная циркуляция вод, которая переносит от дна вверх питательные вещества для планктона.

А планктон — основа рыбьей «кухни», без него невозможно развитие рыб и морских животных.

На первой странице обложки: В эвкалиптовых лесах недалеко от Мельбурна трудится этот лесоруб.

Фото М. ОШУРКОВА

На третьей странице обложки:

ЮЖНЫЙ ТИРОЛЬ (Австрия). Стадо овец бредет к альпийским лугам через ледник Симилаун.

Цена 60 коп.

Индекс 70142

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЫПУСКАЕТ В 1964 ГОДУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ:

БЕНИТЕС Ф., **Путешествие к индейцам тараумара.** Мехико, 1960, перевод с английского, 10 изд. л., цена 37 коп.

Географические открытия и исследования Земли. (Со словарем первооткрывателей и исследователей.) Лейпциг, 1961, перевод с немецкого, 19 изд. л., цена в переплете 1 р. 53 к.

География городов. Сборник. Чикаго, 1959, перевод с английского, 38 изд. л., цена в переплете 2 р. 86 к.

ГИЛЬЗЕНБАХ Р., **Земля жаждет.** Лейпциг, 1961, перевод с немецкого, 18 изд. л., цена в переплете 70 коп.

Климатология и микроклиматология. Сборник. Париж, 1958, перевод с английского, 25 изд. л., цена в переплете 1 р. 95 к.

МОРАЭС Р., **Амазонская низменность.** Рио-де-Жанейро, 1961, перевод с португальского, 10 изд. л., цена 37 коп.

МОУЭТ Ф., **Испытание льдом.** Торонто, 1960, перевод с английского, 17 изд. л., цена в переплете 78 коп.

Общая циркуляция атмосферы. Сборник. Перевод с китайского, чешского, английского, немецкого, 28 изд. л., цена в переплете 2 р. 16 к.

С аннотациями на эти книги вы можете ознакомиться в тематическом плане издательства на 1964 год.

ВНИМАНИЮ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ НА ПЕЧАТАЮЩИЕСЯ КНИГИ ПРИНИМАЮТ МАГАЗИНЫ КНИГОТОРГА И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ ОФОРМЛЯЮТСЯ В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ НА ПОЧТОВОЙ ОТКРЫТКЕ.

ПО МЕРЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ПОКУПАТЕЛИ ИЗВЕЩАЮТСЯ ПО ПОЧТЕ.

СВОЕВРЕМЕННО ОФОРМЛЯЙТЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ НА ИНТЕРЕСУЮЩИЕ ВАС КНИГИ.